

Луиза Олкотт Хорошие жены

Маленькие женщины – 2

Глава 1 Поговорим о старых знакомых

Чтобы вновь начать наш рассказ и в приятном расположении духа подойти к описанию свадьбы Мег, будет, вероятно, вполне разумно предварительно немного посудачить о делах семейства Марч. И здесь позвольте мне сразу заметить, что, если кто-либо из представителей старшего поколения, читая эту историю, сочтет, что в ней «слишком много про любовь» (не думаю, чтобы такой упрек высказали мне мои юные читатели), мне остается лишь отвечать вместе с миссис Марч: «Чего же еще можно ожидать, если в доме четыре жизнерадостные девочки и порывистый и энергичный молодой сосед?»

Прошедшие три года внесли мало перемен в спокойную жизнь семьи. Война была окончена, а мистер Марч, благополучно оказавшись дома, занялся своими книгами и делами вверенного его заботам маленького прихода, который обрел в своем пастыре священника по призванию и милостью Божией — скромного, трудолюбивого человека, богатого той мудростью, что лучше всякой учености, той отзывчивостью, что учит обращаться ко всему человечеству со словом «братья», тем благочестием, которое становится основой характера, вызывая уважение и любовь окружающих. Эти качества, несмотря на бедность и бескомпромиссную честность, закрывшие ему путь к житейского рода успеху, привлекали к мистеру Марчу множество замечательных людей так же естественно, как душистые травы влекут к себе пчел, и так же естественно давал он им нектар мудрости, в который пятьдесят лет тяжелых жизненных испытаний не влили ни одной капли горечи. Серьезные и искренние молодые люди находили, что их седовласый ученый друг так же молод душой, как и они; томимые заботами женщины шли к нему со своими тревогами, уверенные, что встретят самое глубокое сочувствие, получают самый мудрый совет; грешники исповедовались в своих грехах чистому сердцем старику, получая и нагоняй и спасение души; талантливые люди находили в нем интересного собеседника; честолобцам открывалось существование стремлений куда более благородных, чем их собственные; и даже те, кто был всецело поглощен земными интересами, признавали, что его убеждения красивы и справедливы, хоть «на них и не разбогатеешь».

На взгляд постороннего, всем в доме распоряжались пять энергичных женщин; и так оно и было в том, что касалось многих домашних дел, но скромный мудрец, сидевший среди своих книг, по-прежнему оставался главой и совестью семьи, якорем спасения и утешителем, и к нему неизменно обращались в трудную минуту эти вечно занятые, озабоченные женщины, находя в нем мужа и отца в подлинном смысле этих священных слов.

Сердца девочек были открыты матери, души — отцу, и обоим родителям, живших и трудившихся ради них с такой преданностью, дочери дарили любовью, росшей вместе с ними и связывавшей всю семью самыми нежными и дорогими узами, которые делают счастливой жизнь и которые не в силах разрушить даже смерть.

Миссис Марч все так же бодра и энергична, хотя в волосах ее больше седины, чем тогда, когда мы видели ее в последний раз, и в данное время она настолько поглощена делами Мег, что госпиталям, где еще остается много раненых «мальчиков», и домам солдатских вдов явно не хватает ее материнских забот и благотворительных посещений.

Джон Брук в течение года мужественно исполнял свой долг перед страной, был ранен и отправлен домой, вернуться на фронт ему не позволили. Он не получил ни чинов, ни награды, хотя вполне заслужил их, ибо с готовностью рисковал всем, что имел, а жизнь и любовь

необыкновенно дороги, когда и та и другая в полном расцвете. Смирившись со своей отставкой из армии, он посвятил все силы тому, чтобы восстановить здоровье, подготовиться к новой работе и заработать на дом, где они с Мег могли бы поселиться. С присущими ему здравым смыслом и упорным стремлением к независимости он отказался от более заманчивых предложений мистера Лоренса и поступил в его фирму на скромную должность бухгалтера, испытывая глубокое удовлетворение от того, что начинает свою карьеру с честно заработанного жалованья, а не с банковского займа на ведение какого-либо рискованного дела.

Мег проводила время не только в ожидании будущего счастья, но и в усердных трудах, все более становясь по характеру взрослой женщиной, овладевая искусством ведения домашнего хозяйства и хорошея с каждым днем, поскольку любовь — могучий союзник красоты. У нее были свои девичьи желания и надежды, и она испытывала некоторое разочарование от того, как скромно предстояло начаться ее новой жизни. Незадолго до этого Нед Моффат женился на Салли Гардинер, и Мег не могла не сравнивать их великолепный дом, роскошный экипаж, множество свадебных подарков и прекрасные наряды новобрачной со своими собственными, втайне страдая от того, что не может иметь всего этого. Но зависть и неудовлетворенность сами собой куда-то исчезали, стоило лишь ей подумать о терпении, любви и трудах, вложенных Джоном в приобретение маленького домика, ожидающего ее, и, когда они сидели вдвоем в сумерках, обсуждая свои нехитрые планы, будущее неизменно представлялось таким прекрасным и ярким, что она забывала обо всей роскоши Салли и чувствовала себя самой красивой и богатой девушкой под солнцем.

Джо так и не вернулась на должность компаньонки тети Марч: старой даме так понравилась Эми, что она постаралась подкупить ее, предложив оплачивать уроки рисования у одного из лучших учителей, а на таких условиях Эми согласилась бы служить и гораздо более суровой госпоже. Так что Эми отдавала утренние часы обязанности, а вечерние — удовольствию, и все шло замечательно. Джо тем временем посвятила себя занятиям литературой и уходу за Бесс, которая оставалась очень слабой еще долго после того, как лихорадка стала делом прошлого. Бесс не была больной в прямом смысле слова, но не была и прежним цветущим, здоровым и румяным существом. И все же, всегда полная надежды, счастливая и безмятежная, занятая исполнением своих скромных домашних обязанностей, всеобщий друг, она превратилась в доброго ангела дома задолго до того, как это поняли даже те, кто любил ее больше всего на свете.

Пока «Парящий орел» платил Джо доллар за каждую колонку ее «чепухи» (ее же собственное выражение), она чувствовала себя женщиной со средствами и усердно строчила свои маленькие романтические истории. Но в ее кипучем уме и честлюбивой душе бродили великие планы, и в старом жестяном ящике на чердаке медленно росла кipa листов исчерпанной рукописи, которой предстояло поставить имя Марч в ряд знаменитейших имен американской литературы.

Лори, послушно отправившийся в университет, чтобы доставить удовольствие дедушке, старался теперь провести четыре года учебы как можно приятнее, чтобы доставить удовольствие самому себе. Всеобщий любимец благодаря деньгам, манерам, талантам и добрейшему сердцу, вечно вовлекавшему его в неприятные истории при каждой попытке помочь другим из подобных историй выкрутиться, он подвергался огромной опасности превратиться в испорченного повесу и, вероятно, превратился бы, как немало других подающих надежды мальчиков, если бы не обладал хранящим от зла талисманом в виде воспоминания о добром старике, живущем лишь его успехами, о заботливой женщине, следящей за ним, словно за собственным сыном, и последнее по счету, но не по важности — о четырех простодушных девушках, которые любят его, восхищаются им и верят в него всей душой.

Будучи лишь «прекрасным смертным», он, разумеется, шалил и флиртовал, становился то щеголем, то любителем водного спорта, то сентиментальным, то спортивным, в зависимости от того, что предписывала студенческая мода, зло подшучивал над другими, так

же как другие над ним, употреблял жаргонные словечки, а не раз даже был опасно близок к исключению из университета. Но так как основной причиной всех его проделок было приподнятое настроение и любовь к забавам, он всегда ухитрялся спасти положение искренним раскаянием, честным искуплением вины или неотразимой силой убеждения — искусство, которым он владел в совершенстве. Он, пожалуй, даже гордился тем, что так часто был на волосок от провала, и ему нравилось повергать девочек в трепет рассказами о своих победах над разгневанными младшими преподавателями, важными профессорами и опасными врагами. Студенты «нашего курса» были героями в глазах девочек, которые никогда не уставали слушать о подвигах «наших ребят» и которым часто представлялась возможность заслужить благосклонные улыбки этих великих людей, когда Лори привозил однокурсников погостить в большом особняке Лоренсов.

Эми особенно часто удостаивалась высокой чести пользоваться вниманием героев, так как рано почувствовала силу своего очарования и научилась ею пользоваться. Мег была слишком поглощена своим единственным и неповторимым Джоном, чтобы уделять внимание иным представителям сильного пола, а робкая Бесс могла лишь украдкой бросать взгляды на студентов и удивляться, как это Эми осмеливается так командовать ими, но Джо чувствовала себя в своей стихии, и ей было нелегко удержаться от того, чтобы не подражать мужским манерам, речам и героическим поступкам, которые казались ей куда более естественными, чем все приличия, в рамках которых предписано держаться юным леди. Джо невероятно нравилась всем мальчикам, но ни один не был влюблен в нее, хотя лишь весьма немногие воздерживались от принесения нежной дани в виде одного-двух сентиментальных вздохов на алтарь красоты Эми. И раз речь зашла о сентиментах, мы можем вполне естественно перейти к рассказу о «голубятне».

Так назывался маленький, выкрашенный коричневой краской домик, который мистер Брук приготовил для себя и Мег. Название домику дал Лори, утверждавший, что оно как нельзя лучше подходит для жилища нежных влюбленных, которые «не перестают ворковать и целоваться, словно голубок и горлица». Это был крошечный домик, к которому примыкал маленький садик сзади и газончик, размером чуть больше носового платка, спереди. Тем не менее Мег собиралась иметь фонтан, обсаженную деревьями и кустами аллею и полководье великолепных цветов; пока же фонтан был заменен старой каменной вазой, потемневшей от непогоды и очень похожей на надбитую полоскательную чашку, аллею изображали несколько молоденьких лиственниц, еще не решивших, бороться ли им за жизнь или умереть, а на мысль о полководье цветов должны были наводить ровные и частые бороздки на земле, указывающие, где были посеяны семена. Но внутри домик был очарователен, и счастливая невеста не видела изъяна нигде — от чердака и до погреба. Хотя, конечно, передняя была такой узкой, что, будь у молодоженов фортепьяно, оно никак не вошло бы в дом целиком, а лишь по частям, но его, к счастью, не было; в столовой с трудом можно было посадить за стол шесть человек; кухонная лестница, казалось, была специально расположена таким образом, чтобы обеспечить падение и слуг и фарфора прямо в ларь с углем. Впрочем, стоило лишь привыкнуть к этим незначительным недостаткам, как ни один другой дом уже не мог показаться более совершенным жилищем, поскольку те, кто обставлял его, руководствовались здравым смыслом и хорошим вкусом, и результат можно было назвать в высшей степени удовлетворительным. В гостиной не было ни мраморных столиков, ни высоких зеркал, ни кружевных занавесей, зато была простая мебель, множество книг, несколько хороших картин, подставка для цветов в эркере и немало красивых мелочей — подарков, сделанных дружескими руками и казавшихся еще прекраснее оттого, что несли на себе печать глубокой любви.

Не думаю, что мраморная Психея — подарок Лори — хоть в какой-то мере утратила свою красоту оттого, что Джон поставил ее на самодельную консоль, или что какой-либо обойщик мог задрапировать скромные муслиновые занавески более изящно, чем сделала это искусная рука Эми, или что какая-нибудь иная кладовая хранила больший запас добрых пожеланий, веселых слов и счастливых надежд, чем та, в которую Джо и миссис Марч

сложили немногочисленные коробки, ящики и свертки с приданным Мег; и я глубоко уверена, что чистенькая, совершенно новая кухня не выглядела бы такой уютной и аккуратной, если бы Ханна не переставила десяток раз каждую кастрюлю и сковородку, выбирая для них наилучшее место, и не принесла бы растопку, чтобы все было готово к тому моменту, когда «миссис Брук придет к себе домой». Я также сомневаюсь в том, что какая-либо юная мать семейства начинала супружескую жизнь с таким запасом тряпочек для вытирания пыли, разнообразных прихваточек и лоскутных мешочков, — Бесс приготовила их в таком количестве, что Мег должно было хватить их до серебряной свадьбы. Бесс даже изобрела три вида тряпочек особой формы специально для мытья предметов свадебного сервиза.

Те, кто заказывает изготовление подобных вещей посторонним, не понимают, что они при этом теряют, ибо даже самые простые и непритязательные предметы обретают красоту, если они сделаны с любовной заботливостью, и Мег нашла немало подтверждений этой истины: в ее маленьком уютном гнездышке все, от кухонной скалки до серебряной вазы на столе в гостиной, красноречиво говорило о семейной любви и нежной предусмотрительности.

Как весело проводили они время, совместно составляя свои планы, как торжественно отправлялись все вместе за покупками, какие смешные ошибки совершали, какими взрывами хохота встречали нелепые покупки Лори! В том, что касалось любви к проказам, этот молодой человек, хотя уже почти с университетским образованием, оставался самым настоящим мальчишкой. Его последней причудой было, возвращаясь домой на выходные, привозить с собой какие-нибудь новейшие, полезные и хитроумные товары, необходимые юной домохозяйке. То это был комплект замечательных зажимок для белья, ничего не зажимавших, то удивительная терка для мускатных орехов, развалившаяся на части при первой же попытке пустить ее в дело, то приспособление для чистки ножей, совершенно их все затупившее, то щетка, аккуратнейше снимавшая с ковра ворс, но оставлявшая мусор, то облегчающее труд прачки мыло, от которого с рук слезала кожа, то надежнейший клей, который намертво приклеивался только к пальцам обманутого покупателя, то разнообразные скобяные товары — от игрушечной копилки для медяков до чудесного бака, моющего посуду паром и грозящего взорваться во время этой процедуры.

Тщетно Мег умоляла его остановиться. Джон смеялся над ним, а Джо называла «мистером Тудлем»¹. Он был одержим стремлением оказать поддержку изобретательным янки и обеспечить своих друзей на будущее всеми необходимыми для жизни приспособлениями. Так что каждая неделя приносила какой-нибудь новый нелепый сюрприз.

И вот наконец все было готово, вплоть до мыла, заботливо подобранного Эми в тон к цвету обоев в каждой спальне, и стола, накрытого Бесс для первого ужина молодоженов в новом доме.

— Ты довольна? Ты чувствуешь себя здесь как дома? Как ты думаешь, ты будешь здесь счастлива? — спрашивала миссис Марч, когда рука об руку с Мег обходила новые владения дочери, — казалось, что теперь они привязаны друг к другу еще нежнее, чем прежде.

— Да, мама, я совершенно довольна благодаря вам всем... и так счастлива, что и сказать не могу, — ответила Мег; взгляд ее выразил больше, чем любые слова.

— Если бы только у нее была одна или две служанки, все было бы в порядке, — сказала Эми, выходя из гостиной, где пыталась решить важный вопрос, не будет ли бронзовый Меркурий лучше выглядеть на этажерке, чем на каминной полке.

— Мы с мамой уже говорили об этом, и я решила сначала попробовать вести хозяйство так, как она советует. Работы здесь будет немного, так что, если я смогу посылать Лотти с разными поручениями да изредка попрошу ее помочь по хозяйству, у меня будет ровно столько дел, чтобы не скучать и не тосковать по дому, — ответила Мег спокойно.

¹ Мистер Тудль — персонаж романа «Домби и сын» Ч.Диккенса; отец многочисленного семейства.

— У Салли Моффат четыре служанки, — начала было Эми.

— Если бы у Мег было столько же, все не поместились бы в доме и хозяевам пришлось бы поселиться в саду в походной палатке, — перебила сестру Джо, которая, надев огромный синий передник, доводила до окончательного блеска медные дверные ручки.

— Муж Салли не бедный человек, и в ее великолепном доме присутствие множества горничных вполне оправданно, — сказала миссис Марч. — Мег и Джон начинают скромно, но что-то говорит мне, что в этом маленьком домике их ждет не меньшее счастье, чем можно найти в самом великолепном дворце. Молодые девушки совершают большую ошибку, если не оставляют себе иных занятий, кроме нарядов, сплетен и распоряжений по дому. Когда я вышла замуж, мне очень хотелось поскорее сносить или порвать мои новые наряды, чтобы иметь удовольствие чинить их, так как я уже изнемогала от вышивания и разглаживания своего носового платка.

— Почему же ты не пошла в кухню «поготовить»? Салли говорит, что иногда делает это для развлечения, хотя блюда получаются никуда не годные, а слуги над ней смеются, — улыбнулась Мег.

— Я отправилась в кухню спустя некоторое время, но не для того, чтобы «поготовить», а для того, чтобы научиться у Ханны, что и как следует делать, чтобы слугам не пришлось смеяться надо мной. Тогда я смотрела на это занятие как на игру, но позднее, когда мы уже не могли позволить себе нанимать прислугу, я была очень рада, что обладаю не только желанием, но и умением готовить простую, здоровую пищу для моих маленьких дочек. Ты, Мег, начинаешь не так, как начинала я, но то, чему ты учишься сейчас, пригодится тебе и тогда, когда Джон станет более состоятельным человеком, потому что хозяйка любого дома, пусть даже самого великолепного, если она хочет, чтобы ей служили хорошо и честно, должна знать, как правильно выполнять ту или иную домашнюю работу.

— Конечно, мама, я совершенно согласна, — сказала Мег, почтительно выслушав это маленькое наставление, ведь даже лучшая из женщин охотно рассуждает на увлекательную тему ведения домашнего хозяйства. — А вот эта комната моего кукольного домика нравится мне больше всех, — продолжила Мег минуту спустя, когда поднялась вместе с матерью на второй этаж и заглянула в свою маленькую бельевую.

Там стояла Бесс, которая раскладывала на полках высокие стопы снежно-белого белья и бурно радовалась такому его великому множеству. Все три женщины засмеялись словам Мег, поскольку этот бельевой шкаф уже давно служил в семье предметом шуток. Дело в том, что тетя Марч оказалась в весьма затруднительном положении, когда время успокоило ее гнев и заставило раскаться в данной клятве: вы ведь помните, она заявила тогда, что если Мег выйдет замуж за «этого Брука», то не получит от нее, тети Марч, ни цента. Тетя Марч никогда не нарушала своих клятв, а потому ей пришлось изрядно поломать голову над тем, как обойти созданное ею самое препятствие, и наконец придумала вполне удовлетворивший ее план. Миссис Кэррол, мама Флоренс, получила деньги и указание купить, сшить и пометить огромное количество столового и постельного белья и отправить Марчам в качестве подарка невесте от самой миссис Кэррол. Распоряжение тети Марч было добросовестно исполнено, но секрет был раскрыт и очень позабавил всю семью, тем более что тетя Марч усердно старалась сохранять невинный вид и настойчиво повторяла, что не может подарить Мег ничего, кроме старомодных жемчугов, давно обещанных первой невесте.

— Это свидетельствует о том, что у тебя есть вкус к ведению домашнего хозяйства, и мне это очень приятно. В юности у меня была подруга, которая начала вести собственное хозяйство, имея в запасе лишь шесть простынь, но зато у нее были чаши для ополаскивания пальцев после десерта — и такое положение ее вполне устраивало, — сказала миссис Марч, поглаживая дамастовые скатерти и проявляя при этом подлинно женское умение по достоинству оценить их отличное качество.

— У меня нет ни одной чаши для ополаскивания пальцев, но этого белья, как говорит Ханна, мне хватит на всю жизнь. — Вид у Мег был очень довольный, что, впрочем,

неудивительно.

— К нам идет мистер Тудль! — крикнула снизу Джо, и все поспешили навстречу Лори, чьи еженедельные визиты были заметными событиями в их тихой, спокойной жизни.

Высокий, широкоплечий молодой человек с коротко подстриженными волосами шагал к ним по дорожке большими шагами. На нем был развевающийся плащ, в руке — плоская, похожая на тазик, фетровая шляпа. Он не стал открывать калитку, чтобы не терять времени, а просто перешагнул через низкую каменную ограду и направился прямо к миссис Марч, протянув ей навстречу руки и горячо восклицая:

— Вот и я, мама! Ну конечно, все в порядке. — Последние слова были ответом на внимательный взгляд миссис Марч — добрый вопросительный взгляд, который его красивые глаза встретили так прямо и открыто, что маленькая церемония приветствия завершилась, как обычно, нежным материнским поцелуем.

— Для миссис Брук — с приветом от изготовителя. Благослови тебя Господь, Бесс! Ну и страшный же вид у тебя, Джо, в этом переднике. Эми, ты становишься чересчур красивой для незамужней особы.

И, говоря все это, Лори вручил Мег сверток в темной бумаге, дернул кончик ленты, которой были завязаны волосы Бесс, окинул взглядом передник Джо и на мгновение замер перед Эми в позе, выражающей притворное восхищение. Затем он пожал всем руки, и начался общий разговор.

— А где Джон? — спросила Мег встревоженно.

— Задержался, чтобы получить лицензию² для завтрашней церемонии, мэм.

— Кто выиграл последний матч? — спросила Джо, упорно продолжавшая, несмотря на свои девятнадцать лет, проявлять интерес ко всем мужским видам спорта.

— Мы, разумеется. Жаль, что тебя там не было, тебе было бы на что посмотреть.

— Как поживает прелестная мисс Рэндл? — спросила Эми с многозначительной улыбкой.

— Жестока, как никогда. Разве ты не видишь, что я весь исчах? — И Лори звонко хлопнул себя по широкой груди и издал мелодраматический вздох.

— А что это за очередная шутка? Развяжи сверток, Мег, и посмотрим, — сказала Бесс, с любопытством разглядывая странной формы сверток.

— Очень полезный предмет домашнего обихода на случай пожара или попытки ограбления, — заметил Лори, когда дружный смех девочек приветствовал появление из свертка большой трещотки сторожа. — Всякий раз, когда Джона нет дома, а вам, миссис Мег, случится чего-нибудь испугаться, откройте окно над парадным входом и покрутите эту вещичку над головой — и вы вмиг поднимете на ноги всех соседей. Славная вещичка, а, каково? — И Лори продемонстрировал возможности трещотки, так что все заткнули уши.

— И это ваша благодарность? Кстати о благодарности, можете поблагодарить Ханну за спасение от гибели вашего свадебного пирога. Я увидел, как его вносят в ваш дом, когда проходил мимо, и, если бы она мужественно не выступила на его защиту, я непременно отхватил бы от него изрядный кусок, так как пирог был необыкновенно аппетитный на вид.

— Когда же ты наконец вырастешь, Лори? — сказала Мег тоном почтенной матери семейства.

— Стараюсь изо всех сил, мэм, но боюсь, что намного вырасти мне уже не удастся; шесть футов роста — это почти предел того, чего мужчины могут достичь в наш век вырождения и упадка, — ответил молодой человек, чья голова почти касалась висевшей под потолком маленькой люстры. — Я полагаю, было бы святотатством есть что-либо в этом абсолютно новеньком жилище, но я умираю от голода и потому предлагаю перейти в другое здание, — добавил он тут же.

— Мы с мамой собираемся подождать Джона. Здесь остались еще кое-какие дела, —

² Разрешение на венчание без церковного оглашения.

сказала Мег, торопливо удаляясь.

— Мы с Бесс идем к Китти Брайант, чтобы взять еще цветов для завтрашнего дня, — отозвалась Эми, надевая живописную шляпку на свои живописные кудри и любуясь своим отражением в зеркале.

— Пойдем, Джо, не брось человека в беде. Я до того измотан, что мне не дойти до дома без посторонней помощи. Нет-нет, не снимай передник, он тебе очень к лицу, — сказал Лори, когда Джо, сняв с себя и свернув предмет его особого отвращения, сунула сверток во вместительный карман своего платья и предложила своему ослабевшему другу опереться о ее руку.

— Послушай, Тедди, я хочу серьезно поговорить с тобой относительно завтрашнего дня, — начала Джо, когда они зашагали вместе по дороге. — Ты должен пообещать вести себя хорошо и не выкидывать никаких номеров.

— Ни одного не выкину!

— И не говорить ничего смешного, когда все должны сохранять серьезность.

— Никогда не говорю ничего смешного в такие моменты. Это по твоей части.

— И умоляю, не смотри на меня во время венчания. А то я непременно начну хохотать.

— Тебе не будет видно меня. Ты будешь проливать такие обильные слезы, что все вокруг застелит густой туман.

— Я никогда не плачу... только иногда, когда у меня большое горе.

— Вот, например, когда приятель уезжает в университет, — вставил Лори, лукаво засмеявшись.

— Не будь спесивым павлином. Я так только, постонала немножко, чтобы составить девочкам компанию.

— Ну разумеется. Слушай, Джо, а как там дедушка на этой неделе? Не сердитый?

— Ничуть. Снова, значит, попал в историю и хочешь знать, как он к этому отнесется? — спросила Джо довольно резко.

— Джо, неужели ты думаешь, что я мог бы прямо посмотреть в лицо твоей маме и сказать: «Все в порядке», если бы это было не так? — И Лори остановился как вкопанный, глядя на нее с возмущенным видом.

— Нет, не думаю.

— Тогда откуда вдруг такие подозрения? Просто-напросто мне нужны деньги, — сказал Лори, снова шагая рядом с ней и умиротворенный ее дружеским тоном.

— Ты очень много тратишь, Тедди.

— Господь с тобой, дорогая, не я их трачу, они сами собой расходятся и кончаются прежде, чем я успеваю заметить, как это происходит.

— Ты такой щедрый и мягкосердечный, что всем даешь займы и не можешь никому сказать «нет». Мы слышали о твоём приятеле Хеншоу и обо всем, что ты сделал для него. Вот если бы ты всегда тратил свои деньги именно так, никто бы тебя за это не осуждал, — сказала Джо с теплотой в голосе.

— Глупости, он просто делает из мухи слона. Ты ведь тоже не согласилась бы позволить этому отличному парню измучить себя работой до смерти только из-за того, что некому оказать ему небольшую поддержку?

— Конечно, но я не понимаю, зачем тебе иметь семнадцать жилетов и бесчисленное количество галстуков да еще и покупать новую шляпу всякий раз, когда ты едешь домой. Я думала, период франтовства у тебя уже позади, но ты то и дело возвращаешься к нему, и каждый раз по-новому. Сейчас это мода делать из себя страшилище — голова как жесткая половая щетка, тесный жакет, оранжевые перчатки и ботинки с грубыми квадратными носами и на двойной подошве. Будь это уродство по крайней мере дешевым, я промолчала бы, но ведь все это стоит немалых денег, а твой вид не доставляет мне никакого удовлетворения.

Лори откинул голову назад и так безудержно расхохотался, что фетровый тазик свалился на дорогу и Джо нечаянно наступила на него. Впрочем, это оскорбление лишь дало

ему удобный случай порассуждать о преимуществах приобретенного на скорую руку костюма, после того как он свернул сплюсненную шляпу и сунул ее в карман.

— Хватит нотаций, перестань, будь другом! Мне и так нелегко пришлось на этой неделе, и я хочу хотя бы дома провести время весело. Завтра, независимо от того, каких это потребует расходов, я оденусь как следует, и мои друзья будут смотреть на меня с удовлетворением.

— Хорошо, я оставлю тебя в покое, но лишь при условии, что ты отрастишь волосы. Я не высокомерная аристократка, но даже я не хочу, чтобы меня видели в обществе молодого человека, похожего на профессионального кулачного бойца, — заметила Джо с суровым видом.

— Этот непритязательный стиль в одежде благоприятствует учебе, именно поэтому мы сделали его своим, — возразил Лори, которого никак нельзя было обвинить в самовлюбленности, ибо он добровольно пожертвовал своими красивыми кудрями, идя навстречу требованиям моды, предписывавшей носить волосы длиной в четверть дюйма. — Между прочим, Джо, похоже, что малыш Паркер отчаянно влюблен в Эми. Он постоянно говорит о ней, пишет стихи и проводит время в мечтах самым что ни на есть подозрительным образом... Лучше бы ему подавить в зародыше эту маленькую страсть, не так ли? — добавил Лори доверительным тоном старшего брата.

— Конечно. Мы не хотим никаких свадеб в нашей семье в ближайшие годы. Спаси и помилуй, о чем только эти дети думают?! — У Джо был такой возмущенный вид, словно Эми и «малышу» Паркеру еще не исполнилось и десяти лет.

— Это такой легкомысленный век, и, право, не знаю, мэм, куда мы идем. Ты сущий младенец, Джо, но следующей будешь ты. Выйдешь замуж, а нас оставишь горевать, — сказал Лори, качая головой по поводу современного упадка нравов.

— Не бойся. Я не из покладистых. Да никто и не захочет взять меня замуж, и это к лучшему, так как в семье всегда должна быть старая дева.

— Ты не дашь никому возможности даже захотеть жениться на тебе, — заметил Лори, искоса бросив на нее взгляд; румянец на его смуглом лице стал чуть ярче. — Ты не покажешь никому нежной стороны своей души, а если кто-то и увидит ее случайно и не сможет удержаться и не показать, что ему нравится эта сторона, ты поступишь с ним, как миссис Гаммидж³ поступила со своим поклонником, — окатишь его ледяной водой и станешь такой колючей, что никто не осмелится не то что дотронуться, даже взглянуть на тебя!

— Не люблю я этого. У меня слишком много дел, чтобы я стала беспокоиться о всякой чепухе. И потом, я думаю, это ужасно — так разбивать семьи. Не будем больше об этом говорить. Свадьба Мег совсем выбила нас из колеи, и мы не ведем разговоров ни о чем другом, кроме любви и тому подобных нелепостей. Я не хочу раздражаться, так что лучше переменим тему. — Было очевидно, что Джо вполне готова окатить холодной водой того, кто решится на малейший вызов.

Каковы бы ни были чувства Лори, он дал им выход в негромком протяжном свисте и пугающем предсказании которое сделал, расставаясь с ней у калитки:

— Помяни мое слово, Джо, следующей выйдешь замуж *ты*.

Глава 2

Первая свадьба

В то утро июньские розы у крыльца, яркие и веселые, проснулись рано, от всего сердца радуясь безоблачному небу и солнечному свету. Они были похожи на добрых маленьких соседей. Их румяные лица сияли от возбуждения, и, покачиваясь на ветру, они шептались о

³ Миссис Гаммидж — персонаж романа Ч.Диккенса «Дэвид Копперфильд».

том, что видели. Одни из них заглядывали в окна столовой, где накрывали праздничный стол, другие приподнимались на цыпочки, чтобы покивать и улыбнуться сестрам, наряжавшим невесту, третьи приветственно махали тем, кто входил в дом или выходил по разным поручениям в сад, на крыльцо, в переднюю, и все они — от ярчайшей розы в полном цвету до бледнейшего крошки бутона — предлагали дань красоты и аромата своей ласковой хозяйке, которая так любила их и так долго ухаживала за ними.

Мег и сама напоминала розу, так как все, что было лучшего в ее душе и сердце, как будто расцвело на ее лице в тот день, сделав ее черты еще прекраснее и нежнее и придав им очарование, которое красивее, чем сама красота. На ней не было ни шелка, ни кружев, ни флердоранжа.

— Я не хочу выглядеть необычно или казаться принаряженной сегодня, — сказала она. — Мне не нужна пышная свадьба, пусть рядом со мной будут только те, кого я люблю, а для них я хочу и выглядеть, и быть привычной и знакомой Мег.

Свое свадебное платье она сшила сама, вкладывая в каждый стежок нежные надежды и невинные мечты девичьего сердца. Сестры заплели в косы и уложили ее волосы, а единственным украшением, которое она приколотла к платью, был букетик ландышей, любимых цветов «ее Джона».

— В этом наряде ты все та же наша родная милая Мег, только такая очаровательная и прелестная, что я крепко обняла бы тебя, если бы не боялась измять твоё платье! — воскликнула Эми, с восхищением разглядывая сестру, когда та завершила свой туалет.

— Тогда я могу быть довольна своим нарядом. Только прошу вас, обнимите и поцелуйте меня, все-все, и не обращайтесь на платье. Я хочу, чтобы много складок такого рода появилось на нем сегодня. — И Мег раскрыла сестрам свои объятия. Девочки на мгновение прильнули к ней с сияющими лицами, чувствуя, что новая любовь не вытеснила старой в сердце Мег. — Теперь я собираюсь пойти и завязать Джону галстук, а потом провести несколько минут с папой в его кабинете. — И Мег сбегала вниз по лестнице, чтобы совершить эти маленькие церемонии, а затем присоединиться к матери, чем бы та ни была занята, ибо Мег хорошо знала, что, несмотря на улыбку, на материнском лице была тайная грусть, скрытая в материнском сердце, какая бывает всегда, когда первый птенец покидает родное гнездо.

А теперь, когда младшие девочки стоят вместе, завершая свой нехитрый туалет, самое удобное время рассказать о тех переменах, что произошли в их внешности за прошедшие три года, поскольку именно сейчас все три выглядят как нельзя лучше.

Джо стала гораздо менее угловатой и научилась двигаться легко, если не грациозно. Выющиеся волосы снова отросли и были свернуты в тяжелое кольцо, которое выглядело более привлекательно на маленькой головке, венчающей высокую фигуру, чем прежние короткие завитки. На ее смуглых щеках свежий румянец, в глазах теплый блеск, а с ее острого языка сегодня слетают только нежные слова. Бесс стала тоньше, бледнее и даже еще тише, чем прежде, а красивые добрые глаза кажутся больше, но в них часто мелькает выражение, огорчающее тех, кто смотрит на нее, хоть это выражение само по себе и не печальное. Оно — печать страдания, переносимого с трогательным терпением, но Бесс редко жалуется и всегда говорит с надеждой, что «скоро ей будет лучше».

Эми по праву считается «красой семьи»: в шестнадцать лет у нее вид и манеры взрослой женщины — не красавицы, но обладающей неуловимым очарованием, которое называется изяществом. Его замечаешь в линиях фигуры, в форме и движениях рук, в том, как ложатся складки ее платья и золотые локоны, — все, не поддающееся определению, но гармоничное и столь же привлекательное для многих, как; и сама красота. Нос по-прежнему досаждал Эми, так как было ясно, что он уже никогда не станет греческим; огорчал ее и рот, слишком широкий, и острый подбородок. Эти, черты, нарушавшие все каноны красоты, придавали неповторимость всему ее лицу, но она не догадывалась об этом и пыталась утешиться своим прекрасным цветом лица, ярко-голубыми глазами и роскошными, золотистыми и необыкновенно густыми, кудрями.

Все три были одеты в костюмы из тонкой серебристо-серой ткани (их лучшие летние наряды), в волосах и на груди красовались красные розы; и все три выглядели именно такими, какими себя чувствовали, — девочками со свежими лицами и счастливыми сердцами, отвлекшимися на время от повседневных дел своего полного трудов и забот существования, чтобы прочесть задумчивыми и мечтательными глазами чудеснейшую главу романа женской жизни.

Предстояло обойтись без формальностей и соблюдения строгостей этикета, все должно было быть как можно более просто, естественно и по-домашнему, так что появившаяся на пороге тетя Марч была шокирована, увидев, что сама невеста бегом спускается вниз по лестнице, чтобы приветствовать гостью; что жених прикрепляет над дверью упавшую цветочную гирлянду, а на лестнице мелькнула фигура отца-священника, шагающего наверх с серьезной миной и бутылкой вина в каждой руке.

— Да что же это такое! — воскликнула старая дама, заняв отведенное для нее почетное место и расправляя с сильным шелестом складки своего бледно-лилового муарового платья. — Тебя никто не должен видеть вплоть до самой последней минуты, детка.

— Моя свадьба не спектакль, тетя, и те, кто придет сюда, придут не за тем, чтобы разглядывать меня, критиковать мое платье и подсчитывать, сколько стоил мой свадебный завтрак. Я слишком счастлива, чтобы меня заботило, что говорят и думают о моей свадьбе, и я собираюсь сделать ее такой, какой хочу... Джон, дорогой, сейчас я подам тебе молоток. — И Мег исчезла в передней, чтобы помочь «этому Бруку» в его в высшей степени неуместном занятии.

Мистер Брук даже не сказал «спасибо», но, наклонившись, чтобы взять неромантичный инструмент, поцеловал свою прелестную невесту за створчатой дверью с таким видом, что тетя Марч поспешила вынуть носовой платок, чтобы вытереть слезы, неожиданно наворачнувшиеся на ее колючие старые глаза.

Послышался шум, крик и смех Аори, сопровождавшийся нарушающим все приличия восклицанием:

— Юпитер Аммон! Джо опять опрокинула пирог!

Все это вызвало суматоху, которая едва улеглась, когда в дом прибыла толпа кузин и «гости начались», как обычно говорила в детстве Бесс.

— Не позволяй этому юному гиганту подходить близко ко мне: он досаждаёт мне хуже комаров, — шепнула на ухо Эми тетя Марч, когда комнаты заполнились гостями, над которыми возвышалась коротко остриженная черная голова Лори.

— Он обещал вести себя очень хорошо сегодня и способен быть совершенно очаровательным, когда захочет, — ответила Эми и ускользнула, чтобы предупредить Геркулеса о необходимости держаться подальше от дракона, но это предупреждение привело к тому, что юный герой принялся преследовать старую даму с такой самоотверженностью, что привел ее в полнейшее смятение.

Не было никакой свадебной процессии, но, когда мистер Марч и юная пара заняли свои места под цветочными гирляндами, в комнате внезапно воцарилось молчание. Мать и сестры толпились рядом, словно не желая расставаться с Мег; голос отца не раз прерывался от волнения, что, впрочем, лишь делало службу еще более красивой и торжественной; рука жениха заметно дрожала, и его ответов было почти не слышно, но Мег взглянула прямо в глаза мужа и сказала «да» с такой нежной доверчивостью в лице и голосе, что сердце матери дрогнуло от радости, а тетя Марч всхлипнула вслух.

Нет, Джо не заплакала, хотя был момент, когда слезы подступили к глазам. От этого проявления чувств ее спасло лишь сознание того, что Лори пристально смотрит на нее с забавным выражением лукавых черных глаз — выражением, в котором к веселью примешивалось глубокое душевное волнение. Бесс прятала лицо на плече у матери, но Эми стояла величественно и неподвижно, словно изящная статуя, а яркий луч солнца касался ее белого лба и красного цветка в волосах, что было ей в высшей степени к лицу.

Боюсь, то, что произошло дальше, совершенно не принятом в обществе, но в ту самую

минуту, когда Мег была надлежащим образом повенчана, она воскликнула: «Маме мой первый поцелуй!» — и, обернувшись к матери, с чувством поцеловала ее. А на протяжении следующих пятнадцати минут она была больше чем когда-либо похожа на розу, так как каждый из присутствующих в полной мере воспользовался предоставленной ему привилегией поцеловать невесту — от мистера Лоренса до старой Ханны, которая, нарядная и в совершенно невероятном чепце, налетела на нее в передней, восклицая со всхлипываниями и смехом:

— Благослови тебя Бог, дорогая, тысячу раз! И пирог ни капельки не пострадал, и все выглядит замечательно.

После этого все оживились, и каждый сказал что-нибудь блестяще остроумное или попытался сказать, чего было вполне достаточно для общего веселья, ибо все рады посмеяться, когда на душе легко. Не было показа свадебных подарков, так как все они уже были перенесены в маленький домик, ожидавший Мег и Джона; не было и обеда из множества блюд — всего лишь небольшой завтрак, состоявший из пирога и фруктов. Мистер Лоренс и тетя Марч пожали плечами и переглянулись с улыбкой, когда чай, лимонад и кофе оказались единственными видами нектара, который разливали три Гебы. Никто, однако, ничего не сказал, пока Лори, настоявший на том, чтобы собственноручно подать напитки невесте, не появился возле нее с нагруженным подносом в руке и озадаченным выражением на лице.

— Неужели Джо по неосторожности перебила все бутылки с вином? — спросил он шепотом. — Или я просто нахожусь под властью иллюзии и жестоко заблуждаюсь, будто видел несколько бутылок не далее как сегодня утром?

— Нет, твой дедушка любезно прислал нам лучшее вино из своих запасов, и тетя Марч тоже, но папа оставил лишь две бутылки для Бесс на случай болезни, а остальное отправил в госпиталь. Он считает, что вино следует употреблять только во время болезни, а мама говорит, что ни она, ни ее дочери никогда не предложат вина ни одному молодому человеку в нашем доме.

Мег говорила серьезно, но ожидала, что Лори засмеется или нахмурится. Он не сделал ни того, ни другого и, лишь бросив на нее быстрый взгляд, сказал, как всегда повинувшись первому порыву:

— Что ж, мне это нравится! Я знаю, сколько бед приносит вино, и хотел бы, чтобы и другие женщины поступали так же, как вы.

— Надеюсь, ты приобрел благоразумие не в результате личного опыта? — В голосе Мег прозвучало беспокойство.

— Нет, честное слово, нет. Но и слишком хорошо обо мне думать не стоит: для меня вино не обладает прелестью соблазна. Я рос там, где оно почти такой же обычный напиток, как вода, и почти такой же безвредный. Мне не хочется вина, но, когда красивая девушка предлагает, трудно отказаться.

— Но ведь ты откажешься ради других, если не ради себя? Обещай мне это, Лори, чтобы у меня был еще один повод назвать сегодняшний день счастливейшим в моей жизни.

Требование столь неожиданное и столь серьезное заставило молодого человека на мгновение заколебаться; он предвидел, что его обещание может вызвать насмешки приятелей, а насмешки часто труднее вынести, чем любые самоограничения. Мег знала, что если он даст слово, то сдержит его во что бы то ни стало, и, чувствуя свою женскую силу, постаралась воспользоваться ею для блага своего друга. Она молча смотрела вверх на него со счастливым лицом и выразительной улыбкой, говорившей: «Никто и ни в чем не может отказать мне в такой день». Лори, конечно, тоже не смог и с ответной улыбкой, протянув ей руку, сказал сердечным тоном:

— Обещаю, миссис Брук!

— Благодарю тебя от всей души!

— А я пью за осуществление твоих благих намерений, Тедди! — воскликнула Джо с одобрительной улыбкой, совершая при этом своеобразный обряд крещения: взмахнув своим

стаканом, она нечаянно плеснула на Лори лимонадом.

Лимонад был выпит, обещание дано и добросовестно исполнено вопреки многим искушениям. Так внутреннее чутье помогло девочкам воспользоваться удачным моментом, чтобы оказать своему другу услугу, за которую он благодарил их всю жизнь.

После завтрака все разбрелись по двое и по трое по дому и саду, согретые теплом солнца и гостеприимства. Мег и Джон случайно остановились в центре лужайки перед домом, и Лори тут же пришла в голову идея, осуществление которой стало заключительным аккордом этой необычной свадьбы, где все было не так, как принято в светских кругах.

— Все женатые и замужние берутся за руки и танцуют вокруг молодых, как это делается в Германии, а мы, холостяки и девицы, разбившись на пары, выделяем курбетты за кругом! — крикнул Лори, увлекая Эми в танец на садовой дорожке с таким заразительным весельем и ловкостью, что все остальные без возражений последовали их примеру. Сначала в круг встали мистер и миссис Марч, тетя и дядя Кэррол, к ним тут же присоединились остальные, и даже Салли Моффат после минутного колебания перебросила шлейф через руку и вовлекла в круг Неда. Но довершили всеобщее веселье мистер Лоренс и тетя Марч: когда величественный старый джентльмен торжественно подошел к старой леди танцевальным шагом, она сунула свою палку под мышку, и проворно заковыляла по лужайке, чтобы, взявшись за руки с остальными, потанцевать вокруг новобрачных, в то время как молодежь порхала по саду, словно бабочки в летний зной.

Все запыхались, и импровизированный бал завершился. Вскоре гости начали расходиться.

— Желаю тебе счастья, моя дорогая. От всей души желаю. Но думаю, что ты все-таки пожалеешь о том, что сделала, — сказала тетя Марч, а когда жених вел ее к экипажу, добавила: — Вы, молодой человек, получили сокровище, смотрите же, будьте его достойны.

— Ах, Нед, это самая прелестная свадьба из всех, на которых я была. И не могу понять почему. Ведь здесь не было ни капли роскоши и шика, — заметила, обращаясь к мужу, миссис Моффат, когда их экипаж отъезжал.

— Лори, мой мальчик, если когда-нибудь ты захочешь позволить себе подобного рода удовольствие, призови себе на помощь одну из этих девочек, и я буду вполне удовлетворен, — сказал мистер Аоренс, поудобнее устраиваясь в своем любимом кресле, чтобы отдохнуть после утренних волнений.

— Я сделаю все, что смогу, сэр, чтобы вы были довольны, — с необычной готовностью ответил Лори, аккуратно вынимая из петлицы букетик, который приколола ему Джо.

Маленький домик был совсем недалеко, и свадебным путешествием Мег стала просто тихая прогулка с Джоном по дороге от старого дома к новому. Когда, переодевшись, она снова спустилась в гостиную, похожая в своем сером костюме и завязанной белой лентой соломенной шляпке на очаровательную квакершу, вся семья собралась вокруг нее и прощание было таким нежным, словно она и в самом деле отправлялась в далекое путешествие.

— Не думай, будто я теперь разлучена с тобой, мама, дорогая, или будто люблю тебя меньше оттого, что так глубоко люблю Джона, — сказала она, обняв мать, и глаза ее на мгновение наполнились слезами. — Я буду каждый день приходить сюда, папа. И надеюсь, что вы будете любить меня по-прежнему, хоть я теперь и замужем. Бесс собирается часто проводить время со мной, и остальные девочки будут забегать в гости, чтобы посмеяться над стараниями и промахами новоиспеченной домохозяйки. Благодарю вас всех за этот счастливый день моей свадьбы. До свидания, до свидания!

Они стояли, провожая ее взглядами, в которых было выражение любви, надежды и нежной гордости, а она шла, опираясь на руку мужа, с охапкой цветов, и июньское солнце освещало ее счастливое лицо — так началась замужняя жизнь Мег.

Глава 3

Творческие искания

Людам требуется много времени, чтобы понять разницу между талантом и гениальностью; это особенно касается честолюбивых молодых мужчин и женщин. К Эми понимание этого различия пришло лишь в результате множества испытаний и разочарований, так как, принимая энтузиазм за вдохновение, она с юношеской дерзостью перепробовала все виды искусств. На долгое время наступило затишье в создании «куличиков» (выражение Ханны), и Эми посвятила все свои усилия выполнению тончайших рисунков тушью и пером, проявив при этом такой вкус и мастерство, что ее изящные произведения принесли ей и удовлетворение, и доход. Но переутомление глаз вскоре заставило художницу отложить перо и тушь и предпринять смелую попытку овладеть искусством выжигания по дереву.

Пока продолжался этот творческий порыв, семья жила в постоянном страхе перед пожаром. В любое время дня и ночи в доме ощущался запах горелого дерева, пугающе часто с чердака или из дверей сарая валил дым, повсюду в беспорядке валялись раскаленные покеры⁴, и Ханна никогда не ложилась спать, не поставив у двери ведро воды и обеденный колокольчик на случай пожара. На нижней стороне доски для разделки теста было обнаружено выполненное дерзновенной рукой лицо Рафаэля, на крышке пивной бочки появилось изображение Бахуса, поющий херувим украсил крышку ведра с сахаром, а попытки изобразить Ромео и Джульетту обеспечивали в течение некоторого времени кухонную растопку.

Переход от выжигания к маслу был вполне естественным для обожженных пальцев, и Эми с тем же пылом принялась за живопись. Знакомый художник снабдил ее своими старыми палитрами, кистями и красками, и она малевала всюду, производя в огромном количестве сельские и морские пейзажи, каких никто никогда не видывал на суше и на море. Ее чудовища, долженствовавшие изображать домашний скот, вероятно, получили бы приз на сельскохозяйственной выставке, а опасный угол наклона ее судов несомненно вызвал бы морскую болезнь у самого опытного моряка, в том случае, разумеется, если бы полнейшее пренебрежение всеми известными нормами кораблестроения и расположения оснастки не заставило бы его скорчиться в судорогах от хохота при первом же взгляде на полотно. Смуглые мальчики и темноглазые мадонны, взиравшие на вас из угла студии, напоминали творения Мурильо; маслянисто-коричневые неясные очертания лиц с огненной полоской не в том месте, где нужно, предположительно были навеяны Рембрандтом, пышущие здоровьем дамы и отечные младенцы — Рубенсом, а Тернер являлся в голубых грозах, оранжевых молниях, коричневом дожде и фиолетовых облаках с томатного цвета пятном посередине, которое могло быть солнцем или маяком, рубахой матроса или королевской мантией, как заблагорассудится зрителю.

На смену живописи пришли портреты углем, и все члены семьи висели в ряд, такие растрепанные и закоптелые, словно только что вылезли из ларя с углем. В карандашных эскизах они стали выглядеть лучше, так как сходство с оригиналами было значительным, и волосы Эми, нос Джо, рот Мег и глаза Лори были объявлены «просто превосходными». За этим последовало возвращение к глине и гипсу, и похожие на страшные призраки слепки ее знакомых заполняли все углы комнат и валились с полок шкафов на головы домашним. В качестве живых моделей удавалось заманить соседских ребятишек, однако лишь до тех пор, пока их несвязные отчеты о таинственных манипуляциях мисс Эми не превратили ее в глазах окрестных жителей в некое подобие великанши людоедки. Ее усилия в этом направлении получили, однако, неожиданное завершение в результате несчастного случая, остудившего ее пыл. Из-за временного отсутствия других моделей она решила сделать слепок собственной прелестной ножки, и однажды вся семья была перепугана невероятным стуком

⁴ Покеры — приборы для выжигания по дереву.

и визгом, доносившимся из сарая, и, бросившись на помощь, обнаружила, что юная энтузиастка отчаянно скачет по сараю с ногой, крепко зажатой в кастрюле с гипсом, который затвердел с неожиданной быстротой. Освободить ногу удалось с большим трудом и не без опасности для здоровья, поскольку Джо так хохотала, расковыривая гипс, что нож вошел слишком глубоко и вонзился в бедную ножку, оставив долгую память об этом творческом опыте.

После этого происшествия Эми на некоторое время успокоилась, пока мания делать эскизы с натуры не заставила ее ежедневно отправляться на реку, в поле или в лес для «изучения натуры» и вздыхать по руинам, которые можно было бы срисовать. Она без конца простужалась, сидя на сырой траве и заноса в альбом какой-нибудь очередной «восхитительный фрагмент», состоящий из камня, пня, гриба и сломанной ветки, или «божественную массу облаков», которая выглядела в ее альбоме как вспоротая перина. Она жертвовала своим прекрасным цветом лица, проводя жаркие летние дни на реке, где, сидя в лодке, «изучала свет и тень», и приобрела вертикальную морщинку на лбу, пытаясь найти нужный «угол зрения» или как там это еще называется.

Если, как утверждает Микеланджело, «гений — это вечное терпение», Эми вполне могла претендовать на обладание этим божественным свойством, ибо она упорно продолжала свои искания вопреки всем препятствиям, неудачам и противодействию, твердо веря, что со временем обязательно создаст нечто заслуживающее названия «высокое искусство».

Она с удовольствием училась и многому другому, так как решила стать привлекательной и образованной женщиной даже в том случае, если ей не суждено быть великой художницей. И здесь она преуспела больше, будучи одним из тех счастливо созданных существ, которые всем нравятся, повсюду заводят друзей и идут по жизни так легко и грациозно, что у менее удачливых людей возникает искушение поверить, будто такие баловни судьбы рождены под счастливой звездой. Ее любили все, потому что среди ее талантов была и тактичность. Врожденное чутье подсказывало ей, что будет приятно и правильно, поэтому она всегда говорила то, что нужно, тому, кому нужно, делала именно то, что было к месту и ко времени, и отличалась таким самообладанием, что сестры часто говорили: «Если бы нашей Эми пришлось отправиться в королевский дворец без всякой репетиции, то она все равно знала бы, что и как там нужно делать».

Главной ее слабостью было желание возвращаться в «лучшем обществе», хотя оставалось не совсем ясным, какое именно общество «лучшее». Деньги, положение в обществе, светские таланты и изысканные манеры были предметом ее вожделений, и ей нравилось встречаться с теми, кто всем этим обладал. При этом она часто ошибочно принимала ложь за истину и восхищалась тем, что не заслуживало восхищения. Никогда не забывая, что она леди по рождению, Эми усердно культивировала свои аристократические вкусы и склонности, с тем чтобы, когда появится удобная возможность, она могла занять то место в обществе, которого сейчас лишала ее бедность.

«Миледи», как называли ее друзья, искренне стремилась стать истинной леди во всех отношениях и была таковой в душе, но ей еще только предстояло узнать, что ни за какие деньги нельзя купить утонченность натуры, что положение в обществе не гарантирует его обладателю благородства чувств и мыслей и что воспитанность человека чувствуется, несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства, в которых он оказывается.

— Я хочу попросить тебя, мама, об одолжении, — сказала однажды Эми, входя в комнату со значительным видом.

— Да, маленькая, что такое? — отозвалась мать, в чьих глазах эта величественная юная леди по-прежнему оставалась «младшенькой».

— На следующей неделе наш рисовальный класс распускают на каникулы, и перед тем как девочки разъедутся, я хочу пригласить их провести один день у нас в гостях. Они все безумно хотят увидеть реку, срисовать разрушенный мост и другие здешние виды, которые понравились им в моем эскизном альбоме. Они во многих отношениях были очень добры ко

мне, и я благодарна им за это, ведь все они богаты и знают, что я бедна, однако относятся ко мне как к равной.

— А почему бы им относиться к тебе иначе? — Миссис Марч задала этот вопрос с тем видом, который девочки хорошо знали и называли «видом Марии-Терезии»⁵.

— Ты не хуже меня знаешь, что почти все подчеркивают эту разницу, так что не взъерошивай перышки, мама-курочка, когда твоих цыплят клюют более яркие птички. Гадкий утенок станет лебедем, ты же знаешь. — И Эми улыбнулась без всякой горечи, так как обладала веселым нравом и оптимистическим взглядом на жизнь.

Миссис Марч засмеялась и, успокоив свою материнскую гордость, спросила:

— Ну, мой лебедь, каков же твой план?

— Я хотела бы пригласить девочек к нам на второй завтрак, взять их прокатиться по тем местам, которые они хотели увидеть, а может быть, покатать и в лодке по реке, и устроить небольшой праздник на лоне природы.

— Вполне осуществимо. Что ты предполагаешь подать к столу? Пирог, бутерброды, фрукты и кофе — этого будет достаточно, я полагаю?

— Ах нет, конечно нет! Нужны холодный язык, курица, французский шоколад, а кроме того, мороженое. Девочки привыкли ко всему этому, и я хочу, чтобы мой завтрак был приличным и изысканным, пусть я и зарабатываю себе на жизнь трудом.

— Сколько же девочек в твоем классе? — спросила мать более сдержанно.

— Двенадцать, но полагаю, что приедут не все.

— Помилуй, детка, да тебе придется брать напрокат омнибус, чтобы катать их по окрестностям!

— Ну что ты, мама! Приедут, вероятно, шесть или восемь — не больше, так что я найму небольшую открытую коляску и попрошу мистера Лоренса одолжить мне его «сырой жбан». — (Произношение слова «шарабан», излюбленное Ханной.)

— Все это обойдется очень дорого, Эми.

— Нет, не очень. Я все подсчитала и за все заплачу из своих денег.

— А ты не думаешь, дорогая, что, если эти девочки давно «привыкли ко всему этому», более скромный прием оказался бы для них приятным разнообразием, да и для нас это было бы гораздо лучше, чем покупать и брать напрокат то, что нам не нужно, пытаться подражать тем, чей образ жизни не соответствует нашему материальному положению?

— Если мне нельзя устроить все так, как я хочу, то я вообще не хочу ничего устраивать! Я знаю, что могу отлично осуществить мой план, если ты и девочки немного мне помогут. И не понимаю, почему мне нельзя это сделать, если я готова заплатить за все сама! — сказала Эми с решимостью, которую противодействие может превратить в упрямство.

Миссис Марч знала, что опыт — лучший учитель, и, когда это было возможно, предоставляла своим детям учиться на собственных ошибках, которых она охотно помогла бы им избежать, если бы только они не отказывались принять ее совет, словно это была английская соль или сenna.

— Хорошо, Эми, если ты так этого хочешь и знаешь, как осуществить свою затею без чрезмерного расхода денег, сил и времени, я не стану возражать. Поговори с сестрами, и, какое бы решение вы ни приняли, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

— Спасибо, мама, ты всегда так добра! — И Эми ушла, чтобы изложить план сестрам.

Мег согласилась сразу и обещала свою помощь, предложив для осуществления проекта все, что имела, от самого ее маленького домика до ее парадных ложечек для соли. Но Джо взглянула на проект в целом неодобрительно и поначалу даже на пожелала иметь ничего общего с этой затеей.

— Ну скажи на милость, зачем тебе тратить твои деньги, беспокоить семью и

⁵ Мария-Терезия (1717 — 1780) — австрийская эрцгерцогиня из династии Габсбургов.

переворачивать вверх дном весь дом ради кучки девчонок, которым на тебя наплевать? Я думала, у тебя достаточно гордости и здравого смысла, чтобы не пресмыкаться перед каждой смертной, которая носит французские ботинки и ездит в карете, — сказала Джо, которую отвлекли от трагической кульминации ее романа и которая поэтому была не в самом подходящем для устройства приемов расположении духа.

— Я ни перед кем не пресмыкаюсь! И терпеть не могу, когда ко мне относятся так покровительственно, как ты! — раздраженно заявила в ответ Эми; сестры по-прежнему ссорились, когда возникали подобные вопросы. — Эти девочки любят меня, а я их, и у них много доброты, рассудительности и таланта, несмотря на то, что ты называешь «светской чепухой». Ты не хочешь нравиться людям, бывать в хорошем обществе, совершенствовать свои манеры и развивать свои вкусы. А я хочу. И я намерена извлечь все, что можно, из каждого случая, какой мне представится. Ты можешь идти по жизни, выставив локти и задрав нос, и называть это независимостью, если тебе нравится. Но это не для меня.

Когда Эми давала волю языку и чувствам, она обычно одолевала в споре, поскольку здравый смысл почти всегда оказывался на ее стороне. К тому же Джо действительно довела свою любовь к свободе и презрение к условностям до такой степени, что ее поражение в этой стычке было неизбежно. Определение, которое дала Эми представлению Джо о независимости, было столь удачным выпадом, что обе не удержались от смеха, и дискуссия приняла более дружеский характер. Хотя и очень неохотно, Джо в конце концов дала согласие пожертвовать день на светские условности и помочь сестре в том, что продолжала по-прежнему считать «дурацкой затеей».

Приглашения были разосланы, почти все приняты, и следующий понедельник назначен днем грандиозного события. Ханна была не в духе, оттого что привычный еже-недельный порядок ее работы был нарушен, и предрекала, что «коли стирка и глажка не сделаны в срок, так и ничто другое хорошо не пойдет». Нарушение ритма работы машины домашнего хозяйства плохо отразилось на начинании в целом, но девизом Эми было «Nil desperandum»⁶, и, приняв решение, она продолжала идти к цели, несмотря на все препятствия. Начать с того, чтостряпня Ханна оказалась на редкость неудачной: курица была жесткая, язык пересоленным, шоколад не пенился. Пирог и мороженое обошлись дороже, чем предполагала Эми, то же самое касалось и экипажа. Разные прочие расходы, казавшиеся поначалу пустячными, сложившись, образовали пугающую сумму. Бесс простудилась и слегла в постель; у Мег было необычно много посетителей, и она не могла отлучиться из дома; Джо была до того погружена в собственные мысли, что всякого рода поломки, катастрофы и ошибки оказались на редкость многочисленны, серьезны и досадны.

— Если бы не мама, я не выдержала бы всего этого, — объявила Эми впоследствии и с благодарностью вспоминала о помощи матери даже тогда, когда «лучшая шутка сезона» уже была забыта всеми остальными участниками событий.

В случае если понедельник окажется дождливым, гости должны были перенести свой визит на вторник — договоренность, рассердившая Джо и Ханну до последней степени. В понедельник утром погода была неустойчивой, что обычно раздражает куда больше, чем упорный неизменный дождь. То моросило, то светило солнышко, то поднимался ветер, и погода никак не могла принять решение, что делать дальше, пока наконец не стало слишком поздно и всем остальным принимать подобное решение.

Эми встала на заре, заставила всех домашних вскочить с постелей и наспех позавтракать, чтобы можно было поскорее подготовить дом к приему гостей. Парадная гостиная поразила ее своим убогим видом, и, не теряя времени даже на то, чтобы повздыхать о том, чего у нее не было, она постаралась извлечь максимум возможного из того, что у нее было: расставила стулья так, чтобы они закрывали потертые места на ковре, прикрыла пятна на стенах картинками в плетеных рамках и заполнила пустые углы скульптурами домашнего

⁶ Nil desperandum — Никогда не следует впадать в отчаяние (лат.).

изготовления, что придало комнате вид художественного салона, так же как и полные прелестных цветов вазы, которые Джо расставила, где только было можно.

Стол, накрытый для гостей, выглядел замечательно, и, обозревая его, Эми всей душой надеялась, что блюда окажутся хороши на вкус и что взятые напрокат стекло, фарфор и серебро благополучно вернутся к своим хозяевам. Экипажи ожидались в срок. Мама и Мег были готовы встретить гостей; Бесс оправилась от простуды настолько, что могла помогать Ханне за кулисами; удалось также убедить Джо быть настолько оживленной и любезной, насколько это могли позволить рассеянность, головная боль и крайне неодобрительное отношение ко всем и вся. И когда Эми, уже усталая, одевалась в свое лучшее платье, она пыталась ободрить себя мыслями о той счастливой минуте, когда завтрак будет благополучно завершен и она уедет со своими подругами, чтобы посвятить день обзору живописных окрестностей, так как считала «сырой жбан» и руины моста выигрышными моментами своего плана.

За этим последовали два часа томительной неопределенности, в течение которых она бродила из гостиной на крыльцо и обратно, в то время как общественное мнение менялось вместе с направлением флюгера на крыше. Начавшийся в одиннадцать часов проливной дождь, вероятно, не вызвал энтузиазма у юных художниц, которые должны были приехать в полдень. Никто из гостей так и не появился, и в два часа дня измученные ожиданием члены семьи сели за стол в лучах яркого солнца, чтобы поглотить скоропортящиеся блюда во избежание убытка.

— Но уж сегодня погода не вызывает сомнений. Они конечно же приедут, так что мы должны поскорее приготовить все необходимое, — сказала Эми, когда солнце разбудило ее на следующее утро. Она старалась говорить бодро, но втайне жалела, что предоставила подругам возможность перенести визит на вторник, поскольку ее энтузиазм, так же как и ее пирог, давно остыл.

— Нигде не смог достать омара, так что, дорогая, придется сегодня обойтись без салата, — сказал мистер Марч, когда полчаса спустя вошел в дом с выражением спокойной безнадежности на лице.

— В таком случае можно использовать курицу; то, что она жестковата, не будет заметно в салате, — посоветовала миссис Марч.

— Ханна на минуточку оставила курицу на столе, и котята добрались до нее. Мне очень жаль, Эми, — добавила Бесс, по-прежнему остававшаяся покровительницей кошек.

— Тогда без омара нельзя, одного лишь языка недостаточно, — заявила Эми решительно.

— Помчаться в город и купить омара? — предложила Джо с великодушием мученика.

— Ты, пожалуй, еще явишься, держа его под мышкой и даже не завернутого в бумагу, только чтобы досадить мне. Я поеду за ним сама, — ответила Эми, начиная терять самообладание.

Спрятав лицо под густой вуалью и вооружившись изящной дорожной корзинкой, она отправилась в путь, полагая, что прохладный утренний воздух успокоит ее смятенный дух и даст сил для предстоящих трудов этого дня. После некоторой задержки предмет ее вожделений был добыт, так же как и бутылка соуса, чтобы избежать дальнейшей потери времени по возвращении домой, и она пустилась в обратный путь, очень довольная своей предусмотрительностью.

Так как в омнибусе был всего лишь еще один пассажир — сонная старая дама, Эми сунула вуаль в карман и коротала скучную дорогу, пытаясь разобраться, куда ушли все ее деньги. Она была так поглощена своей бумажкой, заполненной упрямыми цифрами, что даже не заметила нового пассажира, который сел в экипаж прямо на ходу. Неожиданно мужской голос произнес: «Доброе утро, мисс Марч», и, подняв голову, она увидела одного из самых элегантных университетских друзей Аори. Горячо надеясь, что он выйдет из омнибуса раньше ее, Эми полностью игнорировала стоящую у ее ног корзинку. Внутренне поздравив себя с тем, что одета в новое дорожное платье, она ответила на приветствие

молодого человека со всей своей обычной учтивостью и достоинством.

Беседа шла замечательно, так как главное опасение, мучившее Эми, вскоре исчезло: она узнала, что молодой человек выходит первым. Но как раз в тот момент, когда она говорила что-то особенно изысканным тоном, старая дама поднялась со своего места. Ковыляя к двери, она опрокинула корзинку, и — о, ужас! — омар во всем своем вульгарном размере и красноте предстал пред благородными очами мистера Тюдора.

— Ей-богу, она забыла свой обед! — воскликнул ни о чем не ведающий молодой человек, заталкивая алое чудовище на место своей тросточкой и готовясь протянуть корзинку вслед старой даме.

— Пожалуйста, не надо... это... это мое, — пробормотала Эми, лицо ее было почти таким же красным, как и ее улов.

— О, вот как! Прошу прощения. Необыкновенно красивый, не правда ли? — сказал Тюдор с огромным присутствием духа и, выражая своим видом сдержанный интерес, что делало честь его воспитанию.

Эми мгновенно пришла в себя, смело поставила свою корзинку на сиденье и сказала, смеясь:

— Разве вам не хочется отведать салата, который из него приготовят, и взглянуть на очаровательных юных леди, которые будут его есть?

Что ж, это был ловкий ход, поскольку удалось затронуть две главные мужские слабости: омар был мгновенно окружен ореолом приятных воспоминаний, а любопытство, вызванное упоминанием об «очаровательных юных леди», отвлекло его от происшедшего комического несчастья.

— Я думаю, они с Лори будут смеяться и острить по этому поводу, но я их не услышу, и это утешает, — сказала себе Эми, когда Тюдор раскланялся и вышел из омнибуса.

Дома она не упомянула об этой встрече (хотя обнаружила, что, когда корзинка опрокинулась, ее новое платье заметно пострадало от соуса, струйки которого оставили извивающиеся следы на подоле), но продолжила необходимые приготовления, которые теперь казались более утомительными и скучными, чем прежде, и к полудню все было готово. Чувствуя, что соседи уже заинтересовались ее передвижениями и маневрами, она желала загладить воспоминания о вчерашней неудаче грандиозным успехом сегодняшнего дня, а потому распорядилась подать «сырой жбан» и торжественно выехала навстречу гостям, чтобы сопроводить их на банкет.

— Стук колес! Они едут! Я выйду на крыльцо, чтобы их встретить. Я так хочу, чтобы бедная девочка хорошо провела время после всех этих испытаний, — сказала миссис Марч, выходя из парадной двери. Но, бросив на дорогу один-единственный взгляд, она отступила в переднюю с не поддающимся описанию выражением лица: почти затерявшись в большом экипаже, сидели Эми и еще одна девочка.

— Беги, Бесс, и помоги Ханне убрать половину еды со стола. Это будет чересчур нелепо — выставить завтрак на двенадцать персон перед одной гостьей! — крикнула Джо, опускаясь до раздражения и слишком взволнованная, чтобы посмеяться над комизмом положения.

Вошла Эми, совершенно спокойная и очаровательно любезная по отношению к своей единственной гостье, сдержавшей обещание; остальные члены семьи, обладая актерскими способностями, так же хорошо сыграли свои роли, и мисс Элиот нашла их весьма жизнерадостными людьми, поскольку им не вполне удавалось сдерживать свою веселость. Когда приведенный в соответствие с числом гостей завтрак был с удовольствием съеден, состоялось посещение студии художницы и сада, во время которого с жаром обсуждалось искусство. Затем Эми распорядилась подать двухместную коляску (увы, не элегантный «сырой жбан»!) и катала свою подругу по окрестностям почти до заката, после чего «гости кончились».

Войдя в дом с видом очень усталым, но, как всегда, спокойным, она заметила, что все следы злосчастного пира исчезли, кроме подозрительных складок в углах рта Джо.

— Замечательная сегодня была погода, как раз для прогулки в экипаже, дорогая, — сказала мать так же вежливо и любезно, как если бы в прогулке участвовали двенадцать человек.

— Мисс Элиот — очень милая девушка и, кажется, осталась довольна, — заметила Бесс с особой теплотой.

— Не дадите ли мне с собой кусок вашего пирога? Мне он, право, пригодился бы, у меня так много гостей в эти дни, а такого замечательного пирога мне не испечь, — сказала Мег серьезно.

— Возьми весь. Я здесь единственная, кто любит сладкое, так что он успеет заплесневеть, прежде чем мне удастся с ним справиться, — ответила Эми со вздохом, думая о той огромной сумме, которую потратила на этот пирог.

— Жаль, что нет Лори и некому помочь нам, — начала было Джо, когда они во второй раз приступили к салату и мороженому.

Предостерегающий взгляд матери помешал дальнейшим высказываниям на эту тему, и вся семья ела в героическом молчании, пока мистер Марч не заметил мягко:

— Салат был одним из любимых блюд в древности и... — Здесь общий взрыв смеха прервал изложение «истории салатов», к большому удивлению ученого мужа.

— Сложи все в корзинку и отправь к Хаммелям: немцы любят покушать. Меня тошнит от одного вида всего этого, и вам нет никакой необходимости умирать от объедания только из-за того, что я оказалась такой дурой! — воскликнула Эми, вытирая глаза.

— Я думала, умру, когда увидела вас двоих, трясущихся в этом — как там его? — словно два крошечных зернышка в большой ореховой скорлупе. А мама-то ждет целую толпу! — И, отсмеявшись, Джо вздохнула.

— Мне очень жаль, дорогая, что тебя постигло такое разочарование, но мы все очень старались, чтобы ты была довольна, — сказала миссис Марч с нежным сочувствием.

— Я удовлетворена. Я сделала то, за что взялась, и не моя вина, что ничего не вышло. Этим я и утешаюсь, — ответила Эми с легкой дрожью в голосе. — Я благодарна всем вам за помощь и буду еще более благодарна, если вы не будете упоминать о случившемся, по крайней мере в ближайший месяц.

Никто и не упоминал в течение нескольких месяцев, но слова «праздник на природе» всегда вызывали общую улыбку, а на день рождения Эми получила в подарок от Лори крошечного кораллового омара, чтобы носить в виде брелока на цепочке часов.

Глава 4

Литературные уроки

Судьба неожиданно улыбнулась Джо и бросила монетку на счастье прямо на ее пути. Не золотую, правда, но не знаю, смог ли бы целый миллион принести Джо большее счастье, чем та небольшая сумма, которую она зарабатывала сочинительством.

Каждые несколько недель она закрывалась в своей комнате, облачалась в «писательский костюм» и «погружалась в водоворот», как она это определяла, строча свой роман и вкладывая в это всю душу, так как, пока он не был закончен, она не могла обрести покой. «Писательский костюм» состоял из черного шерстяного передника, о который она могла сколько угодно вытирать перо, и шапочки из той же ткани, украшенной веселым красным бантиком, под которую она собирала волосы, готовясь приступить к решительным действиям. Эта шапочка служила маяком для пытливых глаз членов семейства, которые в такие периоды старались держаться на расстоянии, лишь порой всовывая головы в дверь ее комнаты, чтобы спросить с интересом: «Ну, как, Джо, кипит ли твой гений?» Впрочем, они не всегда решались задать даже этот вопрос, не отметив предварительно состояние шапочки. Если этот выразительный предмет одевания был низко надвинут на лоб, то был ясный знак, что тяжелая работа продолжается; в моменты волнения он был ухарски сдвинут набок; а когда отчаяние охватывало автора, шапочка срывалась решительной рукой и швырялась на

пол. В такие моменты вторгшийся молча исчезал, и, пока веселый красный бантик не появлялся вновь над вдохновенным челом, никто не осмеливался обратиться к Джо.

Она отнюдь не считала себя гением, но когда ее охватывал творческий порыв, она предавалась ему с полным самозабвением и вела блаженное существование, забыв о неприятностях, заботах или плохой погоде на то время, пока оставалась в счастливом и благополучном воображаемом мире, где было полно друзей, почти столь же реальных и столь же дорогих ей, как и любой из ее друзей во плоти. Сон бежал ее глаз, еда стояла нетронутой, день и ночь были слишком коротки, чтобы успеть насладиться счастьем, которое приходило к ней только в такие периоды. Ради этих часов стоило жить, даже если они не приносили никаких иных плодов. Божественное вдохновение обычно длилось неделю или две, а затем она появлялась из своего «водоворота», голодная, сонная, сердитая или унылая.

Она только что пришла в себя после одного из подобных приступов, когда ее уговорили проводить мисс Крокер на публичную лекцию, и в награду за добродетель она получила новую идею. Это была общедоступная лекция о египетских пирамидах, и Джо отчасти удивил выбор *такой* темы для *такой* аудитории, но она согласилась допустить, что какое-то огромное социальное зло будет исправлено или какая-то глубокая потребность удовлетворена раскрытием величия фараонов и их династий перед слушателями, чьи мысли были заняты ценами на муку и уголь и чьи жизни были посвящены попыткам разгадать загадки потруднее загадок Сфинкса.

Они пришли рано, и, пока мисс Крокер штопала принесенный с собой чулок, Джо пыталась развлечься, наблюдая за людьми, занимавшими одну с ними скамью. Слева от нее сидели две матроны с массивными лбами и в соответствующих шляпках, обсуждавшие женские права и вязавшие кружева. Чуть дальше расположилась пара скромных влюбленных, простодушно и бесхитростно державшихся за руки; мрачного вида старая дева ела мятные леденцы из бумажного пакетика, старый джентльмен дремал, накрывшись желтым платком, в порядке подготовки к предстоящей лекции. Единственным соседом Джо справа был вдумчивого вида паренек, поглощенный чтением газеты.

Это было дешевое иллюстрированное издание, и Джо внимательно изучала ближайшее к ней произведение искусства, тщетно пытаясь догадаться, какое неслучайное стечение обстоятельств потребовало мелодраматического изображения индейца, в полной боевой раскраске падающего в пропасть вместе с вцепившимся ему в горло волком, в то время как поблизости два разъяренных молодых человека, с неестественно маленькими ступнями и большими глазами, вонзали друг в друга ножи, а встрепанная женщина с широко раскрытым ртом убегала в лес на заднем плане. Оторвавшись на минуту от чтения, чтобы перевернуть страницу, паренек заметил, что она смотрит на него, и с мальчишеским добродушием предложил ей половину газеты, сказав грубовато:

— Хочешь почитать? История — первый сорт!

Джо приняла листок с улыбкой — даже с возрастом она так и не избавилась от привычки симпатизировать мальчикам — и вскоре уже погрузилась в обычный лабиринт любви, тайн и убийств, так как история принадлежала к тому разряду легкого чтения, в котором дается полная свобода страстям, а когда автору не хватает изобретательности, грандиозная катастрофа очищает сцену от половины действующих лиц, оставляя вторую половину ликовать по поводу гибели первой.

— Отлично, а? — сказал паренек, когда она пробежала глазами последний абзац доставшейся ей части.

— Думаю, и мы с тобой смогли бы написать не хуже, если бы попробовали, — ответила Джо, которую забавляло его восхищение этой литературной халтурой.

— Я считал бы себя счастливчиком, если б умел так писать. Она, говорят, здорово зарабатывает на таких историях. — И он указал на имя миссис С. Л. Е. Н. Г. Нортбери под заголовком рассказа.

— Ты ее знаешь? — спросила Джо с внезапно возникшим интересом.

— Нет, но я читал все ее рассказы и знаю парня, который работает в конторе, где печатают эту газету.

— И ты говоришь, что она хорошо зарабатывает на таких историях? — И Джо с большим почтением взглянула на возбужденную группу на рисунке и на густо усеявшие страницу восклицательные знаки.

— Еще бы! Она знает, что людям нравится, и ей хорошо платят за то, что она пишет.

Здесь началась лекция, но Джо мало что слышала из нее, так как, пока профессор Сендс распространялся о Бельцони⁷, Хеопсе, скарабеях и египетской письменности, она украдкой переписала адрес издателя и смело решила принять участие в объявленном газетой конкурсе на лучшую сенсационную историю и получить стодолларовый приз. К тому времени, когда лекция кончилась и публика проснулась, Джо уже заложила фундамент своего будущего богатства (не первого в этом мире построенного с помощью пера и бумаги) и была погружена в разработку сюжета, затрудняясь относительно того, должна ли дуэль произойти до тайного побега влюбленных или после убийства.

Дома она никому не сказала о своем плане, но принялась за работу на следующий же день, к большой тревоге матери, которая всегда волновалась, когда «гений кипел». Джо еще никогда не писала в такой манере — до сих пор она довольствовалась очень сдержанными романтическими историями для «Парящего орла», — но ей пригодились ее театральные опыт и начитанность, которые дали ей некоторое представление о средствах, обеспечивающих драматический эффект, и помогли в том, что касалось сюжета, языка и костюмов персонажей. Ее история была настолько пронизана безрассудством и отчаянием, насколько позволяло ее ограниченное знакомство с этими душевными состояниями, и, сделав местом действия Лиссабон, она избрала землетрясение в качестве подходящей и поражающей воображение развязки. Рукопись была отправлена тайно и сопровождалась запиской, в которой скромно говорилось, что, если история не получит приза, которого автор едва ли смеет ожидать, она была бы рада получить за его публикацию любую сумму, какую издатель сочтет приемлемой.

Шесть недель — большой срок, если приходится ждать, и еще больший, если нужно хранить секрет, но Джо терпеливо делала и то, и другое и только что начала терять надежду вновь увидеть свою рукопись, когда пришло письмо, от которого у нее совершенно захватило дух: она вскрыла конверт, и ей на колени выпал чек на сто долларов. С минуту она сидела неподвижно, глядя на него так, словно это была змея, потом прочитала письмо и заплакала. Я полагаю, что если бы добрейший редактор, писавший эту любезную записку, знал, какое огромное счастье он приносит ближнему, то непременно посвятил бы свои свободные часы, если они у него есть, этому приятному занятию, поскольку для Джо письмо обладало куда большей ценностью, чем деньги: оно было ободряющим, и после долгих лет упорного труда оказалось так приятно обнаружить, что чему-то она все-таки научилась, пусть даже всего лишь писать сенсационные истории.

Редко можно увидеть девушку, выступающую с более гордым видом, чем тот, что был у Джо, когда, успокоившись сама, она взволновала всю семью, появившись в гостиной с письмом в одной руке и чеком в другой, и объявила, что выиграла приз. Разумеется, это было великое торжество, а когда историю напечатали в газете, все читали и хвалили, хотя потом отец, отметив, что и язык хорош, и сюжет оригинальный, и трагедия вызывает дрожь, все же покачал головой и сказал, как неизменный бессребреник:

— Ты можешь писать лучше Джо. Стремись к высшему и никогда не думай о деньгах.

— А я думаю, что во всем этом деньги — самое приятное. Что ты собираешься делать с таким богатством, Джо? — спросила Эми, с благоговением взирая на магический клочок бумаги.

⁷ Бельцони Джованни Батиста (1778 — 1823) — итальянский путешественник и археолог, исследователь Египта.

— — Отправлю Бесс и маму на море на месяц или два, — ответила Джо не задумываясь.

— О, замечательно! — воскликнула Бесс, хлопнув худенькими руками и глубоко вздохнув, словно жаждала свежего океанского бриза, но тут же отодвинула чек, которым взмахнула перед ней сестра. — Нет, я не могу, дорогая, это будет ужасным эгоизмом.

— Ах, ты должна поехать, я только об этом и мечтаю. Для этого я и старалась и поэтому добилась успеха. У меня никогда не выходит хорошо, когда я думаю только о себе, так что если я буду работать ради тебя, это мне поможет, разве ты не понимаешь? А кроме того, маме тоже нужна перемена, но она ни за что не покинет тебя — значит, ты должна поехать. Как это будет весело, когда ты вернешься домой розовая и пухленькая, как прежде! Да здравствует доктор Джо, которая всегда излечивает своих пациентов!

И после долгих дискуссий они поехали на море, и хотя Бесс вернулась домой не такой «розовой и пухленькой», как хотелось, ей все же было гораздо лучше, а миссис Марч объявила, что чувствует себя на десять лет моложе. Джо осталась довольна вложением своих призовых денег и с бодростью принялась за работу, твердо решив заработать еще не один такой восхитительный чек. В тот год она заработала их несколько и начала чувствовать себя значительной силой в доме, так как колдовство пера превращало ее «чепуху» в удобства для всей семьи. «Дочь герцога» оплатила счет мясника, «Рука призрака» расстелила новый ковер, а «Проклятие семейства Ковентри» стало благословением семейства Марч в виде бакалейных товаров и одежды.

Богатство, разумеется, в высшей степени желанная вещь, но и у бедности есть своя светлая сторона, и самое приятное, что можно извлечь из житейских трудностей, — это подлинное удовлетворение, которое приносит плодотворная работа ума и рук. И вдохновению, порожденному нуждой, мы обязаны по крайней мере половиной всего умного, красивого и полезного, что есть в этом мире. Джо наслаждалась вкусом этого удовлетворения и перестала завидовать более богатым девушкам, черпая большое утешение в сознании того, что может обеспечить свои потребности и ей не нужно просить ни у кого ни гроша.

Ее истории не привлекли широкого внимания публики, но нашли своего читателя, и, ободренная этим обстоятельством, она решила одним решительным ударом добиться и славы и богатства. Переписав свой роман в четвертый раз, прочитав его всем близким друзьям и предложив его со страхом и трепетом трем издателям, она наконец получила возможность продать его, но лишь при условии, что сократит его на треть и выкинет все места, которыми особенно восхищалась.

— Итак, теперь я должна либо сунуть его обратно в мой жестяной ящик — и пусть плесневеет, либо заплатить за его опубликование из своих денег, либо обкорнать, чтобы удовлетворить покупателя и получить за свой труд сколько можно. Слава — вещь приятная, но наличные деньги — вещь более полезная, так что я хочу поставить этот вопрос на голосование нашего собрания, — сказала Джо, созвав семейный совет.

— Не порти свою книгу, девочка моя. Ты даже не знаешь, как она хороша. И идея хорошо разработана. Пусть полежит, созреет, — так звучал совет отца, который и сам следовал в жизни тому, что проповедовал, терпеливо ожидая созревания собственных плодов и не спеша снять их даже теперь, когда они стали сладкими и мягкими.

— Мне кажется, что Джо получит больше пользы, пройдя через испытание, чем выжидая, — сказала миссис Марч. — Критика — лучшая проверка для такого рода работы; критика выявит неожиданные достоинства и недостатки произведения Джо и поможет ей в следующий раз написать лучше. Мы слишком пристрастны, а похвала и порицание посторонних окажутся полезными, пусть даже роман принесет мало денег.

— Да, — сказала Джо, сдвинув брови, — вот именно. Я так долго с ним возилась. И, право, не знаю, хорош он, или плох, или так себе. Мне будет очень полезно, если спокойные, беспристрастные люди взглянут на него и скажут мне, что они думают.

— Я не выбросила бы из него ни слова. Ты испортишь его, если сделаешь то, что

требует издатель. То, что происходит в умах людей, гораздо интереснее, чем их действия, и выйдет просто каша, если ты выкинешь те объяснения, которые есть в твоём романе сейчас, — возразила Мег, которая была твердо уверена, что книга Джо — самый замечательный из всех когда-либо написанных романов.

— Но мистер Аллен пишет: «Откажитесь от всех пояснений, сделайте повествование ярким и драматичным и дайте самим персонажам рассказать всю историю», — перебила ее Джо, обращаясь к записке издателя.

— Поступи так, как он тебе велит; он знает, что можно продать, а мы нет. Сделай хорошую, популярную книжку и получи столько денег, сколько дадут. Потом, когда сделаешь себе имя, сможешь позволить себе не подчиняться правилам и вставлять в свои романы всяких философов и метафизиков, — сказала Эми, которая придерживалась сугубо практического взгляда на дело.

— Если мои герои — «философы и метафизики», — отозвалась Джо со смехом, — это не моя вина. Я ничего не знаю о подобных вещах, кроме того, что слышу иногда от папы. А если я взяла кое-что из его мудрых мыслей и вплела в мой роман, тем лучше для меня. А ты, Бесс? Что ты скажешь?

— Я так хотела бы увидеть его напечатанным поскорее, — вот и все, что сказала Бесс, и, говоря это, улыбнулась. Но было и невольное ударе́ние на последнем слове, и печальное выражение в никогда не терявших детского простодушия глазах — и сердце Джо на мгновение сжалось от страха перед грядущим несчастьем, заставив ее пуститься в свое маленькое коммерческое предприятие «поскорее».

Итак, со спартанской твердостью юная писательница положила своего первенца на стол и принялась кромсать с безжалостностью людоеда. В надежде угодить всем она принимала все поступающие советы и, подобно старику и его ослу в известной басне, не угодила никому.

Отцу нравилась метафизическая струя, которая незаметно для нее самой оказалась в романе, так что этой струе было позволено остаться, хотя Джо и сомневалась в правильности такого решения. Мать полагала, что в романе многовато описаний, поэтому почти все они были выброшены, а вместе с ними и многие необходимые связующие звенья романа. Мег восхищалась трагическими сценами, и Джо нагромождала страдания, чтобы угодить ей. Эми же возражала против шуток, и из самых лучших побуждений Джо убрала все веселые сцены, так оживлявшие мрачную историю. Затем, чтобы довершить разрушение, она выбросила одну треть и отправила свой бедный роман, словно ошипанную малиновку, в большой, кипучий мир — попытать судьбу.

Роман был опубликован, она получила за него триста долларов, так же как и множество похвал и упреков — и то, и другое в настолько более сильных, чем она ожидала, выражениях, что они повергли ее в замешательство, и, чтобы прийти в себя, ей потребовалось некоторое время.

— Ты говорила, мама, что критика поможет мне. Но возможно ли это, когда она так противоречива, что я не знаю, написала ли я многообещающую книгу или нарушила все десять заповедей? — восклицала бедная Джо, листая кучу газетных вырезок, внимательное чтение которых наполняло ее душу то гордостью и радостью, то гневом и неподдельным ужасом. — Вот этот человек пишет: «Исключительная книга, полна правды, красоты и убежденности; все в ней прекрасно, чисто, здорово», — продолжила сбита с толку писательница, — а следующий говорит так: «Теория книги порочна; полно нездоровых фантазий, спиритических воззрений, неестественных характеров». Но у меня не было никакой «теории», я не верю в спиритуализм, а мои характеры взяты из жизни. Не понимаю, как этот критик может быть прав... Еще один говорит: «Это один из лучших американских романов, появившихся за многие годы» (у меня достаточно здравого смысла, чтобы так не думать), а следующий утверждает, что «хотя роман оригинален и написан с большой силой и чувством, он является опасной книгой». Ничего подобного!.. Одни смеются, другие неумеренно хвалят, и почти все настаивают на том, что у меня была глубокая теория,

которую я хотела развить, когда я всего лишь писала ради денег и удовольствия. Уж лучше бы я опубликовала его целиком или не печатала совсем, потому что терпеть не могу, когда обо мне судят превратно.

Домашние и друзья не скупилась на похвалы и слова утешения, однако это было тяжелое время для чувствительной, пылкой Джо, которая хотела как лучше, а вышло так плохо. И все же это испытание принесло ей пользу, так как она слышала и критику со стороны тех, чье мнение было по-настоящему ценно, — критику, которая служит лучшим уроком для начинающего писателя. А когда первая боль прошла, Джо смогла посмеяться над своей бедной книжкой, все еще, однако, веря в нее и чувствуя себя мудрее и сильнее после полученных ударов.

— Я не гений, как Китс⁸, и это не убьет меня, — говорила она решительно. — В конце концов не я осталась в дураках, так как фрагменты, взятые прямо из реальной Жизни, были объявлены нелепыми и невозможными, а сцены, которые я создала в своей собственной глупой голове, названы «чарующе естественными и правдивыми». Постараюсь утешиться этим, а когда буду готова, сделаю новую попытку.

Глава 5

Опыты семейной жизни

Как большинство других юных матрон, Мег начинала свою супружескую жизнь с твердой решимостью стать образцовой хозяйкой. Джону предстояло найти дома рай, всегда видеть улыбающееся лицо жены, великолепно питаться каждый день и не знать о том, что такое потерянные пуговицы. Она вкладывала в свой труд столько любви, энергии и оптимизма, что просто не могла не добиться успеха. Ее рай был не из безмятежных, ибо маленькая женщина усердно хлопотала, была сверхзабочена тем, чтобы угодить мужу, и суетилась, как настоящая Марта⁹, обремененная множеством забот. Иногда она так уставала, что была не в силах даже улыбаться. У Джона после череды изысканных блюд расстроилось пищеварение, и он неблагодарно требовал простой пищи. Что же до пуговиц, она скоро начала удивляться, куда они деваются, качала головой по поводу мужской беспечности и грозила заставить его самого пришивать их, чтобы посмотреть, будут ли они пришиты настолько крепко, чтобы выдержать нетерпеливые рывки и резкие движения его пальцев.

Они были очень счастливы, даже после того, как открыли, что не могут жить одной любовью. Джон не нашел, что Мег стала менее красивой оттого, что улыбалась ему теперь из-за знакомого кофейника; и Мег вполне хватало романтичности в ежедневном прощании, хотя ее муж сопровождал поцелуй нежным вопросом: «Что прислать домой к обеду: телятину или баранину?» Маленький домик перестал быть разукрашенной беседкой и сделался просто домом, и юная пара скоро почувствовала, что это перемена к лучшему. Сначала они играли в свое новенькое хозяйство и радовались, как дети; но затем Джон степенно и размеренно занялся делом, чувствуя на своих плечах всю тяжесть забот главы семьи, а Мег отложила свои батистовые капотики, надела большой передник и взялась за работу, вкладывая в нее, как уже было сказано, больше энергии, чем благоразумия.

Пока длилось увлечение кулинарией, она проработала от начала и до конца всю книгу рецептов миссис Корнелиус так, будто это был арифметический задачник, и решала каждую из задач с терпением и упорством. Иногда приходилось приглашать мать, отца и сестер, чтобы помочь съесть чересчур обильный обед из удачно получившихся блюд, а иногда Лотти получала тайное указание отнести домой узелок неудачных кушаний, которые можно

⁸ Китс Джон (1795 — 1821) — английский поэт-романтик. Как полагали многие современники, одной из причин его ранней смерти были жестокие нападки критиков.

⁹ Марта — старая ключница, персонаж романа Вальтера Скотта «Роб Рой».

было скрыть от всех в удобных животах маленьких Хаммелей. Вечер, проведенный с Джоном над расходными книгами, обычно приводил к временному затишью в кулинарной деятельности и приступу бережливости, когда бедного человека держали на хлебном пудинге, рагу с подливкой и подогретом кофе, испытывавшем его терпение, хотя он выносил это с заслуживающей похвалы стойкостью. Однако, прежде чем удалось найти золотую середину, Мег добавила к своему семейному достоянию то, без чего юные пары редко обходятся, — семейную ссору.

Горя хозяйственным желанием увидеть в своей кладовой припасы домашнего изготовления, она взялась приготовить смородинный джем. Джон получил распоряжение заказать десяток маленьких горшочков и дополнительное количество сахара, так как смородина в их садике уже созрела и предстояло заняться ею как можно скорее. Джон твердо верил, что его жена может все, и гордился ее талантами, и поэтому решил, что ее желание должно быть исполнено и их единственный урожай ягод должен быть переведен в форму весьма приятную для употребления зимой. В результате в маленький домик поступили четыре десятка прелестных маленьких горшочков, полбочонка сахара и маленький мальчик, чтобы собрать смородину с кустов. Спрятав свои красивые волосы под маленький чепчик, закатав рукава до локтей и надев клетчатый передник, имевший кокетливый вид, несмотря на то, что был кухонный, юная хозяйка взялась за дело, ничуть не сомневаясь в успехе, ведь разве не видела она сотни раз, как это делала Ханна? Количество выстроенных в ряд горшочков сначала изумило ее, но Джон так любит джем, а маленькие баночки будут так хорошо выглядеть на верхней полке — и Мег решила заполнить их все. Она провела этот долгий день, перебирая, кипятя, Протирая, процеживая и без конца крутясь возле своего джема. Она старалась изо всех сил, она прибегла к советам миссис Корнелиус, она напрягала память, чтобы вспомнить, что делала Ханна и чего не сделала она, Мег, она снова кипятила, добавляла сахар, процеживала, но отвратительная смородина не желала «густеть». Ей очень хотелось броситься бегом домой, прямо в переднике, и попросить маму помочь, но они с Джоном давно решили, что никогда не будут никого беспокоить своими личными заботами, переживаниями или ссорами. Они даже посмеялись над этим последним словом, как будто мысль, на которую оно наводило, была совершенно нелепой. И они твердо придерживались своего решения и всякий раз, когда могли обойтись без посторонней помощи, обходились без нее, и никто не вмешивался в их дела. Так что Мег продолжала бороться одна с упрямой сладкой массой весь этот жаркий летний день. В пять часов она села посреди своей перевернутой вверх дном кухни, заломила испачканные руки и заплакала в голос.

Надо сказать, что в первое время после свадьбы, упоенная новой жизнью, она часто повторяла: «Мой муж волен приводить домой друзей, когда пожелает. Я всегда буду готова принять их: не будет ни суеты, ни неудовольствия, ни стеснения, лишь убранный дом, веселая жена и хороший обед. Джон, дорогой, никогда даже не спрашивай моего согласия, приглашай кого хочешь и будь уверен в любезном приеме с моей стороны». Как это было очаровательно! Джон просто сиял от гордости, слушая ее, и сознавал, какое это счастье иметь такую замечательную жену. Но хотя гости у них время от времени бывали, их приход никогда не был неожиданностью, и Мег до сих пор не имела случая отличиться.

Такое часто случается в сей юдоли слез, есть некая неотвратимость в такого рода событиях, и мы можем лишь удивляться ей, скорбеть и мужественно переносить испытания... Если бы Джон не забыл — целиком и полностью — о джеме, было бы, пожалуй, непростительно с его стороны выбрать именно этот день из всех дней в году для того, чтобы неожиданно привести к обеду друга. Внутренне поздравляя себя с тем, что значительный запас провизии был заказан и отправлен домой в то утро, чувствуя полную уверенность в том, что кушанья будут готовы к нужному часу, и предаваясь приятным предчувствиям относительно прекрасного впечатления, какое произведет на гостя красивая хозяйка, когда выбежит им навстречу, Джон вел друга в свое жилище с нескрываемой гордостью юного хозяина и мужа.

Этот мир полон разочарований, как обнаружил Джон, когда подошел к «голубятне».

Обычно парадная дверь была гостеприимно открыта, теперь она была закрыта, и к тому же на замок, а вчерашняя грязь все еще украшала ступени крыльца. Окна гостиной были закрыты и занавешены, не было видно красивой жены, пьющей чай на веранде в белом платье, со сводящим с ума маленьким голубым бантом в волосах, или гостеприимной хозяйки, приветствующей гостя с сияющими глазами и робкой улыбкой. Не было видно ни души, кроме мальчугана, на первый взгляд окровавленного, который спал под кустом смородины.

— Боюсь, что-то случилось. Зайдите в сад, Скотт, а я пока поднимусь и поищу миссис Брук, — сказал Джон, встревоженный безмолвием и безлюдьем.

Он торопливо обошел дом, путь ему указывал резкий запах жженого сахара. Мистер Скотт со странным выражением лица шагал следом за хозяином. Когда Брук исчез за дверью, гость скромно задержался в саду, зная, что и так сможет все увидеть и услышать, и, будучи холостяком, безмерно радовался такой перспективе.

В кухне царили беспорядок и уныние. Одно издание джема тонкой струйкой перетекало из горшочка в горшочек, другое растеклось по полу, а третье весело горело на плите. Лотти, с тевтонской бесстрастностью, спокойно ела хлеб, запивая его чем-то вроде смородиновой настойки, так как джем по-прежнему оставался в безнадежно жидком состоянии. Миссис Брук сидела посреди кухни, закрыв лицо передником и отчаянно всхлипывая.

— Девочка моя милая, что случилось? — воскликнул Джон, врываясь в кухню; перед его внутренним взором стояли страшные видения ошпаренных рук, он боялся услышать неожиданное известие о тяжелой утрате и испытывал тайный ужас при мысли о госте в саду.

— О Джон, я так устала, мне так жарко, и я так сердита и расстроена! Я трудилась над этим джемом, пока не выдохлась окончательно. Скорее помоги мне или я умру! — И измученная хозяйка бросилась ему на грудь, обеспечив супругу сладкий, в прямом смысле слова, прием, поскольку ее передник был окроплен вареньем тогда же, когда и пол.

— Что расстроило тебя, дорогая? Что-нибудь ужасное случилось? — спросил встревоженный Джон, нежно целуя макушку маленького чепчика, сидевшего совсем криво.

— Да! — И Мег отчаянно зарыдала.

— Что же? Скажи мне скорее. Не плачь, я вынесу все, только не это. Говори же, любовь моя.

— Дж... джем не густеет, и я не знаю, что делать!

Джон Брук засмеялся тогда, хотя впоследствии он уже не осмеливался смеяться над случившимся. И ироничный Скотт в саду тоже невольно улыбнулся, услышав этот раскат сердечного хохота, который нанес последний удар сраженной горем Мег.

— И это все? Выкини его в окно и забудь. Я куплю несколько кварт готового джема, если хочешь, только, Бога ради, не устраивай истерику. Я привел к обеду Джека Скотта и...

Джон не договорил, так как Мег оттолкнула его и, трагически заломив руки, упала на стул, воскликнув так, что в голосе ее смешались раздражение, упрек и ужас:

— Гость к обеду, а все вверх дном! Джон, как ты мог это сделать?

— Тише, он в саду! Я совсем забыл о проклятом джеме, но теперь уже ничего не исправишь, — сказал Джон, с тревогой глядя в будущее.

— Ты должен был прислать кого-нибудь, чтобы предупредить меня, или сказать мне сегодня утром. И ты должен был вспомнить, как я буду занята сегодня, — продолжила Мег, ибо даже голубка может клюнуть, если начать взъерошивать ей перышки.

— Утром я еще не знал, что приглашу его, предупредить не было времени: я встретил его, когда шел с работы. Да я и не думал, что нужно просить позволения, ведь ты всегда говорила мне, что я могу приглашать друзей когда хочу. Я никогда не делал этого прежде, и будь я проклят, если сделаю что-нибудь подобное еще раз! — заявил Джон с оскорбленным видом.

— Надеюсь, что не сделаешь! Сейчас же уведи его; я не могу выйти к нему в таком виде, а в доме нет никакого обеда.

— Мне это нравится! А где говядина и овощи, которые я послал домой, и пудинг, который ты обещала? — воскликнул Джон, бросаясь к кухонной кладовой.

— У меня не было времени готовить; я думала, мы пообедаем у мамы. Мне очень жаль, но я была так занята. — И у Мег снова полились слезы.

Джон был человеком мягким, но и он был всего лишь человеком, а прийти домой после долгого трудового дня усталым, голодным, полным надежд и найти дом в беспорядке, пустой стол и сердитую жену — такое не слишком способствует безмятежности духа и спокойствию манер. Он, однако, сдержался, и маленький шквал, вероятно, пронесся бы быстро, если бы не одно роковое слово.

— Положение неприятное, я согласен, но, если ты поможешь, мы справимся и, несмотря ни на что, хорошо проведем время. Не плачь, дорогая, сделай маленькое усилие и приготовь нам что-нибудь поесть. Мы оба голодные как волки, так что нам все равно, что будет на столе. Дай нам солонины, хлеба и сыра, мы не станем просить джема.

Джон сказал это добродушно и в шутку, но одним этим словом подписал себе приговор. Мег сочла, что это *слишком* жестоко — намекать на ее печальную неудачу, и последняя капля ее терпения испарилась.

— Выбирайся из этого положения как знаешь. Я слишком измучена, чтобы «делать усилие» ради кого бы то ни было. Как это по-мужски — предлагать гостю кость и вульгарный хлеб с сыром! Я не желаю, чтобы подобное происходило в моем доме. Отведи этого Скотта к маме и скажи ему, что я уехала, заболела, умерла — что хочешь. Я не выйду к нему, и вы с ним можете сколько угодно смеяться над моим джемом; больше вы здесь ничего не получите. — И, произнеся этот вызов на одном дыхании, Мег отшвырнула передник и стремительно покинула поле битвы, чтобы оплакать себя в своей комнате.

Что эти двое делали в ее отсутствие, она так никогда и не узнала, но мистера Скотта не повели «к маме», а когда Мег спустилась в столовую, после того как они оба ушли, то нашла следы приготовленной на скорую руку трапезы, вызвавшие у нее ужас. Лотти сообщила, что они съели много, и очень смеялись, и хозяин велел ей «выкинуть все сладкое варено и спрятать горшочки».

Мег очень хотелось пойти и рассказать обо всем матери, но стыд за собственное поведение и верность Джону, «который, возможно, и был слишком жесток, но никто не должен знать об этом», удержали ее, и после торопливой уборки в кухне и столовой она принарядилась и села ждать, когда Джон придет, чтобы получить прощение.

К несчастью, Джон видел дело совсем в ином свете. Он постарался выйти из неприятного положения, представив его Скотту как забавный случай, извинился как мог за жену и так хорошо играл роль гостеприимного хозяина, что друг получил удовольствие от импровизированного обеда и обещал прийти еще. Но на самом деле Джон был сердит, хотя и старался не показать это гостю. Он чувствовал, что Мег сначала посадила его в лужу, а затем бросила в беде. «Это нечестно — сказать человеку, чтобы он приводил друзей в любое время, а когда он тебе поверит, рассердиться, обвинить его во всем и оставить одного в трудном положении, чтобы над ним смеялись или жалели его. Нет, видит Бог, это нечестно! И Мег должна это знать». На протяжении всего обеда он внутренне кипел от злости, но, когда все тревоги и волнения оказались позади и, проводив Скотта, он зашагал домой, им овладело более умиротворенное расположение духа. «Бедняжка! Я несправедливо строг к ней, ведь она всей душой стремилась доставить мне удовольствие, когда варила этот джем. Конечно, она была не права, обвинив меня, но ведь она так молода. Я должен быть терпелив, помочь ей, научить ее». Он надеялся, что она не ушла к родителям, — он терпеть не мог сплетен и вмешательства других в его личные дела. При одной мысли об этом им на минуту снова овладел гнев. Затем страх, что Мег захворает от слез и горя, смягчил его сердце и заставил ускорить шаг. Он решил быть спокойным и добрым, но твердым, совершенно твердым, и показать ей, в чем она уклонилась от своего долга перед супругом.

Но Мег точно так же решила быть «спокойной и доброй, но твердой» и показать *ему*, в чем состоял его долг. Ей очень хотелось выбежать ему навстречу и попросить прощения, и

чтобы он поцеловал ее и утешил, что — она была уверена — непременно произошло бы. Но она, разумеется, не сделала ничего подобного и, увидев, что Джон приближается, начала мурлыкать песенку, раскачиваясь в качалке с шитьем в руках, как светская дама в часы досуга в своей лучшей гостиной.

Джон был немного разочарован тем, что не нашел нежной Ниобеи¹⁰, но, чувствуя, что его достоинство требует, чтобы первые извинения прозвучали из уст жены, он ничего не сказал", вошел не спеша и лег на диван с весьма уместным замечанием:

— Скоро новолуние, моя дорогая.

— Ничего не имею против, — прозвучал чрезвычайно успокоительный ответ Мег.

Несколько других тем, представляющих общий интерес, были затронуты мистером Бруком и исчерпаны ответами миссис Брук, затем разговор иссяк. Джон сел у окна, развернул газету и, фигурально выражаясь, ушел в нее с головой. Мег села у другого окна и шила с таким усердием, словно бантики для ее домашних туфель принадлежали к числу предметов самой первой необходимости. Оба молчали, оба имели вид совершенно «спокойных и твердых», и оба чувствовали себя ужасно неловко.

«Боже мой, — думала Мег, — супружеская жизнь так тяжела и требует наряду с любовью и бесконечного терпения, как мама говорит».

Со словом «мама» на память пришли и другие советы матери, данные давно и выслушанные тогда со скептическими возражениями.

«Джон — хороший человек, но и у него есть недостатки, и ты должна научиться видеть их и мириться с ними, помня о своих собственных. Он очень решителен, но никогда не будет упрямиться, если ты ласково представишь ему свои доводы вместо того, чтобы нетерпеливо возражать. Он очень строг к себе и требователен к другим в том, что касается правды, — хорошая черта, хоть ты и называешь его „занудой“. Никогда не обманывай его ни взглядом, ни словом, Мег, и он будет относиться к тебе с доверием, какого ты заслуживаешь, оказывать поддержку, в которой ты нуждаешься. Характер у него не такой, как у нас (мы вспыхнем — и все прошло), его гнев — гнев честный и неизменный, который редко разгорается, но если разгорится, погасить его нелегко. Будь осторожна, очень осторожна, не вызови у него гнев и раздражение против тебя, ведь мир и счастье в вашей семье будут зависеть от сохранения взаимного уважения. Следи за собой, а если вы оба оказались не правы, не бойся попросить прощения первой. Остерегайся мелких ссор, размолвок, взаимонепонимания, поспешных резких слов, которые часто ведут к горьким сожалениям».

Эти слова вспомнились теперь Мег, когда она сидела с шитьем у окна в лучах заката. Это была их первая серьезная размолвка. Ее собственные торопливые слова показались ей и глупыми и жестокими, когда она вспомнила их. Ее гнев представлялся ей теперь ребяческим, а мысли о бедном Джоне, пришедшем домой, где его ждала такая сцена, смягчили ее сердце. Она взглянула на него со слезами на глазах, но он не смотрел на нее. Она отложила рукоделие и встала, думая: «Я первой скажу: „Прости меня!“», но он, казалось, не слышал ее шагов. Она медленно, ибо трудно переступить через гордость, прошла через комнату и остановилась рядом с ним, но он не повернул головы. На мгновение ей показалось, что она не сможет сделать это, но тут же возникла мысль: «Это начало; я пройду свою половину пути, и мне не в чем будет упрекнуть себя», и, склонившись, она нежно поцеловала мужа в лоб. Ссора была улажена — поцелуй раскаяния был лучше океана слов. И через минуту Джон уже держал ее на коленях и говорил нежно:

— Да, это было очень нехорошо — смеяться над бедными маленькими горшочками для джема. Прости меня, дорогая! Никогда больше не буду.

Но он смеялся — о да! — и много раз, как и сама Мег, и оба утверждали, что это был

¹⁰ Ниобея — в греческой мифологии супруга фиванского царя. Она хвалилась многочисленным потомством и оскорбила богиню Лето, мать Аполлона и Артемиды, и дети Лето стрелами из луков перебили всех детей Ниобеи, а сама она окаменела от горя.

самый сладкий джем в их жизни, так как им удалось и в этой ссоре сохранить сладость семейной жизни¹¹.

После этого Мег пригласила мистера Скотта к ним в дом и угостила отличным обедом, без распаренной жены в качестве первого блюда; по этому случаю она была так весела и мила и все было так очаровательно, что мистер Скотт назвал Джона «счастливчиком» и всю дорогу домой качал головой, размышляя о тяготах холостяцкого положения.

Осенью Мег ожидали новые испытания и переживания. Салли Моффат возобновила свою дружбу с ней и часто заходила в маленький домик поболтать и выпить чашечку чая или приглашала «милую бедняжку» зайти и провести день в большом доме Моффатов. Это было приятно, так как в пасмурную погоду Мег обычно чувствовала себя одиноко: дома все были заняты, Джон сидел на работе до позднего вечера, делать было нечего, и оставалось только шить, читать или слоняться по дому. Вполне естественно, что у Мег вошло в обыкновение ходить в гости и болтать с подругой. Красивые вещи Салли вызывали у Мег желание иметь такие же и жалость к себе самой, оттого что она их лишена. Салли была очень добра и часто предлагала ей взять ту или иную приглянувшуюся вещицу, но Мег не принимала таких подарков, зная, что Джону это не понравится, а затем эта глупая маленькая женщина вдруг взяла и сделала то, что не понравилось Джону бесконечно больше.

Она знала, каковы доходы ее мужа, и ей было приятно сознавать, что он доверяет ей не только свое счастье, но и то, что некоторые мужчины ценят больше, — свои деньги. Она знала, где они находятся, и могла взять сколько хочет; все, о чем он просил, это чтобы она вела записи о каждом потраченном центе, платила по счетам каждый месяц и не забывала о том, что она жена бедного человека. В первые месяцы она хорошо проявила себя в ведении расходов, была осмотрительной и бережливой, аккуратно вела домашние расходные книги и без страха показывала их каждый месяц мужу. Но в ту осень в рай Мег вполз змей и соблазнил ее, как не одну современную Еву, не яблоками, но платьем. Мег не нравилось, когда ее жалели и давали почувствовать, что она бедна; это сердило ее, но она стыдилась признать, что сердится, и иногда пыталась утешиться тем, что покупала что-нибудь красивое, чтобы Салли не думала, что ей приходится экономить. Правда, после таких покупок она всегда чувствовала, что поступила нехорошо, так как без этих красивых вещей вполне можно было обойтись, но они стоили так мало, что не было оснований волноваться; в результате количество покупаемых мелочей постепенно увеличивалось, и во время поездок по магазинам вместе с Салли Мег уже больше не была лишь пассивной зрительницей.

Но мелочи стоят больше, чем можно вообразить, и, когда в конце месяца она подвела итог своим расходам, сумма почти испугала ее. Но в тот месяц у Джона было много работы, и он поручил счета ей; в следующий месяц он был в отъезде, но на третий устроил день квартальных платежей, и Мег на всю жизнь запомнила этот день. За неделю до того она совершила ужасный поступок, тяжким грузом лежавший теперь на ее совести. Салли покупала шелка, а Мег очень хотелось новое платье — просто красивое, легкое, для вечеринок, так как ее черное шелковое было таким заурядным, а батист и кисея на вечер годятся только для девушек. Тетя Марч обычно давала сестрам в подарок на Новый год по двадцать пять долларов каждой; ждать оставалось только месяц, а здесь на распродаже был прелестный лиловый шелк; и деньги у нее были, если только осмелиться взять их. Джон всегда говорил, что все, принадлежащее ему, принадлежит ей, но подумает ли он, что это хорошо — потратить не только будущие двадцать пять долларов, но и другие двадцать пять из денег на хозяйство? Это был еще вопрос. Салли убеждала ее купить шелк, предлагала одолжить деньги и из лучших побуждений искушала Мег так, что та была не в силах противиться. В недобрую минуту продавец приподнял прелестные шуршащие складки и сказал: «Почти даром, мэм, уверяю вас». Она ответила: «Я беру его». Шелк был отмерен и

¹¹ «...сохранить сладость семейной жизни» — в оригинале игра слов: «jar» означает и «ссора» и «банка для варенья».

оплачен. Салли была в восторге, и Мег тоже смеялась, словно это было незначительное событие, но уехала из магазина с таким чувством, как будто украла что-то и за ней гонится полиция.

Вернувшись домой, она попыталась смягчить угрызения совести созерцанием прелестного шелка, но теперь он не казался таким уж блестящим, не был ей к лицу, а слова «пятьдесят долларов», казалось, были напечатаны, как узор, на каждом полотнище. Она убрала его в шкаф, но он продолжал преследовать ее не как восхитительное видение, каким должна бы быть ткань на новое платье, но как назойливый пугающий призрак безрассудного поступка.

В тот вечер, когда Джон достал свои расходные книги, сердце Мег замерло, и впервые в своей супружеской жизни она почувствовала, что боится мужа. Добрые карие глаза казались ей суровыми, и, так как он был необычно весел, она вообразила, что он уже разоблачил ее проступки, но не хочет показать ей этого. Все хозяйственные счета были оплачены, все расходные книги в полном порядке.

Джон похвалил ее и раскрыл старый бумажник, который они в шутку называли «банком», и тогда Мег, зная, что бумажник совершенно пуст, остановила руку мужа, сказав нервно:

— Ты еще не видел книгу моих личных расходов.

Джон никогда не просил ее показать эту книгу, но она всегда настаивала на том, чтобы он заглянул туда, и привыкла наслаждаться его изумлением по поводу странных вещей, необходимых женщинам: заставляла его угадывать, что такое органди, неумолимо требовала объяснить, что такое пендель¹², или удивляться, как маленькая вещь, состоящая из трех розовых бутонов, кусочка бархата и пары ленточек, может быть шляпкой и стоить пять или шесть долларов. В тот вечер вид у него был такой, словно и ему нравится с насмешливой улыбкой разбирать ее цифры и притворяться, будто он в ужасе от ее расточительности, хотя на самом деле он был чрезвычайно горд своей бережливой женой.

Она принесла маленькую книжечку, положила ее на стол перед Джоном, встала за его стулом, якобы для того, чтобы разгладить морщинки на" его усталом лбу, и, спрятавшись там, сказала с растущей тревогой:

— Джон, дорогой, сегодня мне стыдно показывать тебе мою книжечку; я была ужасно расточительна в последнее время. Понимаешь, в последнее время я так часто бываю на людях, и мне нужны кое-какие вещи, и Салли посоветовала мне кое-что купить, и я так и поступила. Деньги, которые я получу на Новый год, позволят частично возместить расходы, но мне было очень неприятно, после того как я сделала эту покупку, так как я знала, что ты можешь плохо обо мне подумать.

Джон засмеялся и притянул ее к себе сзади, сказав добродушно:

— Иди сюда, не прячься. Я не буду тебя бить за то, что ты купила пару сногшибательных ботинок. Я горжусь ножками моей жены и ничего не имею против того, чтобы она заплатила восемь долларов за свои ботинки, если они хороши.

Это была одна из последних купленных ею «мелочей», и взгляд Джона упал на эту строку, когда он говорил. «Ох, что он скажет, когда дойдет до этих кошмарных пятидесяти долларов!» — подумала Мег с содроганием.

— Это хуже, чем ботинки. Это шелковое платье, — сказала она со спокойствием обреченного, желая, чтобы худшее поскорее оказалось позади.

— Каков же, дорогая, «проклятый итог», как говорит мистер Манталини?

Это было так непохоже на Джона, и она знала, что сейчас он смотрит вверх на нее тем открытым, прямым взглядом, который она до сих пор всегда была готова встретить таким же открытым и искренним. Она перевернула страницу и одновременно отвернулась, указав на

¹² Пендель — смешное слово, обозначающее острую круглую палочку для прокалывания дырочек в тани. Употребляется для нанесения рисунка при вышивании.

сумму, которая была бы слишком велика и без тех злополучных пятидесяти долларов и которая совершенно ужаснула ее, когда все цифры были сложены. На минуту в комнате стало очень тихо, затем Джон сказал негромко и медленно — но она почувствовала, что ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы не выразить неудовольствия:

— Ну, я не знаю, много ли это — пятьдесят долларов за платье при том количестве оборок и всего прочего, что вам необходимо, чтобы отделать его по моде.

— Оно не сшито и не отделано, — слабо вздохнула Мег. Неожиданное напоминание о предстоящих дополнительных расходах совершенно убило ее.

— Двадцать пять ярдов шелка — изрядный кусок, чтобы завернуть в него одну маленькую женщину. Но я не сомневаюсь, что моя жена будет выглядеть в нем не менее элегантной, чем жена Неда Моффата, — сказал Джон сухо.

— Я знаю, Джон, ты сердисься, но я ничего не могу поделать. Я не хотела попусту тратить твои деньги, но я и не предполагала, что все вместе эти мелочи будут стоить так много. Я не могла устоять, когда видела, как Салли покупает все, что хочет, и жалеет меня, так как я не могу себе этого позволить. Я пыталась быть довольной тем, что у меня есть, но это нелегко, и мне надоело быть бедной.

Последние слова были произнесены так тихо, что она не была уверена, услышал ли он их. Но он услышал, и они глубоко ранили его, ведь он отказывал себе во многих удовольствиях ради Мег. Она была готова откусить свой глупый язык, когда эти слова прозвучали, так как Джон вдруг оттолкнул от себя книги и встал, сказав с легкой дрожью в голосе:

— Я боялся этого. Я делаю все, что могу, Мег.

Если бы он отругал ее или даже встряхнул, это не ранило бы ее так, как эти скупые слова. Она бросилась к нему, обхватила за шею и воскликнула со слезами раскаяния:

— О Джон, мой дорогой, добрый, трудолюбивый мальчик, я не хотела тебя обидеть. Как я могла сказать такое! Это было гадко, несправедливо, неблагодарно! О, как я могла это сказать!

Он был очень добр, охотно простил ее и не произнес ни слова упрека, но Мег знала, что она сделала и сказала то, что не скоро забудется, хотя он, возможно, никогда не даст ей это почувствовать. Она обещала любить его и в горе и в радости, а теперь, став его женой, бросила ему упрек в его бедности, после того как сама же безрассудно потратила заработанные им деньги. Это было ужасно, а хуже всего то, что после этого Джон вел себя так спокойно, будто ничего не случилось, и лишь задерживался на работе дольше обычного и работал дома в поздние ночные часы, когда она, наплакавшись, засыпала. Неделя, проведенная в постоянных угрызениях совести, измучила Мег, а известие о том, что Джон отказался от заказанного для себя нового зимнего пальто, привело ее в отчаяние, на которое было тяжело смотреть. В ответ на ее расспросы он просто сказал: «Я не могу позволить себе такой расход, дорогая».

Мег ничего не сказала в ответ, но несколько минут спустя он нашел ее в передней — уткнув лицо в его старое пальто, она рыдала так, словно сердце ее готово было разорваться.

Они долго говорили в тот вечер, и Мег научилась любить мужа еще глубже за его бедность, которая сделала его настоящим человеком, дала ему силу и смелость прокладывать свой путь в жизни, научила его кроткому терпению, позволявшему спокойно переносить как собственные неудовлетворенные желания, так и недостатки и слабости тех, кого он любил.

На следующий день, спрятав гордость в карман, она пошла к Салли, рассказала ей правду и попросила оказать услугу — купить у нее шелк. Добросердечная миссис Моффат охотно пошла ей навстречу, и у нее хватило деликатности не предложить его тут же в подарок. Затем Мег оплатила счет портного и распорядилась прислать пальто Джона на дом. Когда Джон пришел, она нарядилась в пальто и спросила мужа, как ему нравится ее новое шелковое платье. Можно легко вообразить, каков был его ответ, как он принял подарок и какими благоприятными были последствия. Джон приходил домой рано, Мег больше не бегала в гости, новое пальто надевал утром очень счастливый муж, а вечером помогала снять

преданная жена. Так прошел год, а лето принесло Мег новые переживания — самые глубокие и нежные в жизни женщины.

Однажды в субботу Лори с взволнованным лицом вошел на цыпочках в кухню «голубятни» и был встречен звуками литавр, ибо Ханна пыталась хлопать в ладоши, держа в одной руке кастрюлю, а в другой крышку.

— Как там маленькая мама? Где все? Почему вы не сказали мне ничего, прежде чем я приехал домой на каникулы? — начал Лори громким шепотом.

— На седьмом небе от счастья милочка наша! Все до одного наверху и восхищаются. А не говорили, потому как нам тут не нужны никакие ураганы. Идите-ка в гостиную, а я схожу наверх и пришлю их к вам, — дав этот несколько туманный ответ, Ханна исчезла с торжествующим смехом.

Вскоре появилась Джо. Она с гордостью несла фланелевый сверток на большой подушке. Лицо у Джо было очень серьезное, но в глазах плясали озорные огоньки, и что-то очень странное звучало в голосе — какие-то еле сдерживаемые чувства.

— Закрой глаза и протяни руки, — сказала она. Лори попятился и спрятал руки за спину с умоляющим:

— Нет, спасибо, лучше не надо, я уроню его, как пить дать.

— Тогда ты не увидишь племянничка, — сказала Джо решительно, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Хорошо, хорошо! Только если что-нибудь случится, ты будешь виновата. — И, послушный приказу, Лори мужественно закрыл глаза, и что-то было дано ему в руки. В следующую минуту взрыв смеха столпившихся вокруг него Джо, Эми, миссис Марч, Ханны и Джона заставил Лори открыть глаза, чтобы обнаружить, что он получил двух младенцев вместо ожидаемого одного.

Неудивительно, что они смеялись: выражение лица у него было такое забавное, что заставило бы любого скорчиться от смеха. Он стоял и переводил изумленный взгляд с ничего не ведающих младенцев на хохочущих зрителей с таким ужасом, что Джо села на пол и завизжала от смеха.

— Близнецы, клянусь Юпитером! — только и сумел он сказать, а затем обернулся к женщинам с умоляющим, комически жалобным взглядом и добавил: — Возьмите их поскорее, кто-нибудь! А то я сейчас расхохочусь и уроню их.

Джон спас своих малюток и принялся расхаживать по комнате взад и вперед, держа их по одному на каждой руке, с таким видом, словно был уже посвящен в тайны ухода за младенцами.

— Лучшая шутка сезона, а? Я не сказала тебе сразу, потому что очень хотела сделать тебе сюрприз. И похоже, могу поздравить себя с тем, что мне это удалось, — сказала Джо, отсмеявшись и переведя дух.

— В жизни не был более ошарашен. Ну не смешно ли? Мальчики? Как вы собираетесь их назвать? Дайте еще взглянуть. Поддержи меня, Джо, ведь, честное слово, их тут слишком много для меня, — сказал Лори, глядя на младенцев с видом огромного благодушного ньюфаундлендского пса, разглядывающего двух крошечных котят.

— Мальчик и девочка. Ну не прелесть ли? — сказал гордый папа, сияя улыбкой и глядя на два маленьких копошащихся красных комочка так, словно это были еще не оперившиеся ангелы.

— Самые замечательные дети, каких я видел в жизни. И кто же тут кто? — Лори склонился как колодезный журавль, чтобы разглядеть чудо-детей. — Закрой глаза и протяни руки, — сказала она. Лори попятился и спрятал руки за спину с умоляющим:

— Нет, спасибо, лучше не надо, я уроню его, как пить дать.

— Тогда ты не увидишь племянничка, — сказала Джо решительно, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Хорошо, хорошо! Только если что-нибудь случится, ты будешь виновата. — И, послушный приказу, Лори мужественно закрыл глаза, и что-то было дано ему в руки. В

следующую минуту взрыв смеха столпившихся вокруг него Джо, Эми, миссис Марч, Ханны и Джона заставил Лори открыть глаза, чтобы обнаружить, что он получил двух младенцев вместо ожидаемого одного.

Неудивительно, что они смеялись: выражение лица у него было такое забавное, что заставило бы любого скорчиться от смеха. Он стоял и переводил изумленный взгляд с ничего не ведающих младенцев на хохочущих зрителей с таким ужасом, что Джо села на пол и завизжала от смеха.

— Близнецы, клянусь Юпитером! — только и сумел он сказать, а затем обернулся к женщинам с умоляющим, комически жалобным взглядом и добавил: — Возьмите их поскорее, кто-нибудь! А то я сейчас расхохочусь и уроню их.

Джон спас своих малюток и принялся расхаживать по комнате взад и вперед, держа их по одному на каждой руке, с таким видом, словно был уже посвящен в тайны ухода за младенцами.

— Лучшая шутка сезона, а? Я не сказала тебе сразу, потому что очень хотела сделать тебе сюрприз. И похоже, могу поздравить себя с тем, что мне это удалось, — сказала Джо, отсмеявшись и переведя дух.

— В жизни не был более ошарашен. Ну не смешно ли? Мальчики? Как вы собираетесь их назвать? Дайте еще взглянуть. Поддержи меня, Джо, ведь, честное слово, их тут слишком много для меня, — сказал Лори, глядя на младенцев с видом огромного благодушного ньюфаундлендского пса, разглядывающего двух крошечных котят.

— Мальчик и девочка. Ну не прелесть ли? — сказал гордый папа, сияя улыбкой и глядя на два маленьких копошащихся красных комочка так, словно это были еще не оперившиеся ангелы.

— Самые замечательные дети, каких я видел в жизни. И кто же тут кто? — Лори склонился как колодезный журавль, чтобы разглядеть чудо-детей.

— Эми повязала голубую ленточку мальчику, а розовую девочке — французская мода, — так что всегда можно отличить. К тому же у мальчика карие глаза, а у девочки голубые. Поцелуйте их, дядюшка Тедди, — призвала озорная Джо.

— Боюсь, им это может не понравиться, — ответил Лори с необычной для него робостью в такого рода делах.

— Понравится, конечно понравится, они уже привыкли к этому. Поцелуйте! Сию же минуту, сэр! — приказала Джо, опасаясь, что он предложит ей передать поцелуй по доверенности.

Лори вытянул губы и осторожно прикоснулся ими к каждой маленькой щечке, что вызвало у зрителей новый взрыв смеха, а у младенцев — пронзительный крик.

— Ну вот, я же знал, что им не понравится! Это наверняка мальчишка, смотрите, как брыкается и машет кулачками, как большой. Слушай, юный Брук, меть в мужчину своих размеров! — воскликнул Лори, восхищенный полученным тычком маленького кулачка, беспорядочно двигавшегося возле его лица.

— Его назовем Джон-Лоренс, а девочку — Маргарет, в честь мамы и бабушки. А дома будем называть ее Дейзи, чтобы не было двух Мег, а малыша — Джон, если не придумаем что-нибудь получше, — сказала Эми с заинтересованностью тети.

— Назовите его Демиджоном, а для краткости — Деми¹³, — посоветовал Лори.

— Дейзи и Деми — то, что надо! Я знала, что Тедди придумает! — воскликнула Джо, хлопая в ладоши.

Тедди действительно придумал удачно, и с тех пор детей всегда называли «Дейзи» и «Деми».

Глава 6

¹³ «Деми-» — приставка, означающая «полу-», «частично».

Визиты

— Идем, Джо, пора.

— Куда?

— Не хочешь же ты сказать, что забыла о своем обещании сделать вместе со мной пять-шесть визитов сегодня?

— В моей жизни было немало опрометчивостей и глупостей, но не думаю, чтобы я когда-нибудь была столь безумна, что заявила, будто сделаю шесть визитов в один день, когда и один-единственный выбивает меня из колеи на неделю.

— Да, ты обещала, мы договорились. Я должна была закончить рисунок пастелью — портрет Бесс — для тебя, а ты — пойти со мной и нанести ответные визиты соседям.

— Если будет хорошая погода — это было в договоре, а я стою за букву договора, мой Шейлок¹⁴. На востоке грозятся облака. Погода не хороша, и я не пойду.

— Все это увертки. Чудесный день, на дождь и намек нет, а ты гордишься тем, что держишь свои обещания. Так что прояви благородство, пойдем, исполнишь свой долг — и я оставлю тебя в покое на следующие шесть месяцев.

В ту минуту Джо была всецело поглощена шитьем. Она была главным изготовителем манто для всех членов семьи и ставила себе в особую заслугу умение владеть иглой не хуже, чем пером. Это было очень неприятно — прямо посреди первой примерки получить приказ отправиться с визитами в лучшем наряде в жаркий июльский день. Она терпеть не могла формальные визиты и всегда уклонялась от них, если только Эми не вынуждала ее уговорами или подкупом. В данном случае отвертеться было невозможно, и, возмущенно щелкнув ножницами и заявив, что чувствует в воздухе грозу, она уступила: отложила работу и, взяв шляпу и перчатки с видом покорности судьбе, сказала Эми, что жертва готова.

— Джо! До чего ты упряма! С тобой и святой согрешит! Неужели ты собираешься отправиться в таком виде? — воскликнула Эми, оглядывая ее с изумлением.

— Почему нет? Я одета аккуратно, мне не жарко и удобно. Вполне подходящий наряд для прогулки по пыльной дороге в жаркий день. Если для людей важнее моя одежда, чем я сама, я не хочу их видеть. Ты можешь нарядиться за двоих и быть такой элегантной, как тебе нравится. Тебе приятно быть изящной, мне — нет, и оборки мне только мешают.

— О Боже! — вздохнула Эми. — Теперь у нее приступ упрямства, и она сведет меня с ума, прежде чем я смогу привести ее в надлежащий вид. Я уверена, что сегодняшние визиты не принесут мне никакого удовольствия, но это долг перед обществом, и некому уплатить его, кроме нас с тобой. Джо, я сделаю для тебя что угодно, если только ты оденешься красиво и поможешь мне исполнить этот долг вежливости. Ты, если постарайся, можешь так хорошо вести беседу, выглядеть такой аристократичной в твоих лучших нарядах и вести себя с таким тактом, что я горжусь тобой. Я боюсь идти одна, пойдем, поддержи меня.

— Ах ты, хитруля, льстишь и обхаживаешь свою сердитую старшую сестру. Надо же до такого додуматься! Я и аристократична, и могу вести себя с таким тактом! А ты боишься идти одна! Одно другого нелепее! Хорошо, я пойду, если должна, и сделаю, что смогу. Ты будешь возглавлять экспедицию, а я выполнять приказы. Это тебя устроит? — спросила Джо с неожиданным переходом от упрямства к безропотной покорности.

— Ты сущий ангел! Ну, надень свое лучшее платье, а я скажу тебе, как и где нужно себя вести, чтобы у хозяев сложилось о тебе благоприятное мнение. Я хочу, чтобы ты всем понравилась, и ты понравишься, если только постарайся быть чуточку более любезной. Причешись красиво и приколи пунцовую розу на шляпку. Тебе это идет, а то у тебя слишком строгий вид в твоем простом костюме. Возьми тонкие перчатки и вышитый носовой платок. Мы зайдем по дороге к Мег и попросим одолжить нам ее белый зонтик, тогда ты сможешь взять мой серебристый, он больше подойдет к твоему костюму.

¹⁴ Шейлок — жестокий ростовщик, персонаж пьесы Уильяма Шекспира «Венецианский купец».

Эми отдавала эти распоряжения, пока одевалась сама, и Джо исполняла их, однако не без внутреннего протеста. Она тяжело вздыхала, с шелестом влезая в свое новое органдиновое платье, мрачно хмурилась, глядя на свое отражение в зеркале, когда завязывала ленты шляпы в безупречный бант, озлобленно боролась с булавками, прикалывая свой воротничок, избороздила морщинами чело, пока сворачивала носовой платок, вышивка которого раздражала ее нос так же, как и предстоящая миссия ее чувства, а зажав свои руки в тесных перчатках с тремя пуговками и кисточкой, явившихся последним штрихом элегантности, обернулась к Эми с выражением слабоумного и сказала кротко:

— Я чувствую себя совершенно отвратительно. Но если ты считаешь, что я выгляжу прилично, я умру счастливой.

— Все в высшей степени прилично. Ну-ка, поворачивайся и дай мне посмотреть внимательно.

Джо поворачивалась, а Эми поправляла то тут, то там и, наконец, откинулась назад и, склонив голову набок, заметила одобрительно:

— Да, так пойдет. Твоя голова выглядит замечательно — лучшего я и желать не могла. С *розой* эта белая шляпка совершенно очаровательна. Плечи держи развернутыми, а руки носи легко, пусть даже тебе жмут перчатки. Есть одна вещь, Джо, которую ты можешь делать хорошо, а я нет, а именно — носить шаль. Я этого не умею, но очень приятно посмотреть на тебя. Я так рада, что тетя Марч подарила тебе эту прелестную шаль. Она простая, но очень красивая, и эти складки, которые закладываются пониже локтя, очень живописны. Как там шов моей пелерины — посередине? Ровно ли я приподняла подол платья? Я хочу, чтобы были видны ботинки, так как ножки у меня красивые, в отличие от носа.

— Ты образец красоты и источник вечной радости, — сказала Джо, сложив ладони трубочкой и глядя через нее с видом знатока живописи на голубое перо на фоне золотистых волос. — Я должна волочить подол моего лучшего платья по пыльной дороге или мне следует его приподнять, мэм?

— Приподнимай, когда идешь по дороге, а когда войдем в дом, опусти. Тебе идут юбки со шлейфом, и ты должна научиться волочить его красиво и грациозно. Ты не до конца застегнула перчатку, сделай это сейчас же. Твой наряд никогда не будет выглядеть завершенным, если ты не будешь внимательна к таким мелочам: именно они создают приятное впечатление в целом.

Джо вздохнула и продолжила застегивать перчатку, почти отрывая пуговицы. Наконец обе сестры были готовы и медленной, плавной походкой отправились в путь, — «прямо загляденье», как сказала Ханна, высунувшаяся в окно второго этажа, чтобы посмотреть на них.

— Послушай, Джо, дорогая, Честеры считают себя очень утонченными людьми, так что я хочу, чтобы ты обратила внимание на свои манеры. Воздержись от своих обычных отрывистых замечаний и не делай ничего необычного, хорошо? Будь просто спокойной, сдержанной и тихой, это безопасно, и это подобает леди. Ты вполне сможешь держаться так в течение пятнадцати минут нашего визита, — сказала Эми, когда они приблизились к первому дому, уже позаимствовав белый зонтик и показавшись со всех сторон Мег, державший по младенцу на каждой руке.

— Дай подумать. «Спокойная, сдержанная и тихая». Да, думаю, я могу это обещать. Мне приходилось играть на сцене чопорную юную леди, и я снова примерю эту роль на себя. Мои актерские способности, как ты увидишь, велики, так что, дитя мое, не волнуйся.

Эми успокоилась, но коварная Джо поймала ее на слове и на протяжении всего первого визита сидела, грациозно поджав ноги, ровно разложив складки платья, спокойная, как море летом, холодная, как сугроб, и молчаливая, как сфинкс. Тщетно миссис Честер пыталась намекать на ее «прелестный роман», а обе мисс Честер заводили разговор о визитах, пикниках, опере и модах — ответом на все это была улыбка, поклон и сдержанное «да» или «нет». Тщетно Эми телеграфировала сестре: «Говори», пыталась вовлечь ее в беседу,

тихонько толкала ногой — Джо сидела, словно ничего не замечая; к определению ее манер подошли бы слова, описывающие лицо Мод¹⁵: «холодная правильность, великолепная пустота».

— Какое неинтересное и высокомерное существо эта старшая мисс Марч! — к несчастью, громко прозвучало замечание одной из мисс Честер, когда дверь закрывалась за гостями.

Джо беззвучно смеялась, проходя через переднюю, но Эми выглядела раздосадованной таким превратным истолкованием ее инструкций и всецело возлагала вину за это на Джо.

— Как ты могла так неправильно меня понять? Я хотела лишь, чтобы ты держалась скромно и с достоинством, а ты вместо этого сидела как истукан. У Лэмбов постарайся быть общительной, болтай, как другие девочки, прояви интерес к платьям, к флирту, к любой чепухе, о какой бы там ни заговорили. Они возвращаются в лучшем обществе, и знакомство с ними очень ценно для нас. Я очень хочу, чтобы мы сумели произвести на них хорошее впечатление.

— Я буду очень любезна, буду болтать и хихикать, выражать ужас и восторг по поводу любого пустяка. Пожалуй, эта роль нравится мне больше: я буду изображать так называемую «очаровательную девушку». Я вполне могу сделать это — образцом мне послужит Мэй Честер, я подделаюсь под нее. Вот увидишь, Лэмбы скажут: «Какое живое, милое создание эта Джо Марч!»

Эми встревожилась, и не без оснований, поскольку когда Джо начинала дурачиться, было неизвестно, как далеко она может зайти. На лицо Эми вполне стоило посмотреть, когда она увидела, как ее сестра внеслась в очередную гостиную, экспансивно перецеловала всех находившихся там юных леди, любезно разулыбалась всем юным джентльменам и присоединилась к разговору с оживлением, которое изумило наблюдательницу. Тем временем самой Эми завладела мис-сис Лэмб, очень ее любившая, и Эми пришлось выслушать, подробный отчет о последнем приступе болезни мисс Лукреции, в то время как три очаровательных молодых человека слонялись поблизости в ожидании паузы, когда они могли бы броситься на помощь и вызволить ее. В таком положении она не имела возможности проследить за Джо, которая, казалось, была одержима духом озорства и болтала напропалую, не хуже самой старой миссис Лэмб. Вокруг нее уже собралась кучка слушателей, и Эми напрягала слух, чтобы услышать, о чем идет речь, так как долетавшие до нее отрывки фраз вызвали тревогу, круглые глаза и вздетые руки заставляли умирать от любопытства, а частые взрывы смеха — гореть желанием разделить общее веселье. Можно вообразить, какие страдания вызвал у нее подслушанный обрывок такого вот разговора:

— Она отлично скачет верхом — кто ее учил?

— Никто. Она привязывала старое седло на большой сук дерева и училась садиться верхом, держать вожжи и сохранять равновесие. И теперь она может скакать на любой лошади, потому что не знает, что такое страх. В соседней конюшне ей охотно и дешево дают напрокат лошадей, так как она отлично учит их ходить под дамским седлом. У нее такая страсть к верховой езде! Я часто говорю ей, что если ничего другого из нее не выйдет, она вполне сможет зарабатывать на жизнь, объезжая лошадей.

Эми едва сдерживалась, слушая эту ужасную речь, ведь у слушателей наверняка создавалось впечатление о ней, как о довольно бесшабашной юной особе, а именно такие особы были предметом ее глубокого отвращения. Но что она могла сделать? Старая леди продолжала говорить, и задолго до того, как был кончен ее рассказ, Джо продолжила свой, делая еще более забавные признания и совершая еще более грубые ошибки.

— Да, в тот день Эми была в отчаянии, потому что всех хороших лошадей разобрали и остались только три: одна хромая, другая слепая, а третья такая норовистая, что нужно сунуть ей в пасть комок грязи, прежде чем она стронется с места. Отличное животное для

¹⁵ Мод — героиня поэмы «Мод» английского поэта Альфреда Теннисона.

приятной прогулки, не правда ли?

— Какую же она выбрала? — спросил один из засмеявшихся молодых людей, с удовольствием слушавший рассказ Джо.

— Никакую. Она услышала, что выше по реке на одной ферме есть молодой конь, и, хотя дамы никогда не ездили на нем, она решила попробовать, потому что он был красивый и горячий. Ее борьба с ним была поистине драматической. Начать с того, что некому было привести лошадь к седлу, поэтому она взяла седло и отправилась с ним к лошади. Она перевезла его на лодке через реку, а потом положила себе на голову и так прошла в конюшню, к превеликому изумлению старика хозяина.

— И она скакала на этом коне?

— Конечно, и отлично провела время. Я думала, когда она вернется, на ней живого места не будет, но она справилась с ним отлично и была душой компании!

— Ну и отвага! — И молодой мистер Лэмб бросил одобрителный взгляд на Эми и с недоумением подумал о том, что же это такое говорит девушке его мать и почему та выглядит такой красной и смущенной.

Она покраснела еще гуще и почувствовала себя еще более неловко минуту спустя, когда в результате неожиданного поворота разговора речь зашла о нарядах. Одна из юных леди спросила Джо, где та купила красивую бледно-желтую шляпку, которую надевала на пикник, и глупая Джо вместо того, чтобы просто назвать магазин, где два года назад была куплена шляпка, снова пустилась в ненужные откровенности:

— Это Эми выкрасила ее в такой цвет. Нежных оттенков не купишь, так что мы сами красим наши шляпки в любой цвет, какой хотим. Очень удобно иметь сестру-художницу.

— Что за оригинальная идея! — воскликнула мисс Лэмб, которая нашла Джо очень занимательной особой.

— Это еще пустяки по сравнению с некоторыми другими блестящими идеями, тоже принадлежащими ей. Нет ничего такого, чего бы она не смогла сделать. Так, она очень хотела голубые ботинки к свадьбе Салли — и что же вы думаете? Она просто взяла и выкрасила свои старые белые в прелестнейшего оттенка небесно-голубой цвет, и они выглядели точь-в-точь как атлас, — заявила Джо, явно гордясь талантами сестры, чем раздражила Эми до такой степени, что ей захотелось швырнуть в Джо свою сумочку с визитными карточками.

— На днях мы читали ваш рассказ, и он очень нам понравился, — заметила старшая мисс Лэмб, желая сделать комплимент литературной даме, которая, надо признать, совсем не походила на таковую в тот момент.

Любое упоминание о ее «произведениях» всегда плохо действовало на Джо, которая или становилась суровой, или принимала обиженный вид, или, как в этом случае, резко меняла тему разговора:

— Жаль, что вы не нашли ничего лучшего для чтения. Я написала эту чепуху, потому что ее легко продать, а заурядным людям такие вещи нравятся. Вы едете в Нью-Йорк в эту зиму?

Так как мисс Лэмб сказала, что рассказ им понравился, такой ответ Джо не был ни любезным, ни лестным. Джо тут же заметила свою ошибку, но, опасаясь еще больше испортить дело, вдруг напонила себе, что ей предстоит подать сигнал сестре к окончанию визита, и она сделала это так неожиданно, что трое из присутствующих даже не договорили начатых фраз.

— Эми, мы *должны* идти. *До свидания*, дорогая, приходите к нам, мы *жаждем* увидеть вас в нашем доме. Я не осмеливаюсь приглашать вас, мистер Лэмб, но, если вы *придете*, я думаю, мы будем не в силах отпустить вас.

Джо говорила это, так забавно подражая словоохотливом и сентиментальной Мэй Честер, что Эми поспешила выскочить из комнаты, испытывая непреодолимое желание расхохотаться и расплакаться одновременно.

— Ну как? Отлично я справилась? — спросила Джо с удовлетворенным видом, когда

они отошли от дома Лэм-бов.

— Хуже и быть не могло, — таков был уничтожающий ответ Эми. — Что на тебя нашло? Зачем тебе потребовалось рассказывать о моем седле, шляпах, ботинках и прочем?

— Просто это смешно, и людям интересно. Они и так знают, что мы бедны, так что ни к чему делать вид, будто у нас есть грумы, и будто мы покупаем три-четыре шляпы каждый сезон, и все вещи достаются нам так же легко и просто, как другим.

— Все равно, не было необходимости рассказывать им обо всех наших маленьких хитростях и выставлять напоказ нашу бедность. У тебя нет ни капли настоящей гордости, и тебе никогда не понять, в каких случаях надо держать язык за зубами, а в каких — говорить, — заключила Эми в отчаянии.

Бедная Джо имела сконфуженный вид и молча терла кончик носа жестким носовым платком, словно наказывая себя за свои прегрешения.

— Как мне вести себя здесь? — спросила она, когда они подошли к третьему дому.

— Как хочешь. Я умываю руки, — коротко сказала Эми.

— Тогда я постараюсь доставить себе удовольствие. Мальчики дома, и мы славно проведем время. Право же, мне нужна некоторая перемена — элегантность плохо действует на мой организм, — отвечала Джо угрюмо, выведенная из душевного равновесия своей неудачей в попытке оказаться на высоте требований.

Восторженный прием, оказанный тремя юношами и несколькими милыми мальчиками, быстро успокоил ее смятенные чувства, и, оставив Эми развлекать хозяйку и мистера Тюдора, которому также случилось зайти в этот дом с визитом, Джо посвятила себя юным членам семьи и нашла перемену живительной. Она с глубоким интересом слушала студенческие новости, безропотно гладила пойнтеров и пуделей, от души соглашалась, что «Том Браун»¹⁶ был молодчина, невзирая на неподходящую форму похвалы, а когда один из мальчиков предложил посетить его черепаший садок, она поспешила вместе с ним с живостью, заставившей мать семейства улыбнуться ей вслед, поправляя свой чепец и прическу, оказавшуюся в плачевном состоянии после по-дочернему горячих объятий Джо, медвежьих, но прочувствованных и более дорогих для хозяйки дома, чем любое самое безупречное творение рук вдохновенной модистки-француженки.

Предоставив сестру себе самой, Эми всей душой предалась удовольствиям, отвечавшим ее вкусу. Дядя мистера Тюдора был женат на некоей английской леди, четвероюродной сестре настоящего лорда, и Эми смотрела на все семейство с большим почтением, ибо, несмотря на американское происхождение и воспитание, обладала тем благоговением перед титулами, которое преследует даже лучших из нас, — та не признаваемая открыто, но сохранившаяся старинная приверженность королям, заставившая несколько лет назад самую демократическую нацию под солнцем взволноваться по случаю прибытия монаршего светловолосого паренька и свидетельствующая о любви, которую юная страна все еще питает к старой, как взрослый сын к властной матери, что удерживала его при себе так долго, как могла, и с прощальной бранью позволила уйти лишь тогда, когда он взбунтовался.

Но даже удовлетворение, которое доставляла Эми беседа с отдаленной родней британской аристократии, не заставило ее забыть о времени, и по истечении надлежащего количества минут она неохотно покинула это изысканное общество и отправилась на поиски Джо, горячо надеясь, что не застанет свою неисправимую сестру в каком-либо положении, могущем навлечь позор на семейство Марч.

Конечно, могло быть и хуже, но Эми считала, что и так уже плохо: Джо сидела на траве в окружении компании мальчиков, с восхищением слушавших ее рассказ об одной из проделок Лори. На подоле ее великолепного праздничного платья отдыхал пес с грязными

¹⁶ Герой популярных английских книг для юношества «Школьные дня Тома Брауна» (1856) и «Том Браун в Оксфорде» (1861), написанных Томасом Хьюджемсом.

лапами. Один из малышей тыкал в черепах зонтиком Эми, которым она так дорожила, другой ел имбирный пряник над лучшей шляпкой Джо, третий играл в футбол ее перчатками. Но всем было весело, и когда Джо, собрав свое потрепанное имущество, направилась к выходу, ее свита сопровождала ее, умоляя прийти еще раз: «Ты так интересно рассказываешь про Лори!»

— Отличные ребята, правда? После такого я вновь чувствую себя молодой и бодрой, — сказала Джо, шагая с заложенными за спину руками, отчасти по привычке, отчасти, чтобы скрыть из вида забрызганный грязью зонтик.

— Почему ты избегаешь мистера Тюдора? — спросила Эми, благоразумно воздерживаясь от замечаний по поводу растерзанного вида Джо.

— Мне он не нравится — важничает, унижает своих сестер, доставляет неприятности отцу, неуважительно говорит о своей матери. Лори называет его беспутным, и я не считаю его желательным знакомством для себя, поэтому его и не трогаю.

— Ты могла бы, по крайней мере, вежливо с ним обращаться. Ты только холодно кивнула ему, хотя перед тем поклонилась и улыбнулась самой любезной улыбкой Томми Чемберлену, сыну бакалейщика. Если бы ты просто поменяла местами кивок и поклон, все было бы в порядке, — сказала Эми с упреком.

— Нет, не в порядке, — возразила упрямая Джо, — Тюдор мне не нравится, я не уважаю его и не восхищена им, пусть даже племянница племянника дяди его дедушки и является четвероюродной сестрой какого-то лорда. Томми бедный, и застенчивый, и добрый, и очень умный. Я хорошего мнения о нем и не стыжусь это показать, потому что он все-таки джентльмен, несмотря на занятие бакалейной торговлей.

— Нет смысла с тобой спорить, — начала было Эми.

— Ни малейшего, — перебила ее Джо. — Так что давай примем дружелюбный вид и занесем визитную карточку в этот дом, так как Кингов явно нет дома, чему я очень рада.

Сумочка с визитными карточками исполнила свой долг, и девочки пошли дальше. Дойдя до пятого дома, Джо вновь вознесла благодарение небесам, когда им сказали, что юные хозяйки уехали в гости.

— Теперь — домой! К тете Марч сегодня не пойдем. К ней мы можем забежать в любое время, и, право, жаль тащиться дальше по такой пыли в наших лучших платьях, когда мы к тому же устали и раздражены.

— Мы? Говори за себя... Тете нравится, когда мы выражаем ей наше почтение тем, что наносим формальный визит и приходим к ней в наших лучших платьях. Это совсем нетрудно, но доставит ей удовольствие, и я не думаю, что это нанесет больше вреда твоему наряду, чем грязные собаки и тяжело топающие мальчишки. Наклонись, дай я стряхну крошки с твоей шляпы.

— Какая ты хорошая девочка, Эми! — сказала Джо, переводя полный раскаяния взгляд со своего измятого платья на наряд сестры, который был по-прежнему свеж и без единого пятнышка. — Хорошо бы, и мне было так же легко, как тебе, делать всякие мелочи, доставляющие людям удовольствие. Я иногда вспоминаю о них, но, чтобы их осуществить, нужно так много времени. Поэтому я жду удобного случая, чтобы одним махом оказать большую любезность, а о маленьких любезностях не забочусь. Но, думаю, в конечном счете, важны именно мелочи.

Эми улыбнулась и тут же смягчилась, сказав по-матерински наставительно:

— Женщины должны учиться быть приятными для окружающих. Особенно это касается бедных женщин, ведь у них нет другого способа выразить благодарность другим людям за их доброту. Если бы ты помнила об этом и поступала соответственно, ты нравилась бы людям больше, чем я, потому что ты интереснее, чем я.

— Я чудаковатая старушка и всегда ею буду. Но я готова признать, что ты права, да только мне гораздо легче рисковать жизнью ради человека, чем быть с ним любезной, — когда мне этого не хочется. Большое несчастье иметь такие сильные пристрастия и предубеждения, правда?

— Еще худшее — не уметь их скрывать. Я готова признать, что отношусь к Тюдору с не меньшим неодобрением, чем ты, но не мое дело говорить ему об этом, так же как и не твое, и тебе незачем делать непривлекательной себя из-за того, что непривлекателен он.

— Но я считаю, что девушки должны показывать свое неодобрение молодым людям, а как еще можно сделать это, если не с помощью манер? Поучения не приносят пользы, как, к моему огорчению, я убедилась с тех пор, как стала иметь дело с Тедди; но есть множество других способов повлиять на него без единого слова. И я думаю, мы должны поступать так же и по отношению к другим мальчикам, если можем.

— Тедди — исключительный мальчик, по нему нельзя судить обо всех, — сказала Эми внушительным тоном, который заставил бы «исключительного мальчика» скорчиться от смеха, доведись ему услышать эти слова. — Если бы мы были красавицами или богатыми женщинами с положением в обществе, мы, возможно, могли бы на кого-то повлиять, но для нас смотреть сердито на тех молодых людей, которых мы осуждаем, и улыбаться тем, кого одобряем, бесполезно, а нас самих будут считать странными и пуритански строгими.

— Значит, только потому, что мы не красавицы и не миллионерши, мы должны оказывать нравственную поддержку тем порокам и людям, к которым питаем отвращение, не так ли? Хороша мораль!

— Я не хочу спорить об этом, я только знаю, что таков мир и что над людьми, выступающими против такого порядка вещей, только смеются за все их страдания. Мне не нравятся те, кто пытается менять людей к лучшему, и надеюсь, ты никогда не станешь одной из них.

— А мне они нравятся, и я стану одной из них, если смогу, потому что хоть мир и смеется над ними, без них он никогда не добьется успеха. Мы не можем прийти к согласию в этом вопросе, поскольку ты привержена старым взглядам, а я — новым: ты будешь жить лучше, но я интереснее. Я думаю, что меня, пожалуй, будут веселить недоброжелательные выпады в мой адрес и улюлюканье.

— Ну хорошо, хорошо, а теперь успокойся и не тревожь тетю своими новыми идеями.

— Постараюсь, но в ее присутствии меня вечно подмывает разразиться какой-нибудь дерзкой речью или излить самые революционные чувства. Это мой рок, и я ничего не могу поделать.

У тети Марч они застали другую свою тетю — миссис Кэррол. Дамы обсуждали что-то с большим интересом, но, как только вошли девочки, обе умолкли. По виду собеседниц можно было догадаться, что речь шла как раз о племянницах. Джо была отнюдь не в лучшем настроении, к ней вернулась прежняя раздражительность, но Эми, сознавая, что исполнила свой долг, была в самом ангельском расположении духа, и тетки сразу почувствовали это. Они приветствовали ее любовным «моя дорогая», и взгляды их говорили то же, что они потом сказали друг другу: «Этот ребенок становится лучше с каждым днем».

— Ты собираешься помочь миссис Честер в устройстве благотворительного базара, дорогая? — спросила миссис Кэррол, когда Эми села рядом с ней с тем доверчивым видом, который так нравится пожилым людям у молодых.

— Да, тетя. Она попросила меня помочь, и я вызвалась торговать за одним из столиков, ведь я не могу предложить ничего другого, кроме моего труда.

— Я не собираюсь участвовать в этой затее, — вставила Джо решительным тоном. — Терпеть не могу, когда мне покровительствуют, а Честеры считают, что делают нам большое одолжение, разрешив помочь в устройстве их базара, где будут присутствовать всякие важные особы. Удивляюсь, Эми, как ты согласилась. Ты нужна им только для того, чтобы работать.

— Я согласна поработать, ведь я буду делать это не только для Честеров, но и для бывших рабов, в пользу которых пойдет выручка. И я считаю, что Честеры очень добры, позволяя мне принять участие в трудах и развлечении. Покровительство других не тяготит меня, если его оказывают из лучших побуждений.

— Совершенно справедливо и разумно. Мне нравится твой благодарный дух, моя

дорогая. Очень приятно помочь людям, которые ценят наши усилия. Некоторые не ценят, и это досадно, — заметила тетя Марч, глядя через очки на Джо, которая сидела поодаль и раскачивалась в качалке с довольно надутым видом.

Если бы Джо только знала, какое огромное счастье ждет ту из них, в чью пользу склонится чаша весов, она в одно мгновение сделалась бы сущим ангелом, но, к несчастью, у людей нет окон в груди и мы не можем видеть, что происходит в сердцах наших друзей. Быть может, так лучше для нас, но в некоторых случаях это было бы таким удобством, такой экономией времени и чувств. Своим следующим замечанием Джо лишила себя нескольких лет удовольствия и получила своевременный урок, заставивший ее понять, что искусство сдерживать свой язык не последнее среди прочих.

— Не люблю благодетелей. Они угнетают, заставляют чувствовать себя рабом. Я предпочитаю делать все для себя сама и быть совершенно независимой.

— Хм! — кашлянула тетя Кэррол приглушенно и бросила взгляд на тетю Марч.

— Я же тебе говорила, — сказала тетя Марч, выразительно кивнув тете Кэррол.

В блаженном неведении относительно того, что именно она сделала, Джо сидела, задрав нос с вызывающим видом, отнюдь не располагавшим к ней.

— Ты говоришь по-французски, дорогая? — спросила тетя Кэррол, положив руку на руку Эми.

— Да, довольно хорошо благодаря тете Марч, которая позволила Эстер говорить со мной, когда я захочу, — ответила Эми, бросив на тетю Марч благодарный взгляд, заставивший старую даму улыбнуться.

— А как у тебя с языками? — спросила миссис Кэррол у Джо.

— Ни слова не знаю. Слишком тупая. И терпеть не могу французский — такой дурацкий, скользкий язык, — прозвучал грубый и резкий ответ.

Дамы снова обменялись взглядом, и тетя Марч сказала Эми:

— Ты, кажется, теперь здорова и окрепла, дорогая? С глазами у тебя уже все в порядке, не так ли?

— О да, спасибо, мэм. Я вполне здорова и собираюсь много рисовать предстоящей зимой, чтобы иметь хорошую подготовку на случай, если мне когда-нибудь доведется осуществить свою мечту и поехать в Рим.

— Милая девочка! Ты вполне заслуживаешь того, чтобы твоя мечта осуществилась. И я уверена, что она осуществится, — сказала тетя Марч, одобрительно погладив Эми по голове, когда та наклонилась, чтобы поднять упавший теткин клубок.

— Ворчуня, — двери на замок, Сядь у огня, вяжи чулок, — завизжал попка, свесившись со спинки стула тети Марч и заглядывая в лицо Джо с таким забавным выражением дерзкого любопытства, что было невозможно удержаться от смеха.

— Весьма наблюдательная птица, — заметила старая дама.

— Пойди, дорогая, прогуляйся! — крикнул попка и запрыгал к посудному шкафчику, имея явные виды на кусочки сахара.

— Спасибо за совет. Так я и сделаю. Пошли, Эми. — И Джо завершила визит, чувствуя еще глубже, что такие посещения знакомых плохо влияют на ее организм. Она по-мужски пожала теткам руки, но Эми поцеловала обеих, и девочки удалились, оставив впечатление тени и света, заставившее тетю Марч сказать, когда дверь закрылась:

— Возьми ее с собой, Мэри. Денег я дам, — а тетю Кэррол ответить очень решительно:

— Непременно, если ее родители согласятся.

Глава 7 Последствия

Общество, которое собирала на своем благотворительном базаре миссис Честер, было столь изысканным и элегантным, что у всех юных леди в округе считалось большой честью быть приглашенными торговать за одним из столиков, и все они были очень заинтересованы

в том, чтобы получить приглашение.

Эми была приглашена, но Джо — нет, что было благом для всех сторон, так как в этот период жизни ее локти все еще были решительно выставлены в стороны, и ей предстояло не раз ушибиться, чтобы научиться держаться легко и свободно. «Высокомерное и неинтересное существо» было сурово оставлено в одиночестве, но талант и вкус Эми получили должную оценку: ей был предложен столик художественных изделий, и она приложила все усилия к тому, чтобы своими произведениями внести достойный вклад в его оформление.

Все шло гладко до последнего дня накануне открытия базара, когда произошла одна из мелких стычек, которых почти невозможно избежать там, где около двух с половиной Десятков женщин, молодых и старых, со всеми их предубеждениями и взаимными обидами, пытаются работать вместе.

Мэй Честер завидовала Эми, так как та пользовалась большим успехом в обществе, и как раз в этот период имели место несколько мелких происшествий, усиливших это чувство. Изящные рисунки пером и тушью, вышедшие из-под руки Эми, совершенно затмили на столике художественных изделий большие вазы, разрисованные Мэй, — это был первый укол ее самолюбия; далее, покоритель сердец Тюдор на последней вечеринке танцевал четыре раза с Эми и только один с Мэй — это была заноза номер два; но главным, что влило яд в ее душу и давало ей, по ее мнению, право на недружественное поведение, был слух, донесенный до нее услужливыми сплетниками, о том, что девочки Марч передразнивали ее, когда были с визитом у Лэмбов. Вся вина за это ложилась на озорную Джо, которая слишком похоже подражала манерам Мэй, чтобы это могло остаться незамеченным, а любящие посмеяться Лэмбы позволили этой шутке стать общим достоянием. Ни слова об этом, впрочем, не дошло до самих преступниц, и можно вообразить ужас Эми, когда вечером накануне открытия базара к ней, вносящей заключительные штрихи в убранство своего очаровательного столика, подошла миссис Честер, которой, разумеется, тоже не понравилось известие о насмешках над ее дочерью, и сказала вежливым тоном, но с холодным взглядом:

— Дорогая, я выяснила, что участницы базара возражают против того, чтобы я отдавала этот столик кому бы то ни было, кроме моих девочек. Он самый заметный — а некоторые говорят, что и самый привлекательный, — из всех, а так как мои дочери — главные устроительницы базара, лучше всего *им* занять это место. Мне жаль, что так получилось, но я знаю, что ты искренне заинтересована в успехе дела и не станешь обращать внимание на маленькое личное разочарование. Ты получишь другой столик, если хочешь.

Миссис Честер предполагала, что ей будет нетрудно произнести эту небольшую речь, но оказалось нелегким делом говорить естественно, когда прямо на нее были устремлены простодушные глаза, полные удивления и огорчения.

Эми чувствовала, что за этим что-то кроется, но не могла догадаться что, и сказала тихо, не в силах скрыть обиду:

— Может быть, вы предпочитаете, чтобы я совсем не участвовала в базаре?

— Дорогая, прошу, не обижайся. Это вопрос целесообразности. Мои девочки, естественно, берут на себя руководство базаром, а этот столик расположен на видном месте. По моему *личному* мнению, столик с художественными изделиями самый подходящий для тебя, и я очень благодарна за твои старания заполнить его красивыми вещами, но мы, разумеется, вынуждены пожертвовать нашими личными желаниями ради успеха всего дела. Я позабочусь о том, чтобы ты получила другое хорошее место. Не хочешь ли цветочный столик? За него взялись младшие девочки, но у них ничего не выходит, а ты могла бы сделать его очаровательным. И потом, цветочный столик всегда привлекает покупателей.

— Особенно мужчин, — добавила Мэй, со взглядом, объяснившим Эми одну из причин, по которой она так неожиданно впала в немилость. Она рассердилась и покраснелась, но постаралась не обращать внимания на сарказм и ответила неожиданно дружелюбно:

— Хорошо, пусть будет так, как вы хотите, миссис Честер. Я немедленно уступлю мое

место Мэй и займусь цветами, если хотите.

— Можешь взять с собой свои изделия и положить на цветочный столик, — сказала Мэй, чувствуя некоторые угрызения совести при взгляде на красивые полочки, раскрашенные ракушки, веселые яркие рисунки, которые Эми так аккуратно сделала и так красиво расположила. Мэй сказала эту фразу из лучших побуждений, но Эми неверно истолковала ее намерения и торопливо ответила:

— Конечно, конечно, если они тебе мешают, — и, сметя все свои изделия в передник, понесла их к цветочному столику, чувствуя, что ей и ее творениям нанесено оскорбление, которое нельзя простить.

— Разозлилась... Ах, уж лучше бы я не просила тебя, мама, поговорить с ней, — сказала Мэй, печально глядя на пустые места на своем столике.

— Девичьи ссоры быстро забываются, — ответила мать, чувствуя себя немного пристыженной, и не без основания, за свою роль в *этой* девичьей ссоре.

Маленькие девочки встретили Эми и ее сокровища с восторгом, и этот сердечный прием несколько успокоил ее смятенные чувства. Она взялась за работу, надеясь преуспеть в цветочном деле, если не смогла в художествах. Но все, казалось, было против нее: час был поздний и она устала; все были слишком заняты собственными делами, чтобы помочь ей; маленькие девочки только мешали ей, болтая и прыгая как настоящие обезьянки, и своими неумелыми попытками навести порядок вносили еще большую неразбериху. Эми подняла деревянную арку, к которой были прибиты еловые ветки, и повесила на нее корзиночки с цветами, но арка никак не хотела стоять ровно, все время покачивалась и грозила опрокинуться на голову цветочницам. На лучшую глиняную тарелку Эми попали брызги воды, оставив похожий на слезу след сепии на щеке Купидона, она наставила синяков на руках, работая молотком, и простудилась на сквозняке — и это последнее из постигших ее бедствий вызвало у нее большие опасения относительно завтрашнего дня. Любая девушка, которой пришлось пройти через подобные испытания, читая эту главу, посочувствует бедной Эми и пожелает ей успешно справиться с ее задачей.

Домашние были в негодовании, когда, вернувшись домой, она рассказала о том, что произошло. Мать сказала, что это бесчестно, но что Эми поступила правильно; Бесс заявила, что на месте Эми совсем не пошла бы на базар, а Джо вопрошала, почему Эми не забрала все свои красивые изделия и не оставила этих подлых людей, чтобы они обходились, как знают, без нее.

— То, что они подлые, не означает, что и я должна быть такой же, как они. И хотя я считаю, что у меня есть полное право обижаться, я не намерена показывать это. Такое поведение произведет на них большее впечатление, чем сердитые слова и ответные действия, правда, мама?

— Да, это совершенно правильный подход, дорогая. Всегда лучше ответить поцелуем на удар, хотя не всегда легко ответить именно так, — сказала мать с видом человека, знающего разницу между поучением и следованием ему.

Несмотря на вполне естественное искушение обидеться и отомстить, Эми весь следующий день оставалась верна своему решению, твердо намереваясь победить врага добротой. Утро началось хорошо благодаря молчаливому напоминанию, которое пришло неожиданно, но весьма кстати. Пока младшие девочки наполняли цветами корзины в задней комнате, Эми начала раскладывать на столике свои изделия и взяла в руки самое любимое из них — маленькую старинную книжечку в красивом переплете, которую отец нашел среди своих сокровищ и в которой она на листах пергамента сделала красивые цветные надписи. Когда она с вполне простительной гордостью листала страницы, украшенные изящными эмблемами и девизами, взгляд ее упал на один стих, заставивший ее остановиться и задуматься. В обрамлении великолепного орнамента в виде алых, голубых и золотых завитков, под изображением маленьких духов добра, помогающих друг другу пробираться сквозь заросли роз и терновника, сияли слова: «Люби ближнего твоего, как самого себя».

«Я должна любить, но не люблю», — подумала Эми, переведя взгляд с яркой страницы

на недовольное лицо Мэй рядом с большими вазами, которые не могли закрыть пустоту, оставшуюся там, где прежде лежали работы Эми. Эми постояла с минуту, переворачивая листки и читая на каждом из них новый нежный упрек за свою досаду и неспособность простить. Много мудрых проповедей читают нам каждый день невольные проповедники на улице, в школе, в конторе и дома; даже столик на благотворительном базаре может стать церковной кафедрой, если на нем мы найдем хорошие и полезные слова, которые всегда остаются злободневными. И совесть Эми, опираясь на библейский стих, прочла ей маленькую проповедь прямо за ее столиком, и она сделала то, что не всегда делают многие из нас, — приняла эту проповедь близко к сердцу и воплотила призыв этой проповеди в жизнь.

У стола Мэй стояла группа девочек. Они восхищались вазами и беседовали о произведенном перемещении продавщиц. Они говорили вполголоса, но Эми знала, что они говорят о ней — говорят, выслушав лишь одну сторону, и судят в соответствии с тем, что услышали. Это было неприятно, но лучшие побуждения владели ею, и тут же представился случай доказать это. Она услышала, как Мэй сказала печально:

— Очень плохо, нет времени изготовить другие вещи, а заполнять пустые места случайными мелочами мне не хочется. Стол имел законченный вид, теперь все испорчено.

— Я думаю, она вернула бы сюда свои изделия, если бы ты ее об этом попросила, — предположил кто-то.

— Как я могу после такой сцены... — начала Мэй, но не закончила, так как от цветочного столика донесся голос Эми, любезно сказавшей:

— Можешь взять все, и даже не спрашивая разрешения. Я как раз думала о том, чтобы предложить вернуть их, ведь они больше подходят к твоему столу, чем к моему. Вот они, пожалуйста, возьми и прости меня, если я поспешила забрать их вчера вечером.

С этими словами Эми вернула свои творения, кивнула, улыбнулась и поспешила отойти, чувствуя, что легче сделать дружественный жест, чем задержаться и выслушать слова благодарности за него.

— Как это мило с ее стороны! Я так считаю, а вы?

Что ответила Мэй, было не слышно, но другая молодая особа, имевшая кислую мину (вероятно, оттого, что делала лимонад), заметила с неприятным смехом:

— Очень мило! Ведь она знает, что не сможет продать их со своего столика.

Это было тяжело; когда мы приносим свои маленькие жертвы, нам хочется, чтобы их, по меньшей мере, оценили. На мгновение Эми пожалела о своем порыве, чувствуя, что изречение «добродетель сама себе награда» не всегда справедливо. Но оно справедливо! И Эми вскоре убедилась в этом — настроение ее начало улучшаться, а ее стол становиться все красивее под ее умелыми руками, все девочки были очень добры к ней, и казалось, что один этот маленький поступок удивительным образом положительно повлиял на всю атмосферу происходящего в зале.

Это был очень длинный и тяжелый день для Эми. Она сидела за своим столиком часто в полном одиночестве, так как маленькие девочки скоро убежали. Мало кто хотел покупать летом цветы, и ее букеты начали вянуть.

Столик с художественными изделиями был самым привлекательным в зале, вокруг него все время толпились покупатели, и посыльные с выручкой постоянно сновали от столика и обратно с важными лицами, позвякивая монетами в коробках. Эми часто бросала печальный взгляд в ту сторону, страстно желая перенестись из своего угла, где нечего делать, туда, где она чувствовала бы себя на месте и была бы совершенно счастлива. Быть может, сидеть в углу и ждать редких покупателей не показалось бы некоторым из нас таким уж трудным делом, но красивой, беспечной юной девушке это было не только скучно, но и досадно, а мысль о том, что вечером ее найдут здесь в таком положении родные, Лори и его друзья, была настоящей пыткой.

Ближе к вечеру она вернулась домой пообедать и выглядела такой бледной и была так молчалива, что все знали: день оказался тяжелым, хотя она не жаловалась и даже не сказала

о том, что передала свои изделия на столик Мэй. Мать дала ей дополнительную чашечку укрепляющего чая, Бесс помогла переодеться и сделала прелестный маленький венок на головку, Джо же изумила всю семью тем, что нарядилась с необычным тщанием и туманно намекнула, что кое-кому снова предстоит поменяться местами.

— Прошу тебя, Джо, не надо никаких грубостей. Я не хочу никакого скандала, пусть все идет, как идет, и веди себя прилично, — умоляла Эми, снова уходя из дома.

Она вышла пораньше в надежде успеть найти свежие цветы для своего бедного столика.

— Не волнуйся, я намерена лишь сделаться обворожительно любезной со всеми знакомыми и постараться удержать их в твоём углу как можно дольше. Тедди и его друзья помогут мне, и мы еще повеселимся! — ответила Джо, проводив сестру до калитки, на которой и повисла в ожидании Лори.

Вскоре в сумерках слышались знакомые шаги, и Джо бросилась на их звук.

— Это мой мальчик?

— Конечно, а это моя девочка? — И Лори сунул ее руку себе под руку с видом человека, которому нечего больше желать.

— О, Тедди, тут такие дела! — И Джо с сестринским пылом принялась рассказывать об обидах, нанесенных Эми.

— Сейчас здесь появится целая компания наших ребят, и я не я, если не заставлю их мигом раскупить все цветы до одного, а после этого расположиться на остаток вечера вокруг ее столика, — сказал Лори, горячо поддерживая план Джо.

— Эми говорит, что цветы никуда не годятся, а свежих могут не принести вовремя. Я не хотела бы оказаться несправедливой или излишне подозрительной, но не удивлюсь, если цветы вообще не поступят. Если люди делают одну гадость, они, вероятно, сделают и другую, — заметила Джо с отвращением.

— Разве Хейс не дал вам лучших цветов из нашей оранжереи? Я ему говорил.

— Я этого не знала. Он, вероятно, забыл, а так как твоему дедушке нездоровится, я не посмела его беспокоить, хотя мне и хотелось попросить немного цветов.

— Что ты, Джо! Как ты можешь думать, что нужно просить! Цветы точно так же твои, как и мои. Разве мы не всегда делим все пополам? — начал Лори тоном, от которого Джо всегда становилась колючей.

— Спаси и помилуй! Надеюсь, что это не так. Половинки некоторых из твоих вещей мне совсем бы не подошли... Послушай, некогда стоять тут и любезничать. Я должна пойти и помочь Эми, а ты пойди и переоденься, а если будешь так добр, что скажешь Хейсу, чтобы он отнес букет красивых цветов в зал, где устроен базар, ты меня очень обяжешь.

— Я тебя обяжу с удовольствием, — сказал Лори так многозначительно, что Джо негостеприимно захлопнула калитку перед его носом и крикнула через изгородь:

— Уходи, Тедди, мне некогда.

Благодаря заговорщикам к вечеру положение Эми совершенно изменилось, ибо Хейс прислал море цветов и прелестную корзинку, для которой с присущим мастерством составил букет и которую поместили в центре столика. Затем прибыло семейство Марч в полном составе, и стараниями Джо успех торговли был обеспечен, так как люди не только подходили к столику, но и оставались — смеясь, слушали ее веселый вздор, восхищались вкусом Эми и явно были очень довольны. Лори и его друзья тоже храбро бросились в прорыв, раскупили букеты и расположились возле столика, сделав угол Эми самым оживленным местом в зале. Эми была теперь в своей стихии и из чувства благодарности, не говоря уже о других чувствах, была чрезвычайно оживлена и любезна — к тому времени она уже пришла к окончательному выводу, что в конце концов добродетель все же является сама себе наградой.

Джо была образцом приличий и, успешно окружив Эми почетным караулом, прогуливалась по залу. Случайно подслушанные обрывки разговоров прояснили для нее мотивы поведения Честеров. Она упрекнула себя в дурных чувствах, осознав свою долю

вины за происшедшее, и решила как можно скорее добиться снятия обвинений с Эми. Она также узнала о том, что Эми вернула свои изделия на столик Мэй, и нашла сестру олицетворением великодушия. Проходя мимо столика с художественными изделиями, она окинула его взглядом в надежде увидеть произведения сестры, но там не было и следа их. «Засунули подальше, чтоб никто не видел», — решила Джо, которая могла простить нанесенные ей самой обиды, но загоралась гневом всякий раз, когда оскорбление наносилось ее семье.

— Добрый вечер, мисс Джо. Как дела у Эми? — спросила Мэй с дружелюбным видом, ибо хотела показать, что тоже способна проявить благородство.

— Распродала все, что у нее было стоящего, а теперь веселится в кругу гостей. Цветочный столик всегда привлекает покупателей, как ты знаешь, «особенно мужчин».

Джо не смогла удержаться от этой маленькой колкости, но Мэй приняла ее так кротко, что Джо тут же пожалела о своих словах и принялась хвалить большие вазы, которые все еще оставались непроданными.

— А рисунки Эми еще остались? Мне захотелось купить что-нибудь для папы, — сказала Джо, которой не терпелось узнать, какая участь постигла работы сестры.

— Все изделия Эми давно проданы. Я постаралась, чтобы их увидели те, кому они понравятся, и мы выручили за них неплохую сумму, — ответила Мэй, которая так же, как и Эми, поборолась в тот день немало искушений.

Очень довольная, Джо бросилась к цветочному столику, чтобы сообщить приятную новость, и Эми была тронута и удивлена ее отчетом о словах и манерах Мэй.

— Теперь, господа, я хочу, чтобы вы пошли и исполнили свой долг у других столиков с той же щедростью, что и у моего, особенно у столика с художественными изделиями, — сказала она, отсылая от себя «отряд Тедди», как девочки называли компанию его университетских друзей.

— «Выше цены, выше!»¹⁷ — вот девиз того столика, но исполните ваш долг, как мужчины, и за свои деньги вы получите искусство¹⁸ во всех смыслах этого слова! — воскликнула неукротимая Джо, когда фаланга преданных бойцов готовилась выступить на поле битвы.

— Слушаю и повинуюсь, однако март прекраснее мая¹⁹, — сказал малыш Паркер, делая отчаянное усилие быть одновременно остроумным и галантным, но Лори тут же обескуражил его, заметив:

— Неплохо, сын мой, для такого малыша! — и увел, отечески погладив по голове.

— Купи вазы, — шепнула Эми Лори, желая еще раз воздать добром за зло своему врагу.

К огромному удовольствию Мэй, Лори не только купил вазы, но и расхаживал затем по залу, держа по вазе в каждой руке. Другие молодые люди с равной опрометчивостью накупили всевозможных хрупких безделушек и беспомощно бродили после этого с восковыми цветами, раскрашенными веерами, папками из филигранной бумаги и другими столь же полезными и ценными приобретениями.

Тетя Кэррол тоже была в зале, она слышала всю историю, выглядела очень довольной, а затем потихоньку сказала миссис Марч что-то, что заставило последнюю засиять от радости и взглянуть на Эми с гордостью, к которой примешивалось и беспокойство, однако причину своей радости и гордости она хранила в тайне следующие несколько дней.

¹⁷ В оригинале игра слов: charge означает не только «назначить цену», но и «атаковать», так что девиз можно перевести и как «атакуй, атакуй!».

¹⁸ Английское слово art означает не только «искусство», но и «хитрость, коварство».

¹⁹ По-английски Марч (march) означает «март», а Мэй (may) — «май».

Было объявлено, что благотворительный базар имел успех, а Мэй, пожелав Эми спокойной ночи, не стала, как обычно, изливаться в своих чувствах, но лишь ласково поцеловала ее, словно говоря взглядом: «Прости и забудь». Эми была удовлетворена, а придя домой, обнаружила, что вазы Мэй стоят на каминной полке в гостиной и в каждой из них огромный букет. «Награда за заслуги — великодушной Марч», — как напыщенно объявил Лори с эффектным жестом.

— У тебя гораздо больше принципиальности, великодушия и благородства, чем я могла предположить, Эми. Ты вела себя замечательно, и я глубоко уважаю тебя за это, — сказала Джо с теплотой, когда поздно вечером все они расчесывали перед сном волосы.

— Да, все мы уважаем ее и любим за то, что она прощает обиды с такой готовностью. Тебе, должно быть, было ужасно тяжело, Эми, ведь ты так долго трудилась и так хотела сама продать свои красивые поделки. Не думаю, что я смогла бы проявить такую доброту, как ты, — добавила Бесс со своей подушки.

— Что вы, девочки, не нужно так меня хвалить. Я всего лишь поступила с Мэй так, как я хотела бы, чтобы поступали со мной. Когда я говорю, что хочу быть настоящей леди, вы смеетесь надо мной, но я подразумеваю под этим благородство души и манер и стремлюсь к этому, как умею. Я не могу объяснить точно, но я хочу быть выше мелких слабостей, глупостей и недостатков, которые портят многих женщин. Сейчас я далека от этой цели, но стараюсь и надеюсь со временем стать такой, как мама.

Эми говорила серьезно, и, обняв ее, Джо сказала с чувством:

— Теперь я понимаю, что ты имеешь в виду, и никогда больше не буду смеяться над тобой. Твои успехи больше, чем ты предполагаешь, и я буду учиться у тебя истинной вежливости, поскольку уверена, что ты знаешь ее секрет. Старайся, дорогая, и однажды ты получишь свою награду, и тогда я буду счастливее всех.

Спустя неделю Эми действительно была вознаграждена, а бедной Джо оказалось нелегко быть в этом случае счастливой. Пришло письмо от тети Кэррол, и, читая его, миссис Марч так сияла, что сидевшие поблизости Джо и Бесс спросили, какие приятные новости оно принесло.

— Тетя Кэррол едет в Европу в следующем месяце и хочет...

— Чтобы я поехала с ней! — воскликнула Джо, вскакивая со стула в безудержном восторге.

— Нет, дорогая, не ты, а Эми.

— О, мама! Она еще слишком маленькая; я должна быть первой. Я так давно этого хотела... поездка принесет мне столько пользы, и в целом это будет замечательно... Я *должна* поехать.

— Боюсь, Джо, это невозможно. Тетя выбрала Эми, и не нам диктовать ей, кого взять, ведь она делает нам такую любезность.

— Так всегда. Эми — все удовольствия, а мне — вся работа. Это несправедливо, о, это несправедливо! — крикнула Джо страстно.

— Боюсь, дорогая, отчасти это твоя собственная вина. Когда тетя разговаривала со мной на днях, она посетовала на твои резкие манеры и независимый характер; и в письме она говорит, — цитируя среди прочего твои слова: «Сначала я собиралась пригласить Джо, но так как „благодетяния угнетают ее“ и она „терпеть не может французский“, я не отважилась пригласить ее. Эми более послушна, она будет хорошим обществом для Фло и будет благодарна за ту пользу, которую ей, несомненно, принесет это путешествие».

— О мой язык, мой ужасный язык! Почему я не могу научиться держать его за зубами? — стонала Джо, вспоминая слова, ставшие причиной ее несчастья. Когда миссис Марч выслушала объяснение происхождения приведенных в письме цитат, она сказала печально:

— Я очень хотела бы, чтобы ты могла поехать, но на этот раз надежды для тебя нет; так что постарайся перенести это мужественно и не порти удовольствие Эми упреками или сетованиями.

— Постараюсь, — сказала Джо, с трудом моргая и опустившись на колени, чтобы собрать вещи, высыпавшиеся из рабочей корзинки, которую она опрокинула, когда вскочила. — Я возьму пример с нее и постараюсь не только казаться, но и быть довольной и не завидовать ни единой минуте ее счастья. Но мне будет нелегко, потому что это ужасное разочарование. — И бедная Джо оросила маленькую пухлую игольную подушечку несколькими очень горькими слезами.

— Джо, дорогая, наверное, я ужасная эгоистка, но я не могу расстаться с тобой и рада, что ты пока не уезжаешь, — шепнула Бесс, обнимая ее прямо вместе с корзинкой так крепко и с такой любовью на лице, что Джо стало легче, несмотря на жестокие сожаления и желание надрать себе самой уши и смиренно просить тетю Кэррол обременить ее своими благодеяниями и посмотреть, с какой благодарностью она будет нести эту ношу.

К тому времени, когда вошла Эми, Джо уже могла принять участие в семейном ликовании, быть может не так искренне и сердечно, как обычно, но без ропота на счастливую судьбу Эми. Сама же юная леди встретила новость очень радостно, ходила по дому торжественная и счастливая и в тот же вечер принялась собирать свои краски и упаковывать карандаши, оставив заботы о таких мелочах, как одежда, деньги и паспорт, тем членам семьи, которые были меньше, чем она, погружены в мечты об искусстве.

— Для меня, девочки, это не просто приятная поездка, — сказала она выразительно, отскребая сухую краску со своей лучшей палитры. — Она решит вопрос о моем будущем. Если у меня есть гений, он проявится в Риме, и я совершу что-нибудь, чтобы доказать это.

— А вдруг его нет? — спросила Джо, не поднимая покрасневших глаз от новых воротничков, которые усердно шила и которые предстояло передать Эми.

— Тогда я вернусь домой и буду зарабатывать на жизнь уроками рисования, — с философским спокойствием заметила претендентка на славу. Но при мысли о такой перспективе лицо ее скривилось от отвращения, и она продолжила отчищать палитру с видом человека, готового предпринять самые решительные действия, прежде чем отказаться от своей мечты.

— Нет, это не для тебя. Ты терпеть не можешь тяжелую и скучную работу. Ты выйдешь замуж за какого-нибудь богатого человека и будешь купаться в роскоши до конца своих дней, — сказала Джо.

— Твои предсказания иногда сбываются, но я не верю, что сбудется это последнее, хотя мне и хотелось бы этого. Если я не смогу сама стать художницей, мне было бы приятно иметь возможность помочь другим, — сказала Эми с улыбкой, говорившей, что роль дамы-патронессы кажется ей более подходящей, чем роль скромной учительницы рисования.

— Хм! — сказала Джо со вздохом. — Если ты этого хочешь, так и будет. Твои желания всегда исполняются, мои — никогда.

— Ты хотела бы поехать в Европу? — спросила Эми, задумчиво поглаживая себя по носу ножом, которым отчищала краску.

— Еще как!

— Что ж, через год-два я пошлю за тобой, и мы еще поищем следы Древнего Рима на Форуме²⁰ и осуществим все те планы, которые строили столько раз.

— Спасибо. Я напому тебе о твоем обещании, когда придет твой счастливый день, если он когда-нибудь придет, — ответила Джо, принимая это неопределенное, но великодушное предложение сестры со всей возможной благодарностью.

Времени на сборы оставалось немного, и в доме до самого отъезда Эми царило волнение. Джо держалась очень хорошо, пока не исчезла вдаль с последним взмахом голубая лента, а тогда бросилась в свое убежище на чердаке и плакала там до изнеможения.

Эми также держалась мужественно до отплытия парохода, но в тот момент, когда собрались убрать трап, она вдруг осознала, что скоро целый океан раскинется между ней и

²⁰ Форум — площадь в Древнем Риме, где сосредотачивались общественная и политическая жизнь города.

самыми близкими ей людьми, и, схватив за руку Лори, последнего из провожающих, задержавшегося у трапа, сказала, всхлипнув:

— Позаботься о них, и если что-нибудь случится...

— Хорошо, дорогая, я позабочусь, а если что-нибудь случится, я приеду, чтобы утешить тебя, — шепнул Лори, едва ли предполагая, что ему и в самом деле придется выполнить это обещание.

Так Эми отправилась открывать Старый Свет, который всегда предстает новым и красивым перед юными глазами, а ее отец и друг следили за ней с берега, горячо надеясь, что лишь добрый жребий выпадет этой девочке, которая радостно махала им рукой, пока с берега не стало видно ничего, кроме слепящего блеска летнего солнца на поверхности океана.

Глава 8

Наш зарубежный корреспондент

Лондон.

Дорогие мои,

я сижу у окна в гостинице «Бат», расположенной на Пикадилли. Это совсем не фешенебельная гостиница, но дядя жил здесь много лет назад и не хочет останавливаться ни в какой другой. Но мы не собираемся задерживаться в Лондоне надолго, так что это неважно. Ах, не могу передать вам, какое это замечательное путешествие! И никогда не смогу, так что я просто пошлю вам фрагменты из моей записной книжки: с самого моего отъезда я не делала ничего другого, кроме эскизов и записей.

Я послала вам записку из Галифакса; тогда, в самом начале, я чувствовала себя довольно скверно, но потом все пошло отлично — укачивало редко, весь день на палубе и множество приятных людей вокруг. Все были очень добры ко мне, особенно офицеры. Не смейся, Джо, джентльмены очень нужны на борту, чтобы поддержать даму или что-нибудь подать; а так как им совершенно нечего делать, мы лишь облагодетельствуем их, заставив быть полезными, а иначе постоянным курением они просто себя испепелят.

Тетя и Фло плохо чувствовали себя во время путешествия и хотели быть одни, так что когда я не могла ничем им помочь, то шла на палубу. Какие закаты, какой чудесный воздух, какие волны! Это возбуждает почти так же, как скачка на быстрой лошади. Я думаю, если бы Бесс тоже поехала, ей это было бы очень полезно. А Джо залезала бы на кливер грот-марса, или как там эта высокая штука называется, заводила бы дружбу с механиками, кричала в капитанский рупор — и была бы в полном восторге.

Все было восхитительно в океане, но я была рада, когда увидела берег Ирландии — такой зеленый, залитый солнцем, с разбросанными тут и там коричневыми хибарками, с руинами, виднеющимися кое-где на холмах, с богатыми поместьями в долинах, где в парках устроены оленьи заповедники. Было раннее утро, но я не пожалела, что встала рано и увидела все это. В заливе было полно рыбачьих лодок, а берег так живописен и над головой розовое небо — я никогда этого не забуду.

В Квинстауне мы расстались с одним из наших новых знакомых — мистером Ленноксом, и, когда я сказала что-то об озерах Килларни, он вздохнул и пропел, глядя на меня:

О, слышали ли вы о Кейт Корни,
Что живет на прекрасных Килларни?
Ее взгляд роковой
Унесет ваш покой, Избегайте опасной Кейт Корни.

Ну не глупо ли?

В Ливерпуле мы остановились всего на несколько часов. Это грязное, шумное место, и я была рада уехать оттуда. Дядя первым делом помчался и купил пару лайковых перчаток, какие-то отвратительные грубые ботинки, зонтик и побрился, оставив бакенбарды. Он льстил себя надеждой, что выглядит как настоящий британец, но в первый же раз, когда он остановился, чтобы почистить свои новые ботинки, маленький чистильщик, увидев, что в них стоит американец, сказал с усмешкой: «Готово, сэр. Я начистил их новейшей американской ваксой». Это рассмешило дядю чрезвычайно. О, я должна рассказать вам, что этот глупый Аеннокс сделал! Он попросил своего друга, мистера Уэрда, который ехал с нами дальше, заказать цветы для меня, и первое, что я увидела в моем гостиничном номере, был великолепный букет с запиской: «От Роберта Леннокса». Ну не забавно ли, девочки? Мне нравится путешествовать.

Если бы я ехала одна и мне не надо бы было спешить, боюсь, я никогда не добралась бы до Лондона, так как останавливалась бы на каждом шагу. Наша поездка напоминала скачку по картинной галерее, где с обеих сторон множество прелестных пейзажей. Фермерские домики привели меня в восторг — соломенные крыши, стены увиты плющом до самого верха, окна с решетками и полные женщины с румяными детишками на пороге. Скот кажется более спокойным, чем наш, — коровы стояли по колено в клевере, а курицы довольно клохтали, словно никогда не нервничают, как наши американские куры. Таких чудесных красок я еще не видела — трава такая зеленая, небо такое голубое, поля такие желтые, леса такие темные, — я была в восхищении всю дорогу. И Фло тоже, и мы прыгали от окна к окну, пытаясь увидеть все с обеих сторон — а мчались со скоростью шестьдесят миль в час. Тетя устала и уснула, а дядя читал путеводитель и ничему не удивлялся. Вот как мы ехали — Эми, вскакивая: «О, это должно быть Кенилворт, это серое пятно среди деревьев!»; Фло, бросаясь к моему окну: «Какая прелесть! Мы непременно должны туда заехать. Правда, папа?»; дядя, спокойно любуясь своими ботинками: «Нет, дорогая. Разве только если ты пива хочешь. Это пивоварня».

Пауза, затем Фло кричит: «Боже мой, виселица, и человек на нее поднимается!» — «Где, где?» — взвизгивает Эми, тараща глаза на два высоких столба с перекладиной и какими-то звякающими цепями. «Шахта», — замечает дядя с усмешкой в глазах. «Смотри, какое там стадо миленьких ягнят!» — говорит Эми. «Какая прелесть, смотри, папа!» — добавляет Фло сентиментально. «Это гуси, мои юные леди», — отвечает дядя тоном, от которого мы замолкаем. Фло усаживается за «Похождения капитана Кавендиша», а весь пейзаж остается мне одной.

Когда мы приехали в Лондон, конечно же полил дождь, и не было видно ничего, кроме тумана и зонтиков. Мы отдохнули, распаковали вещи и немного походили по магазинам в промежутках между ливнями. Тетя Мэри купила мне кое-какие вещи, потому что я собиралась в такой спешке, что не взяла с собой и половины того, что нужно. Теперь у меня белая шляпка с голубым пером, муслиновое платье, тоже белое с голубым, и прелестнейшая пелерина. Покупать на Риджент-стрит — одно удовольствие; и все кажется так дешево: очень красивые ленты — всего шесть пенсов за ярд. Я купила впрок, но перчатки куплю в Париже. Как это изысканно звучит, правда?

Мы с Фло для забавы заказали наемный экипаж и поехали прокатиться, пока тети и дяди не было. Потом мы узнали, что молодым девушкам неприлично ездить в таких экипажах без сопровождающих. Но это было так забавно! Потому что когда мы сели, возница закрыл нас деревянным кузовом и поехал так быстро, что Фло испугалась и велела мне остановить его. Но он был снаружи и высоко и чем-то отгорожен, и я не могла до него докричаться — он не слышал меня и не видел, как я махала зонтиком. И так мы и ехали, совершенно беспомощные, с головокружительной скоростью. Нас подкидывало и трясло и швыряло из угла в угол, пока наконец, когда мы уже были в полном отчаянии, я не увидела в крыше маленькую дверцу. Я открыла ее, и появился красный глаз, и разящий пивом рот произнес:

— Что такое, мэм?

Я, стараясь говорить спокойно, отдала ему распоряжение ехать потише, и, захлопнув дверку со словами: «Слушаю, мэм», он перевел лошадь на самый медленный шаг, словно на похоронах. Я опять ткнула в дверку и сказала: «Чуть побыстрее», и он помчался с бешеной скоростью, как прежде, а мы смирились с судьбой.

Сегодня день был ясный, и мы пошли в Гайд-парк, это совсем рядом — наша гостиница в аристократическом районе, хоть этого и не скажешь по ее виду. Рядом с нами — дворец герцога Девонширского, и я часто вижу его ливрейных лакеев, бездельничающих возле задних ворот. И дом герцога Веллингтонского недалеко. А что я видела в Гайд-парке! Картинки не хуже, чем в «Панче»²¹: толстые старые дамы в красных и желтых каретах с пудренным кучером впереди и важными лакеями в шелковых чулках и бархатных ливреях высоко сзади, бойкие няни с детьми, румяней которых я в жизни не видела, красивые девушки с полусонным видом, щеголи в странных шляпах и бледно-лиловых лайковых перчатках и рослые солдаты в коротких красных куртках и высоких меховых шапках, такие забавные, что мне очень захотелось их нарисовать.

Роттен-роу значит «*Route de Roi*», или «королевская дорога», но похожа она больше всего на школу верховой езды. Лошади великолепные, и мужчины, особенно грумы, ездят очень хорошо, но женщины не наклоняются и подсакивают, что не по нашим правилам. Мне очень захотелось показать им бешеный американский галоп, а то они разъезжают важно рысцой туда и сюда в тонких амазонках и высоких шляпах, будто куклы из игрушечного Ноева ковчега. Верхом ездят все — старики, толстые дамы, маленькие дети, — а девушки и молодые люди в основном флиртуют здесь. Я видела пару, обменивавшуюся розовыми бутонами; их модно носить в петлице, и я подумала, что это довольно милая маленькая идея.

После обеда посетили Вестминстерское аббатство, но не ждите от меня описаний — описать его невозможно! Я только скажу, что это было грандиозно! Сегодня вечером мы собираемся в театр, смотреть Фехтера. Это будет подходящим завершением самого счастливого дня в моей жизни.

Полночь

Очень поздно, но я не смогу отправить утром это письмо, не рассказав вам, что произошло сегодня вечером. Как вы думаете, кто вошел, когда мы пили чай? Английские друзья Лори — Фред и Френк Воуны! Я была так удивлена и даже не узнала бы их, если бы не визитные карточки. Оба высокие и с бакенбардами; Фред очень красив, в английском вкусе, а Френк почти не хромает и ходит без костылей. Они узнали от Лори, где мы собираемся остановиться в Лондоне, и пришли пригласить нас в их дом; но дядя не захотел переезжать, так что теперь мы должны нанести им ответный визит, когда сможем. Они ходили с нами в театр, и всем было очень весело; Френк беседовал с Фло, а мы с Фредом говорили о прошлых, настоящих и будущих развлечениях, и так легко, будто знали друг друга всю жизнь. Скажите Бесс, что Френк спрашивал о ней и был огорчен, услышав о ее плохом здоровье. Фред засмеялся, когда я заговорила о Джо, и попросил передать его «почтительный поклон большой шляпе». Никто из них не забыл лагерь генерала Лоренса и как там было весело. Как, кажется, давно это было, правда?

Тетя третий раз стучит в стену, так что я вынуждена кончить это письмо. Право же, я чувствую себя словно ведущая праздную жизнь лондонская красавица, когда сижу здесь в комнате, где полно красивых вещей, в такой поздний час и пишу это письмо, а в моей голове путаница парков, театров, новых платьев и галантных кавалеров, которые говорят: «Ах!» — и крутят свои светлые усы так, как и должны крутить английские лорды. Я очень хочу увидеть вас всех, и, несмотря на мою глупость, я все равно, как всегда,

ваша любящая Эми

²¹ «Панч» — известный лондонский юмористический журнал.

Париж

Дорогие девочки,

в моем последнем письме я рассказывала вам о нашем пребывании в Лондоне — как любезны были Воуны, какие приятные вечеринки они устраивали для нас. Но больше всего мне понравились поездки в Хэмптон-Корт и Кенсинг-тонский музей. В Хэмптоне я видела картины Рафаэля, а в музее целые залы, где висят полотна Тернера, Лоренса, Рейнолдса, Хогарта и других великих мастеров. День, проведенный в Ричмонд-парке, был очарователен, мы устроили настоящий пикник, и там было больше прелестных дубов и групп оленей, чем я могла срисовать. А еще я слышала соловья и видела, как взлетают с земли жаворонки. Благодаря Фреду и Френку мы могли осматривать Лондон сколько душе угодно, и нам было жаль уезжать. Англичане неохотно вводят в свой круг новых людей, но уж если решат сделать это, их гостеприимство, на мой взгляд, невозможно превзойти. Воуны надеются встретиться с нами в Риме предстоящей зимой, и я буду ужасно разочарована, если этого не произойдет, потому что мы с Грейс очень подружились и мальчики очень славные, особенно Фред.

Ну вот, едва мы устроились на новом месте, как он появился опять — сказал, что у него каникулы и он едет в Швейцарию. Тетя сначала взглянула на него очень строго, но он был так невозмутим, что она ничего не смогла сказать. И теперь мы отлично проводим время и очень рады, что он приехал, так как он говорит по-французски не хуже настоящего француза и я не знаю, что бы мы без него делали. Дядя не знает и десятка слов и упорно старается очень громко говорить по-английски, будто от этого его поймут. У тети очень старомодное произношение, а мы с Фло, хоть и думали, что много знаем, обнаружили, что это не так, и очень рады, что есть Фред, чтобы «parlez-vous»-кать²², как дядя выражается.

Как чудесно мы проводим время! С утра до вечера осматриваем достопримечательности, а обедаем в приятных веселых кафе, где с нами часто происходят всякие забавные случаи. Дождливые дни я провожу в Лувре, наслаждаясь разглядыванием картин. Боюсь, что Джо вздернула бы свой дерзкий нос перед некоторыми из изящнейших, но это потому, что у нее нет склонности к искусству, а у меня есть, и я стараюсь как можно скорее развить глаз и вкус. Наверное, ей больше понравились бы всякие реликвии; так, я видела треуголку и серый сюртук Наполеона, его детскую колыбель и старую зубную щетку, а также маленькую туфельку Марии Антуанетты, кольцо Сен-Дени, меч Карла Великого и много других интересных вещей. Я буду часами рассказывать о них, когда вернусь, но сейчас — нет времени.

Пале-Рояль — восхитительное место! Столько bijou-terie²³ и других прелестных вещей, я почти с ума схожу от того, что не могу их купить. Фред хотел купить кое-что для меня, но я, разумеется, не позволила. А еще Буа и Елисейские поля — tres magnifique²⁴. Несколько раз я видела императорскую семью²⁵: император некрасивый, с тяжелым взглядом, императрица бледная и красивая, но одета, по моему мнению, безвкусно — фиолетовое платье, зеленая шляпа и желтые перчатки. Малыш Нап — красивый мальчик, все время болтает со своим наставником и посылает народу воздушные поцелуи, когда

²² «parlez-vous?» — «говорите ли вы?» (франц.).

²³ bijou-terie — ювелирные изделия (франц.).

²⁴ tres magnifique — совершенно великолепно (франц.).

²⁵ «...видела императорскую семью» — речь идет об императоре Наполеоне III (1808 — 1873), его супруге императрице Евгении и их единственном сыне (см. далее — «малыш Нап»).

проезжает в своем запряженном четверней ландо с форейторами в красных атласных куртках и верховой охраной спереди и сзади.

Мы часто ходим в сады Тюильри, они очень красивы, хотя старинные Люксембургские нравятся мне больше. Кладбище Пер-Лашез тоже очень интересное место, многие склепы будто маленькие комнатки, и, заглянув, видишь стол с портретом умершего на нем и вокруг стулья, чтобы посетителям было где сесть, когда они придут оплакивать похороненного в этом склепе. Это так по-французски.

Мы сняли комнаты на Рю-де-Риволи, и с балкона открывается вид на всю эту длинную, великолепную улицу. Это так красиво, что мы часто проводим вечера на балконе, беседуя, когда слишком устаем за день, чтобы отправиться куда-нибудь и вечером. Фред — очень интересный и, пожалуй, самый приятный молодой человек, какого я знаю, — кроме Лори, чьи манеры более обворожительны. Хорошо бы у Фреда были темные волосы, я не люблю светлых мужчин, однако Воуны очень богаты и из аристократического рода, так что я не против того, что у них светлые волосы, да к тому же мои собственные еще светлее.

На следующей неделе мы едем в Германию и Швейцарию, и, так как не будем нигде в пути останавливаться надолго, я смогу писать вам лишь наспех. Но я веду дневник и стараюсь «правильно запоминать и ясно описывать все, что вижу и чем восхищаюсь», как папа советовал. Это хорошая практика для меня, и дневник вместе с моим эскизным альбомом даст вам лучшее представление о моем путешествии, чем эти мои каракули.

Adieu, нежно вас целую, Votre Amie ²⁶.

Гейдельберг

Дорогая мама,

еще целый час до нашего отправления в Берн, и я постараюсь рассказать тебе, что произошло, так как есть кое-что и очень важное, как ты увидишь.

Поездка на пароходе вверх по Рейну была великолепна, я просто сидела, смотрела и наслаждалась всей душой. Возьми старые папины путеводители и прочитай там об этом, а у меня нет достаточно красивых слов, чтобы описать, что я видела. В Кобленце мы чудесно провели время, а студенты из Бонна, с которыми Фред познакомился на пароходе, пропели нам серенаду. Ночь была лунная, и около часа нас с Фло разбудила раздавшаяся под окном прелестнейшая музыка. Мы вскочили и, спрятавшись за шторами, стали выглядывать украдкой. Оказалось, что это Фред и студенты распевает внизу. Романтичнее я ничего не видела — река, мост из лодок на реке, большая крепость на другом берегу, всюду лунный свет и музыка, которая могла бы смягчить даже каменное сердце.

Когда они кончили, мы бросили вниз цветы и видели, как они толкаются, чтобы схватить их, посылают воздушные поцелуи нам, невидимым красавицам, а потом уходят смеясь — курить и пить пиво, я думаю. А на следующее утро Фред показал мне один примятый цветок в кармане своей куртки и посмотрел на меня очень сентиментально. Я посмеялась над ним и сказала, что цветок бросила не я, а Фло, что, кажется, вызвало у него отвращение, так как он тут же выбросил его в окно и опять стал благоразумным. Боюсь, у меня будут неприятности с этим мальчиком — похоже на то.

На водах в Нассо очень весело, и в Баден-Бадене тоже. Там Фред проиграл много денег, и я его отругала. Когда с ним нет Френка, нужно, чтобы кто-нибудь за ним приглядывал. Кейти однажды сказала, что хорошо бы, чтобы он поскорее женился, и я совершенно согласна, что это было бы благоприятно для него. Франкфурт восхитителен; я видела дом Гете, памятник Шиллеру и знаменитую «Ариадну» Даннекера²⁷. Она очаровательна, но

²⁶ *votre* — ваша подруга (франц.).

²⁷ Даннекер Иоганн Генрих (1758 — 1841) — немецкий скульптор.

доставила бы мне больше удовольствия, если бы я лучше знала мифологию. Я не захотела спрашивать, раз все знают или делают вид, что знают этот миф. Мне следовало побольше читать, а то я теперь выясняю, что ничего не знаю, и это унижительно.

Теперь о серьезном — потому что это произошло здесь, и Фред только что уехал. Он такой добрый и веселый, что все мы очень полюбили его, но я даже не думала ни о чем, кроме дорожного знакомства, — до той ночи с серенадой. С тех пор я начала чувствовать, что прогулки при луне, разговоры на балконе и ежедневные приключения для него больше чем забава. Я не флиртовала, мама, честное слово, и, помня все, что ты говорила мне, делала что могла. Но я не виновата, что нравлюсь людям; я не стараюсь им понравиться, а если я к ним равнодушна, то их отношение ко мне даже вызывает у меня сожаление, хотя Джо и говорит, что я бессердечная. Ну вот, я знаю, теперь мама покачает головой, а девочки скажут: «О, корыстная маленькая бесстыдница!», но я все-таки решила, что если Фред сделает мне предложение, я приму его, хотя и не схожу с ума от любви. Мне он нравится, и, думаю, мы поладим. Он красивый, молодой, довольно умный и очень богатый — гораздо богаче, чем даже Лоренсы. Я думаю» что его семья не стала бы возражать, а я была бы очень счастлива, потому что все они добрые, воспитанные, благородные люди и любят меня. Фреду, я полагаю, как первому из близнецов, достанется недвижимость, и какая! Городской дом на фешенебельной улице, не такой внушительный, как большие дома в Америке, но гораздо удобнее, и во всем солидная роскошь, такая, какой придают большое значение англичане. Мне это нравится, потому что это — настоящее. Я видела столовое серебро, фамильные драгоценности, старых слуг, картины, изображающие загородное поместье Воунов, с парком, огромным домом, очаровательными окрестностями, породистыми лошадьми. Это было бы все, чего я только могу желать! И для меня все это лучше, чем любой титул, за который девушки хватаются с такой готовностью, обнаруживая потом, что за ним ничего нет. Может, я и корыстна, но я ненавижу бедность, и, как только у меня появится возможность от нее избавиться, я не намерена терпеть ни минуты дольше. Одна из нас *должна* хорошо выйти замуж; Мег не сделала этого, Джо не хочет, Бесс пока не может, так что я сделаю и все устрою. Разумеется, я не выйду за человека, которого ненавижу или презираю. Можете быть в этом уверены. Хотя Фред не мой идеальный герой, он вполне подойдет, а со временем и я полюблю его, если он будет очень любить меня и позволит мне во всем поступать, как я хочу. Я обдумала это все в последнюю неделю, так как невозможно было не видеть, что я нравлюсь Фреду. Он ничего не говорил, но многие мелочи свидетельствуют об этом: он никогда не ходит с Фло, всегда едет верхом с моей стороны экипажа, садится рядом за стол, смотрит нежно, когда мы одни, и хмуро смотрит на всякого, кто осмелится заговорить со мной. Вчера за обедом, когда какой-то австрийский офицер уставился на нас, а затем сказал что-то о «*ein wunderschones Blondchen*»²⁸, обращаясь к своему приятелю — щеголеватому барону, Фред взглянул на них свирепо, как лев, и принялся резать мясо на своей тарелке с такой яростью, что оно чуть не отлетело в сторону. Он не такой, как другие англичане, неизменно сдержанные и чопорные, но, напротив, довольно горяч — в нем есть шотландская кровь, как можно догадаться по его красивым голубым глазам.

Ну так вот, вчера вечером на закате мы отправились к замку — все, кроме Фреда. Он должен был присоединиться к нам после того, как заберет на почте адресованные ему письма. Мы замечательно провели время, осматривая развалины, подвал, где стоит чудовищных размеров бочка, красивые сады, насаженные курфюстом для его жены-англичанки. Мне больше всего понравилась огромная терраса — вид был неземной, так что, пока остальные пошли осматривать внутренние покои замка, я села там, чтобы срисовать голову серого каменного льва на стене со свисающими отовсюду алыми побегами выющихся растений. У меня было такое чувство, словно я героиня романа, когда я сидела там, глядя на

²⁸ Ein wunderschones blondchen — чудесная девочка-блондинка (нем.).

извивающийся в долине Неккар, слушая музыку австрийского оркестра, доносящуюся от подножия горы, и ожидая моего поклонника. Я чувствовала, что что-то должно произойти, и была готова к этому. Я не краснела и не дрожала, но была совершенно спокойна и лишь чуть-чуть взволнована.

Вдруг я услышала голос Фреда, и вскоре он торопливо вбежал через большую арку, ища меня. Вид у него был такой огорченный, что я совсем забыла о себе и спросила его, что случилось. Он сказал, что получил письмо из дома, его умоляют вернуться — Френк тяжело заболел; так что он уезжает вечерним поездом и должен прямо сейчас попрощаться. Я глубоко сочувствовала ему, а также испытывала разочарование, но оно длилось лишь минуту, потому что, пожимая мне руку, он сказал — и сказал так, что я не могла ошибиться: «Я скоро вернусь. Вы не забудете меня, Эми?» Я ничего не обещала, только взглянула на него, и он, кажется, был удовлетворен. Времени у него оставалось только на то, чтобы передать всем приветы и сказать «до свидания». Через час он уехал, и нам всем очень его не хватает. Я знаю, он хотел поговорить со мной, но, судя по тому, на что он однажды намекал в разговоре, отец взял с него слово пока ничего такого не делать, так как он опрометчив, а старый джентльмен очень боится невестки-иностранки. Мы скоро встретимся в Риме, и тогда, если я не передумаю, я скажу: «Да», когда он спросит: «Вы согласны?»

Конечно все это *очень личное*, но я хочу, чтобы ты знала, что происходит. Не беспокойся, помни, что я по-прежнему твоя «осмотрительная Эми», и будь уверена, что я не сделаю ничего необдуманного. Пошли мне сколько хочешь советов, я воспользуюсь ими, если смогу. Жаль, что нельзя увидеть тебя, мама, и поговорить обо всем. Люби меня и доверяй мне.

Всегда твоя Эми.

Глава 9

Трудности деликатного свойства

— Джо, я беспокоюсь о Бесс.

— Почему, мама? Она выглядит очень хорошо с лета, с тех пор как появились малыши.

— Меня беспокоит сейчас не ее здоровье, а ее настроение. Я уверена, у нее что-то на душе, и я хочу, чтобы ты узнала что.

— Почему ты так думаешь?

— Она подолгу сидит одна, реже говорит с отцом. На днях я застала ее, когда она плакала над малышами. Когда она поет, песни всегда печальные, а иногда я замечаю на ее лице выражение, которого не могу понять. Это так непохоже на Бесс, и это меня беспокоит.

— Ты спрашивала ее об этом?

— Пару раз пробовала, но она или избегает моих расспросов, или смотрит так огорченно, что я умолкаю. Я никогда не принуждаю моих детей к откровенности, и мне редко приходится долго ждать, чтобы они доверились мне.

Миссис Марч выразительно взглянула на Джо, но выражение лица последней говорило о том, что никакие собственные тайные тревоги ее не томят. Джо задумчиво продолжала шить, затем через минуту сказала:

— Я думаю, она просто становится большой и начинает мечтать, ее одолевают надежды, страхи, тревоги, но она не знает, откуда они, и не может их объяснить. Да, мама, Бесс — восемнадцать лет, но мы не сознаем этого и обращаемся с ней как с ребенком, забывая, что она уже взрослая.

— Ты права. Как быстро вы растете! — ответила мать со вздохом и улыбкой.

— Ничего не поделаешь, мама, так что ты должна смириться с тем, что всевозможные волнения неизбежны, и позволить своим птенцам вылетать из гнезда, одному за другим. Я обещаю никогда не улетать слишком далеко, если это может послужить тебе утешением.

— Да, это большое утешение, Джо; теперь, когда Мег ушла, я всегда чувствую себя сильнее, если ты рядом. Бесс слишком слаба, а Эми слишком молода, чтобы на нее

полагаться, но ты всегда готова помочь в трудную минуту.

— Что ж, ты знаешь, я не против тяжелой работы. В семье всегда должен быть кто-то для таких дел. Эми годится для тонких работ, а я нет; зато я в своей стихии, когда надо поднять и выколотить все ковры в доме или когда одновременно заболевает половина семьи. Эми сейчас отличается за границей, но, если что-то не так дома, я — тот, кто вам нужен.

— Тогда я оставлю Бесс на твое попечение, она откроет свое нежное сердце любимой Джо скорее, чем кому-либо другому. Будь очень ласкова с ней и не вызови у нее подозрения, будто кто-то следит за ней. Если только она станет снова совсем здоровой и веселой, у меня не останется неисполненных желаний.

— Счастливая женщина! У меня их куча.

— Что же это за желания, дорогая?

— Вот разберусь с тревогами Бесс, тогда расскажу тебе о моих. Они не слишком обременительны для меня, так что подождут. — И Джо снова усердно принялась за шитье с многозначительным кивком, позволявшим не беспокоиться по крайней мере за ее настоящее, если не будущее.

Внешне казалось, что Джо поглощена собственными делами, но она наблюдала за Бесс и после множества противоречивых догадок укрепились в одной, объяснявшей, как ей казалось, происшедшую в сестре перемену. Ключ к тому, что Джо считала разгадкой, дало ей незначительное происшествие, а живая фантазия и любящее сердце сделали остальное.

Однажды в субботу после обеда она и Бесс были вдвоем в комнате. Джо делала вид, что усердно пишет, однако, быстро водя пером по бумаге, посматривала на сестру, которая казалась необычно тихой. Бесс сидела у окна и часто, уронив на колени свое рукоделие, подпирала голову рукой и замирала в унылой позе, устремив глаза на мрачный ноябрьский пейзаж. Вдруг внизу раздались звуки шагов, кто-то просвистел как заводная птичка и чей-то голос окликнул: «Все отлично! Зайду вечером».

Бесс вздрогнула, склонилась вперед, улыбнулась и кивнула, а когда звук шагов замер в отдалении, сказала негромко, словно про себя:

— Какой он сильный, здоровый и счастливый, этот милый мальчик!

— Хм! — произнесла Джо, все еще внимательно наблюдая за лицом сестры: яркий румянец исчез так же быстро, как появился, улыбка пропала, а на оконный выступ упала блестящая слеза. Бесс стерла ее и с опаской взглянула на Джо, но та строчила с бешеной скоростью, явно увлеченная «Клятвой Олимпии». Как только Бесс отвернулась, Джо возобновила наблюдение и увидела, что рука Бесс несколько раз тихо поднялась к глазам, а в ее повернутом вполоборота к Джо лице читалась такая кроткая печаль, что глаза Джо тоже наполнились слезами. Боясь выдать себя, она выскользнула из комнаты, пробормотав что-то о кончившейся бумаге.

— Спаси и помилуй! Бесс любит Лори! — сказала она, садясь в своей комнате, бледная от поразительного открытия, которое, по ее мнению, только что сделала. — Никогда не предполагала такого. Что скажет мама? Интересно, а что он... — Тут Джо остановилась, побагровев от неожиданной мысли. — Если он не полюбит ее, это будет ужасно. Он должен, я его заставлю! — И она грозно взглянула на портрет озорного мальчишки, смеявшегося над ней со стены. — О Боже, мы растем всюю! Вот и Мег замужем и сама стала мамой, Эми преуспевает в Париже, Бесс влюблена. Я единственная, у кого хватает здравого смысла держаться подальше от греха. — С минуту Джо напряженно размышляла, устремив глаза на портрет, затем расправила нахмуренное чело и, решительно кивнув, сказала, обращаясь к лицу на портрете: — Нет, сэр, спасибо. Вы очаровательны, но у вас не больше постоянства, чем у флюгера. Так что можете не писать чувствительных записок и не улыбаться многозначительно. Ничего из этого не выйдет, и я этого не потерплю.

Затем она вздохнула и впала в задумчивость, из которой не выходила, пока ранние сумерки не заставили ее спуститься в гостиную, чтобы продолжить наблюдения, которые лишь укрепили ее подозрения.

Хотя Лори флиртовал с Эми и шутил с Джо, к Бесс он всегда относился с особенной

добротой и нежностью. Но так относились к ней все, поэтому никому и не приходило в голову, будто он любит ее больше, чем других. Напротив, в последнее время в семье существовало общее мнение, что «наш мальчик» становится нежнее, чем прежде, к Джо, которая, однако, не желала слышать ни слова на эту тему и гневно отчитывала каждого, кто осмеливался это общее мнение высказать. Если бы в семье знали о тех нежных признаниях или, точнее, попытках нежных признаний, которые сурово подавлялись в зародыше на протяжении прошедшего года, они с огромным удовлетворением могли бы сказать: «Мы же говорили!» Но Джо терпеть не могла «любезничания» и не допускала ничего подобного, всегда имея наготове шутку или улыбку, которую использовала при первом признаке надвигающейся опасности.

В первое время учебы в университете Лори влюблялся примерно раз в месяц, но эти маленькие увлечения были столь же непродолжительными, сколь и страстными, не приносили вреда и очень забавляли Джо, которую интересовало постоянное чередование надежды, отчаяния и покорности судьбе, которые поверялись ей во время еженедельного обмена новостями. Но пришло время, когда Аори перестал курить фимиам во многих храмах, туманно намекал на одну всепоглощающую страсть и порой предавался байронической угрюмости. В такие периоды он совершенно избегал деликатной темы, писал Джо записки философского содержания, становился прилежным студентом, объявляя, что собирается «долбить», дабы завершить учебу в блеске славы. Это нравилось юной леди куда больше, чем признания в сумерки, нежные пожатия руки и красноречивые взгляды, так как у Джо ум развился раньше, чем сердце, и она предпочитала воображаемых героев реальным, поскольку, когда они надоедали, первых можно было запереть в жестяном ящике и держать там, пока не понадобятся, вторые же были менее управляемы.

Так обстояли дела на момент, когда было сделано важное открытие, и в тот вечер Джо наблюдала за Лори так, как никогда прежде. Если бы она не вбила себе в голову новую идею, то не увидела бы ничего необыкновенного в том обстоятельстве, что Бесс была очень молчалива, а Лори очень ласков с ней. Но Джо дала волю своей бурной фантазии, и та понесла ее с невероятной скоростью, а здравый смысл, несколько ослабленный постоянным писанием романтических историй, не пришел на помощь. Как обычно, Бесс лежала на диване, а Лори сидел рядом в низком кресле, развлекая ее легким разговором на самые разные темы, так как она всегда ждала этого еженедельного удовольствия, и друг никогда не разочаровывал ее. Но в тот вечер Джо вообразила, что глаза Бесс устремлены на живое смуглое лицо с необычным удовольствием и что она с напряженным вниманием слушает отчет о волнующем крикетном матче, хотя спортивный жаргон был понятен ей не более чем санскрит. Джо так же вообразила — ибо очень хотела увидеть это, — что видит, как манеры Лори становятся мягче, как он то и дело понижает голос, смеется меньше, чем обычно, немного рассеян и поправляет шерстяную шаль, покрывающую ноги Бесс, с усердием, граничащим с нежностью.

«Кто знает? Случались вещи и постранные, — думала Джо, нервно расхаживая по комнате. — Она превратит его в сущего ангела, а он сделает жизнь нашей милочки восхитительно легкой и приятной — если только они полюбят друг друга. Не понимаю, как он может не влюбиться в нее; я уверена, он влюбился бы обязательно, если бы мы, остальные, ему не мешали».

Так как остальные, кроме нее самой, *не мешали*, Джо почувствовала, что должна удалиться со сцены как можно скорее. Но куда могла она деться? И, горя желанием принести себя в жертву на алтарь сестринской любви, она села на диван, чтобы разрешить эту проблему.

Старый диван был настоящим патриархом диванов — длинный, широкий, низкий, со множеством подушек, немного потрепанный, что неудивительно, так как девочки ползали по нему еще младенцами; ловили рыбу через спинку, скакали верхом на ручках, устраивали под ним зверинец, когда были детьми, и покоили усталые головы, мечтали, вели нежные беседы, став взрослыми. Они все любили его, и он был прибежищем для каждого члена семьи, а один

его угол издавна стал излюбленным местом Джо. Среди множества подушек, украшавших почтенный диван, был и жесткий круглый валик, покрытый грубой колючей тканью и снабженный твердой выпуклой пуговицей на каждом конце. Этот неприятный валик был исключительной собственностью Джо и использовался как оружие для самозащиты, баррикада или предупредительное средство против слишком продолжительной дремы.

Аори хорошо знал этот валик и имел причины питать к нему глубокое отвращение. Этим валиком его немилосердно тузили в прежние дни, когда еще позволялась веселая возня, а теперь тем же валиком лишали возможности занять возделенное место на диване — в углу, рядом с Джо. Если «колбаса», как они его называли, стояла вертикально, то был знак, что Лори может приблизиться и расположиться на отдых, но, если она лежала поперек дивана, горе тому мужчине, женщине или ребенку, который смел тронуть ее! В тот вечер Джо забыла забаррикадироваться в своем углу. Она не просидела там и пяти минут, как рядом с ней появилась массивная фигура и, раскинув обе руки на спинке дивана и вытянув обе длинные ноги перед собой, Лори заявил со вздохом удовлетворения:

— Вот так, дешево и сердито.

— Без вульгарностей, — отрывисто отозвалась Джо, опрокидывая валик.

Но было слишком поздно, для валика не было места, и, приземлившись на полу, он тут же исчез самым таинственным образом.

— Ну, Джо, не будь такой колючей. Если человек всю неделю учится так, что к концу ее похож на скелет, он заслуживает, чтобы его пожалели и приласкали.

— Бесс приласкает тебя, мне некогда.

— Нет, ее нельзя беспокоить; но ты это любишь, если только не потеряла вдруг вкус к таким занятиям. Неужели потеряла? Неужели ты ненавидишь своего мальчика и собираешься швырять в него подушками?

Речь, более вкрадчивую, чем этот трогательный призыв, редко приходилось слышать, но Джо не оставила надежд «своему мальчику», обернувшись к нему с суровым вопросом:

— Сколько букетов ты послал мисс Рэндл за эту неделю?

— Ни одного, честное слово. Она помолвлена. А что такое?

— Я рада; это была одна из твоих дорогостоящих причуд — посылать цветы и все такое девушкам, до которых тебе нет дела ни на грош.

— Благоразумные девушки, до которых мне есть дело, и куда больше чем «на грош», не позволяют мне посылать им «цветы и все такое». Что же мне делать? Моим чувствам нужен выход.

— Мама не одобряет тех, кто флиртует даже ради шутки, а ты, Тедди, флиртуешь направо и налево.

— Отдал бы что угодно за возможность ответить: «Как и ты», но, так как не имею ее, просто скажу, что не вижу вреда в этой приятной маленькой игре, если обе стороны понимают, что это только игра.

— Похоже, что это действительно приятно, но я никогда не могла понять, как это делается. Я пробовала, потому что чувствуешь себя неловко в компании, не занимаясь тем, чем заняты все остальные, но я, похоже, не преуспела, — сказала Джо, забыв о роли наставника.

— Бери уроки у Эми, у нее настоящий талант.

— Да, у нее это получается очень мило, и она никогда не заходит далеко. Я полагаю, это от природы: одни нравятся всем, даже не прилагая к этому усилий, а другие вечно говорят не то и не к месту.

— Я рад, что ты не умеешь флиртовать; это очень приятно — встретить разумную, прямолинейную девушку, которая может быть веселой и доброй, не делая из себя дуру. Между нами, Джо, есть среди моих знакомых девушки, которые заходят настолько далеко, что мне бывает стыдно за них. У них нет дурных намерений, я уверен, но, если бы они знали, что мы, молодые люди, говорим о них потом, они постарались бы изменить свои манеры.

— Они тоже говорят о вас, а так как языки у них острее, то вам достается больше,

потому что вы не умнее их, ничуть. Если бы вы вели себя как следует, они делали бы то же самое. Но они видят, что вам нравятся их глупости, и продолжают в том же духе, а тогда вы во всем вините их.

— Много вы об этом знаете, мэм, — сказал Лори тоном превосходства. — Мы не любим заигрывания и флирт, хоть и ведем себя иногда так, будто любим. О хороших, скромных девушках в кругу джентльменов не говорят иначе как с уважением. Невинная ты душа! Вот побывала бы на моем месте с месяц, увидела бы такое, что тебя слегка удивило бы. Честное слово, когда я вижу одну из этих легкомысленных девушек, мне всегда хочется воскликнуть вместе с нашим другом Коком Робин²⁹:

Позор тебе, долой тебя,
О, дерзкая вертушка!

Было невозможно удержаться от смеха, вызванного забавным противоречием между рыцарским нежеланием Лори дурно отзываться о женщинах вообще и его вполне естественным отвращением к тем образчикам неподобающего женщине безрассудства, которые во множестве представило ему светское общество. Джо знала, что «молодого Лоренса» рассматривали как желательную *parti*³⁰ многие практичные мамы, ему много улыбались их дочери, и лести, которую он слышал от дам всех возрастов, было вполне достаточно, чтобы сделать из него фата; поэтому она довольно ревниво следила за ним, боясь, что его испортят, и радуясь больше, чем показывала, тому, что ему все еще нравятся скромные девушки. И, неожиданно вернувшись к своему наставительному тону, она сказала, понизив голос:

— Если твоим чувствам, Тедди, нужен выход, возьми и посвети себя одной из «хороших, скромных девушек», которых уважаешь, и не теряй времени на глупых.

— Ты в самом деле мне это советуешь? — И Лори взглянул на нее со странным выражением смешанной тревоги и радости.

— Да, но лучше подожди, пока кончишь университет, а тем временем готовься к тому, чтобы посвятить себя ей. Сейчас ты еще и вполтину не так хорош, как нужно для... ну, кто бы та скромная девушка ни была. — На лице Джо тоже появилось странное выражение, так как имя чуть не сорвалось у нее с языка.

— Я знаю! — согласился Лори с выражением покорности, совершенно непривычной для него, и опустил глаза, рассеянно накручивая тесемку передника Джо себе на палец.

«Боже мой, так ничего никогда не выйдет!» — подумала Джо, добавив вслух:

— Пойди, сыграй и спой для меня. Мне до смерти хочется музыки, а твоей особенно.

— Спасибо, но я предпочел бы остаться здесь.

— Нет, это невозможно, здесь нет места. Иди и постарайся быть полезным, раз ты слишком велик, чтобы служить украшением. Мне казалось, что ты терпеть не можешь «быть привязанным к женской юбке», — сказала Джо, цитируя слова, сказанные им однажды в мятежном порыве.

— О, все зависит от того, чья это юбка! — И Лори дерзко дернул тесемку.

— Так ты идешь? — грозно спросила Джо, ныряя под диван за валиком.

Он сразу умчался, и, немного выждав, Джо потихоньку ушла, чтобы не вернуться, пока юный джентльмен не удалился, обиженный до глубины души.

В ту ночь Джо лежала без сна и едва начала засыпать, когда звуки приглушенных рыданий заставили ее броситься к постели Бесс с встревоженным:

— Что случилось, дорогая?

²⁹ Кок Робин — петушок, герой популярных английских народных стишков для детей.

³⁰ *Parti* — партия (в браке) (франц.).

— Я думала, ты спишь, — всхлипнула Бесс.

— Это прежняя боль, драгоценная моя?

— Нет, другая, новая, но я могу выносить ее. — И Бесс постаралась удержать слезы.

— Расскажи мне, что тебя мучает, и дай мне исцелить тебя.

— Ты не можешь, нет исцеления. — Голос Бесс дрогнул, и, прильнув к сестре, она заплакала так отчаянно, что Джо испугалась.

— Где у тебя болит? Позвать маму?

Бесс не ответила на первый вопрос, но в темноте одна рука невольно поднялась к сердцу, словно боль была там, а другая еще крепче сжала руку Джо.

— Нет, нет, не зови ее, не говори ей, — горячо зашептала Бесс. — Мне скоро станет легче. Полежи со мной и «пожалей» мою бедную голову. Я успокоюсь и засну, правда, засну.

Джо повиновалась, но, пока ее рука нежно скользила по горячему лбу и мокрым щекам Бесс, ее сердце переполнялись чувства и ей очень хотелось заговорить. Но как ни была Джо молода, она уже знала, что сердце, как цветы, — их нельзя открыть силой, они должны раскрыться сами; так что хотя Джо и полагала, что знает причину страданий Бесс, она только лишь спросила самым нежным тоном:

— Что-то беспокоит тебя, дорогая? После долгой паузы прозвучал ответ:

— Да, Джо.

— Разве тебе не станет легче, если ты скажешь мне, что тебя беспокоит?

— Сейчас — нет, пока — нет.

— Тогда я не буду задавать вопросов, но помни, что мама и я всегда рады выслушать тебя и помочь, если можем.

— Я знаю. Я скажу вам — потом.

— Боль отпустила?

— О да, мне гораздо легче; с тобой так хорошо, Джо!

— Усни, дорогая. Я останусь с тобой.

Так, щека к щеке, они уснули, а утром Бесс, казалось, была такой, как обычно, ибо в восемнадцать лет ни голова, ни сердце не болят долго, а ласковое слово может помочь преодолеть большинство невзгод.

Но Джо уже приняла решение и, за несколько дней обдумав план действий, поделилась им с матерью.

— На днях ты спрашивала меня о моих желаниях, мама. Я скажу тебе об одном, — начала она, когда они сидели вдвоем. — Я хотела бы, для разнообразия, уехать куда-нибудь на зиму.

— Почему, Джо? — И мать быстро подняла глаза, словно это был не только вопрос, но и возражение.

Не отрывая взгляда от шитья, Джо ответила серьезно:

— Я хочу чего-то нового. Я испытываю беспокойство и стремление видеть, делать и узнавать больше, чем сейчас. Я слишком много раздумываю о своих собственных маленьких делах, мне нужно взбодриться. Так что если в эту зиму можно обойтись без меня, я хотела бы вылететь из гнезда и полетать где-нибудь недалеко, попробовать крылышки.

— Куда же ты хочешь полететь?

— В Нью-Йорк. Вчера мне пришла в голову отличная идея. Вот она. Помнишь, миссис Кирк писала тебе о том, что ищет какую-нибудь заслуживающую доверия молодую особу, которая помогла бы ей приглядывать за детьми и шить? Довольно сложно найти именно такую, какую нужно, но я думаю, что сгожусь, если постараюсь.

— Дорогая моя, уехать, чтобы служить в этом огромном пансионе миссис Кирк! — Миссис Марч взглянула на нее удивленно, но без неудовольствия.

— Это не совсем то, как если бы я поступила в услужение, ведь миссис Кирк — твой друг. Нет на свете души добрее, она постарается сделать мою жизнь там приятной, я знаю. Ее семья живет отдельно от самого пансиона, и никто меня там не знает. Да если и знают, мне все равно. Это честный труд, и я его не стыжусь.

— Я тоже. Но как же твое писательство?

— Перемена лишь пойдет мне на пользу. Я увижу и услышу много нового, наберусь новых идей, пусть даже там у меня и не будет времени, чтобы писать. Домой я вернусь с богатым материалом для моей новой чепухи.

— В этом я не сомневаюсь, но скажи, это единственная причина для такой неожиданной фантазии?

— Нет.

— Могу ли я узнать о других?

Джо подняла глаза, Джо их опустила, затем сказала медленно, вдруг залившись румянцем:

— Может быть, тщеславно и нехорошо говорить это, но... боюсь... Лори становится слишком нежен ко мне.

— Значит, ты не отвечаешь ему той же любовью, какую он, по-видимому, начинает испытывать к тебе?

— Что ты! Конечно, нет! Разумеется, я люблю дорогого мальчика так, как всегда любила, и очень горжусь им, но насчет большего... Об этом не может быть и речи.

— Я рада этому, Джо.

— Но почему?

— Потому, дорогая, что, на мой взгляд, вы не подходите друг другу. Как друзья вы очень счастливы, а ваши частые ссоры быстро проходят и забываются, но боюсь, вы оба скоро взбунтовались бы, если бы были связаны друг с другом на всю жизнь. Вы слишком похожи и слишком любите свободу, не говоря уже о том, что оба обладаете горячим темпераментом и сильной волей, что помешало бы вам быть счастливыми вместе, так как супружеские отношения требуют бесконечного терпения и снисходительности друг к другу, а не только любви.

— Именно это я и чувствую, хотя не могла выразить словами. Я рада, что, на твой взгляд, его привязанность только начинает зарождаться. Мне было бы очень грустно, если бы он стал несчастным из-за меня. Но не могу же я влюбиться в славного старину Лори просто из благодарности, правда?

— Ты уверена в его чувствах к тебе?

Джо ответила, покраснев еще сильнее, с выражением, в котором слились радость, гордость и боль и с которым юные девушки всегда говорят о своих первых поклонниках:

— Боюсь, это так, мама. Он еще не сказал ничего, но смотрит так выразительно. Я думаю, мне лучше уехать, пока это еще ни к чему не привело.

— Я согласна с тобой, и, если есть возможность уехать, ты должна это сделать.

Джо, казалось, была обрадована и, помолчав, сказала с улыбкой:

— Как удивилась бы миссис Моффат, что ты так на это смотришь, и как она обрадуется, что у Энни еще есть шанс.

— Ах, Джо, матери смотрят на это по-разному, но надежда одна у всех — видеть своих детей счастливыми. Мег счастлива, и я довольна ее положением. Тебя я оставляю наслаждаться свободой, пока не надоест, так как только тогда ты поймешь, что есть в жизни и нечто более приятное. Главная моя забота сейчас — Эми, но ей поможет ее благоразумие. Относительно Бесс я не питаю никаких надежд, кроме той, что она будет здорова. Кстати, она кажется веселее в последние дни. Ты говорила с ней?

— Да, и она призналась, что ее что-то мучает, и обещала I со временем рассказать мне об этом. Я не стала больше ни о чем спрашивать ее, так как, кажется, знаю причину. — И Джо изложила свою версию.

Миссис Марч покачала головой и не согласилась разделить столь романтическую точку зрения, но выглядела огорченной и повторила свое мнение о том, что ради Лори Джо должна на время уехать.

— Мы ничего не скажем ему заранее, а когда все будет готово, я исчезну, прежде чем он опомнится и начнет делать из этого трагедию. Пусть Бесс думает, что я еду ради

собственного удовольствия, — так оно, впрочем, и есть. Я не могу поговорить с ней о Лори, но она сможет приласкать и утешить его, когда я уеду, и так вылечит его от романтических идей. Он столько раз прошел через подобного рода мелкие испытания, что привык к ним, и скоро избавится от своей безнадежной любви.

Джо говорила с надеждой, но не могла отделаться от недоброго предчувствия, что это «мелкое испытание» окажется тяжелее других и что Лори не так скоро избавится от «безнадежной любви», как избавлялся до сих пор.

План был обсужден на семейном совете и одобрен. Миссис Кирк написала, что будет рада принять Джо и постарается хорошо устроить ее у себя. Работа обеспечит ей материальную независимость, а свой досуг она сможет сделать доходным, занимаясь литературой; в то же время новые впечатления и знакомства будут и приятны, и полезны. Джо привлекала такая перспектива, и она горела желанием уехать — семейное гнездо становилось слишком тесным для ее деятельной натуры и мятежного духа. Когда все было окончательно решено, она со страхом и трепетом сказала Лори о своем отъезде, но, к ее удивлению, он принял это очень спокойно. В последнее время он стал серьезнее, чем обычно, но оставался все таким же милым и любезным, а когда его шутливо обвинили в том, что он опять «начинает новую страницу», ответил серьезно:

— Да, и хочу, чтобы предыдущая осталась перевернутой навсегда.

Джо испытывала большое облегчение от того, что приступ добродетельности случился у него именно в этот период, и готовилась к отъезду с легким сердцем — поскольку Бесс казалась более веселой — и надеясь, что поступает так, как лучше для всех.

— Я хочу поручить кое-что твоей особой заботе, — сказала она Бесс перед отъездом.

— Твои бумаги?

— Нет, моего мальчика. Будь очень добра к нему, хорошо?

— Конечно буду, но я не смогу заменить тебя, и ему будет очень грустно без его Джо.

— Это ему не повредит; помни, я оставляю его на твое попечение — мучить, баловать и обуздывать.

— Я постараюсь, ради тебя, — обещала Бесс, удивляясь, почему Джо смотрит на нее так странно.

Прощаясь, Лори шепнул со значением:

— Бесполезно, Джо. Я слежу за тобой, так что думай, что делаешь, или я приеду и увезу тебя домой.

Глава 10

Дневник Джо

Нью-Йорк, ноябрь

Дорогие мои мама и Бесс,

я собираюсь написать вам целый том! У меня куча новостей, хоть я и не очаровательная юная леди, путешествующая по Европе. Когда милое папино лицо скрылось из виду, я чуть погрустнела и вполне могла бы пролить пару горьких слез, если бы меня не отвлекло ирландское семейство с четырьмя малышами, которые плакали один громче другого; и я забавлялась тем, что кидала кусочки имбирной коврижки на их скамью, как только они открывали рты, чтобы зареветь.

Скоро вышло солнце, и, приняв это за доброе предзнаменование, я от всей души радовалась поездке.

Миссис Кирк встретила меня так доброжелательно, что я сразу почувствовала себя как дома, хотя в этом большом пансионе полно незнакомых людей. Она отвела мне забавную маленькую гостиную под самой крышей — единственная свободная комната, какая у нее

есть, — но там стоит печь и отличный стол у солнечного окна, так что я могу сидеть там и писать, если захочу. Отличный вид из окна и шпиль церкви, стоящей напротив, позволяют примириться с высокой лестницей, и я сразу полюбила свою берлогу. Детская, где мне предстоит заниматься с двумя девочками и шить, — очень уютная комната рядом с комнатой самой миссис Кирк, а девочки — очаровательные малышки, правда довольно избалованные, но я понравилась им, когда рассказала сказку про «семь непослушных поросят», и не сомневаюсь, что стану образцовой гувернанткой.

Есть я буду с детьми, если предпочту детскую большой общей столовой, и пока я предпочитаю, так как я *застенчива*, хоть никто этому не поверит.

— Ну вот, дорогая, будь как дома, — сказала мне по-матерински ласково миссис Кирк. — Я на ногах с утра до ночи, как нетрудно догадаться, с такой огромной «семьей». Но ты снимешь большой груз с моих плеч, если я буду знать, что дети под присмотром. Мои комнаты всегда открыты для тебя, а твою собственную я постараюсь сделать как можно уютнее. Если хочешь общества, в пансионе есть очень симпатичные люди, а по вечерам ты всегда свободна. Приходи ко мне, если что не так, и чувствуй себя как дома. О, звонок к чаю! Я должна бежать и переменить чепец. — И она торопливо ушла, оставив меня устраиваться в моем новом гнезде.

Когда вскоре после этого я спускалась вниз по лестнице, мое внимание привлекло нечто такое, что мне понравилось. Лестничные пролеты в этом высоком доме очень длинные, и мне пришлось остановиться на площадке третьего этажа, чтобы подождать, пока поднимется маленькая служанка, тащившая наверх ведро с углем. Вдруг я увидела, что ее нагнал какой-то мужчина, взял у нее тяжелое ведро и понес наверх, затем поставил возле одной из дверей и, добродушно кивнув, сказал с иностранным акцентом:

— Так лучше. Твоя маленькая спина слишком молода для такой тяжести.

Разве не мило с его стороны? Мне нравятся такие поступки — как папа говорит, характер проявляется в мелочах. Когда в тот вечер я упомянула об этом в разговоре с миссис Кирк, она засмеялась и сказала:

— Это, должно быть, профессор Баэр: он всегда делает такие вещи.

Миссис Кирк сказала мне, что он из Берлина, очень ученый и добрый, но беден как церковная мышь и зарабатывает уроками на жизнь себе и двум маленьким племянникам-сиротам, которых воспитывает здесь, в Америке, в соответствии с желанием его сестры, которая была замужем за американцем. Не очень романтическая история, но меня она заинтересовала, и я обрадовалась, когда услышала, что миссис Кирк сдает ему свою гостиную для занятий с некоторыми из его учеников. Между этой гостиной и детской стеклянная дверь, и я собираюсь бросить на него взгляд, когда он придет, и тогда расскажу вам, как он выглядит. Ему почти сорок, мама, так что ничего плохого в этом нет.

После чая и возни с укладыванием девочек в постель я взялась за большую рабочую корзинку и провела тихий вечер, беседуя с моей новой подругой. Я буду вести письменник и посылать вам раз в неделю. Так что доброй ночи, продолжение — завтра.

Вечер вторника

Ну и времечко у меня было сегодня утром в детской! Дети расшалились, и я даже подумала, не встряхнуть ли их как следует. Некий добрый дух навел меня на мысль занять их гимнастикой, и я применяла это средство, пока они не устали и не захотели посидеть спокойно. После завтрака служанка пошла с ними на прогулку, а я взялась за шитье, подобно маленькой Мейбл, с «готовностью духа»³¹. Я благодарила свою счастливую звезду за то, что научилась хорошо обметывать петли, когда вдруг дверь гостиной открылась и закрылась и

³¹ «Маленькая Мейбл. Подлинная история» — английская повесть для детей, одна из многих, изданных в середине XIX века автором, скрывшимся под инициалами «М.С.Е.В.».

кто-то принялся напевать «Kennst du das Land»³², словно большой шмель. Конечно, я знаю, это было ужасно неприлично, но я не могла противиться искушению и, приподняв один конец портьеры, за которым находится стеклянная дверь, заглянула в гостиную. Там был профессор Баэр, и, пока он раскладывал на столе свои книги, я разглядывала его. Настоящий немец — довольно плотный, с темными волосами, взъерошенными на всей голове, пышная борода, внушительный нос, добрейшие глаза и прекрасный глубокий голос, очень приятный для слуха после нашего американского, резкого или небрежного, бормотания. Костюм на нем выцветший, руки большие, а в лице нет ни одной по-настоящему красивой черты, кроме великолепных зубов, однако он мне понравился. У него превосходная голова, хорошее белье — он выглядел как джентльмен, хотя на сюртуке не хватало двух пуговиц, а на одном башмаке я увидела заплату. Он выглядел очень серьезным, несмотря на то что напевал. Потом он улыбнулся, подошел к окну и повернул к солнцу бутоны гиацинтов, погладил кошку, встретившую его как старого друга, а когда раздался стук в дверь, откликнулся звучно и оживленно:

— Herein!³³

Я уже собралась опустить портьеру, как вдруг увидела, что в гостиную вбежала малышка, тащившая большую книжку. Я остановилась посмотреть, что будет дальше.

— Мне нужен мой Баэр, — сказала крошка, уронив свой толстый том и подбегая к профессору.

— Фот тебе тфой Баэр. Иди сюда, и он обнимет сфю Тину, — сказал профессор, подняв ее со смехом и держа так высоко над головой, что ей пришлось наклониться, чтобы поцеловать его.

— Тепель я должна учить улок, — продолжила забавная малышка.

Он посадил ее за стол, открыл большой словарь, который она принесла, и дал ей бумагу и карандаш. И она принялась писать, то и дело переворачивая страницы словаря и водя по ним пухлым пальчиком в поисках слова, да так серьезно, что я чуть не выдала себя смехом, а мистер Баэр стоял рядом, отечески смотрел на нее и гладил ее красивые волосы, так что я даже подумала, что она его дочка, хотя она больше похожа на француженку, чем на немку.

Новый стук в дверь — появление двух девушек заставило меня вернуться к моей работе, и я добродетельно оставалась на своем месте в течение всего урока, несмотря на шум и разговор за дверью. Одна из девушек все время смеялась притворным смехом и повторяла: «Что вы, профессор!» — кокетливым тоном, а другая произносила немецкие слова с таким акцентом, что ему, должно быть, трудно было оставаться серьезным. Обе, похоже, жестоко испытывали его терпение. Я не раз слышала, как он говорит выразительно: «Нет, нет, не так, фы не слушаете, что я гофोरю», а один раз — громкий звук, словно кто-то стукнул по столу книгой, и полное отчаяния восклицание: «Фу! Фсе сегодня идет плохо».

Бедняга, мне стало очень жаль его, и, когда девушки ушли, я заглянула еще раз, чтобы посмотреть, как он все это перенес. Он сидел, устало откинувшись на спинку стула, с закрытыми глазами, а когда часы пробили два, вскочил, сунул свои книги в карман и, взяв маленькую Тину, которая уснула на диване, тихо унес ее. Я думаю, жизнь у него тяжелая.

Миссис Кирк спросила меня сегодня, спущусь ли я в пять часов в общую столовую на обед, и, так как мне немного одиноко, я подумала, что, пожалуй, спущусь, — просто посмотреть, что за люди живут со мной под одной крышей. Так что я позаботилась о том, чтобы выглядеть вполне прилично, и постаралась незаметно проскользнуть в столовую, спрятавшись за спину миссис Кирк. Но она маленького роста, а я высокая, и моя попытка оказалась неудачной. Она посадила меня рядом с собой, и, когда мое лицо поостыло, я

³² Kennst du das Land — «Ты знаешь ли край...» (нем.), начальные слова песни Миньоны из романа Иоганна Вольфганга Гете «Годы учения Вильгельма Мейнстера» (1795).

³³ Herein — Войдите (нем.).

набралась смелости и огляделась. За длинным столом почти не было свободных мест, и каждый из присутствующих был увлечен своим обедом — особенно мужчины, которые, казалось, ели по расписанию, заглатывая еду и тут же исчезая. Здесь был обычный набор из молодых людей, занятых только своей особой, молодых пар, занятых только друг другом, замужних дам, занятых только своими детьми, старых джентльменов, занятых только политикой. Не думаю, что мне захочется иметь дело с кем-либо из них, кроме одной незамужней леди приятной наружности, в которой, похоже, что-то есть.

Далеко от меня, на самом конце стола, сидел профессор, кричавший ответы на вопросы одного очень любознательного глухого старика справа и беседуя о философии с французом слева. Будь здесь Эми, она повернулась бы спиной к нему навсегда, потому что, как я с сожалением вынуждена заметить, у него огромный аппетит и он так орудовал ложкой, что привел бы в ужас «ее милость». Меня это не смущает, мне приятно «видеть, что люди едят со вкусом», как выражается Ханна, а бедняге, должно быть, надо немало еды после того, как он весь день учил идиотов.

Когда я поднималась к себе после обеда, два молодых человека надевали шляпы перед высоким зеркалом, и я услышала, как один тихо сказал другому:

- Кто эта новая?
- Гувернантка или что-то в этом роде.
- Какого же черта она сидит с нами за столом?
- Друг старой леди.
- Красивая голова, но никакого вкуса.
- Ни капли. Дай огонька и пошли.

Сначала я рассердилась, но потом мне стало наплевать, ведь гувернантка ничем не хуже клерка, и у меня есть здравый смысл, если нет вкуса, но и вкуса у меня побольше, чем у некоторых, если судить по тем замечаниям, какие делают эти утонченные существа, затопавшие прочь, дымя как нечищенные печные трубы. Ненавижу заурядных людей!

Четверг

Вчерашний день прошел спокойно — занималась с детьми, шила, писала в моей маленькой комнате, где очень уютно с лампой и камином. Узнала еще кое-что об обитателях пансиона и была представлена профессору.

Оказалось, что Тина — дочь гладильщицы-француженки, которая работает в прачечной при пансионе, гладит тонкое белье. Малышка прямо влюблена в мистера Баэра, бегают за ним по пятам точно собачонка, когда он дома, и он очень рад, так как любит детей, хоть и «холоштяк». Китти и Минни Кирк тоже говорят о нем с любовью, рассказывают об играх, которые он придумывает, о подарках, которые приносит, о замечательных сказках, которые рассказывает. Молодые люди в пансионе, похоже, подшучивают над ним: зовут его Старый Фриц, Пенистое и Косолапый³⁴ и придумывают всевозможные шутки с его именем. Но он только радуется этому, как мальчишка, и принимает все поддразнивания так добродушно, что все любят его, несмотря на его иностранные манеры и привычки.

Незамужняя леди, о которой я говорила, — мисс Нортон — богатая, добрая и культурная. Она заговорила сегодня со мной за обедом (так как я опять ходила в столовую; так интересно наблюдать за людьми!) и пригласила меня к себе в комнату. У нее много хороших книг, картин, она знакома с известными людьми и очень дружелюбна, так что я постаралась ей понравиться, потому что я *хочу* попасть в «лучшее общество», хотя и не того рода «лучшее общество», какое нравится Эми.

Вчера вечером я сидела в гостиной, когда вошел мистер Баэр с газетами для миссис

³⁴ Старый Фриц — прозвище германского императора Фридриха Великого (1712 — 1786); немецкая фамилия Баэр созвучна английским словам beer (пиво) и bear (медведь).

Кирк. Ее не было, но Минни — маленькая старушка — очень мило представила:

— Это мамина подруга, мисс Марч.

— Да, и она веселая, и мы ее очень любим, — добавила Китти, *enfant terrible*³⁵.

Мы поклонились друг другу, а затем рассмеялись, потому что чопорное представление и неожиданное добавление к нему представляли собой довольно забавный контраст.

— Да, да, я слышал, что эти озорницы досаждают вам, мисс Марч. Если такое повторится, позовите меня, — сказал он, грозно хмурясь, что привело маленьких негодниц в восторг.

Я обещала так и поступить, и он ушел; но, похоже, я обречена видеть его часто, так как сегодня, проходя мимо его двери, когда отправлялась на прогулку, я случайно стукнула по ней зонтиком. Она распахнулась, и там стоял он, в халате, с большим синим носком в одной руке и штопальной иглой в другой; он, кажется, совсем не был этим смущен, и, когда я объяснила, что произошло, и поспешила дальше, он помахал мне вслед рукой, в которой держал носок, и сказал громко и весело, как всегда:

— Хорошая погода для прогулки. *Bon voyage, mademoiselle*³⁶.

Я смеялась всю дорогу, пока спускалась по лестнице, но было также немного грустно при мысли о бедняге, которому приходится самому чинить свою одежду. Я знаю, немецкие мужчины вышивают, но штопка носков — другое дело, да и не так красиво.

Суббота

Не произошло ничего такого, о чем стоит писать, кроме визита к мисс Нортон. В ее комнате полно прелестных вещей, и сама она была очаровательна — показала мне все свои сокровища и попросила иногда выходить с ней на лекции и концерты для компании — если я захочу. Она просила об этом как об одолжении, но я уверена, что миссис Кирк рассказала ей о нас, и она пригласила меня, желая оказать любезность. Я горда как Люцифер³⁷, но такие благодеяния от таких людей меня не тяготят, и я приняла предложение с благодарностью.

Когда я вернулась в детскую, за стеклянной дверью был такой шум, что я заглянула в гостиную. Там на четвереньках стоял мистер Баэр — с Тиной на спине. Китти водила его на скакалке, Минни кормила печеньем двух маленьких мальчиков, а они рычали и метались в клетках, построенных из стульев.

— Мы играем в зверинец, — объяснила Китти.

— Это мой слон! — добавила Тина, держась за волосы профессора.

— Мама всегда позволяет нам делать, что мы хотим, по субботам, когда Франц и Эмиль приходят в гости. Ведь правда, мистер Баэр? — сказала Минни.

«Слон» сел, глядя на меня так же серьезно, как остальные, и сказал:

— Даю вам слово, что это так. Если мы слишком расшумимся, скажите нам: «Тихо!» — и мы станем потише.

Я обещала, но оставила дверь открытой и наслаждалась весельем не меньше, чем они, — свидетелем более великолепных шалостей мне еще не приходилось быть. Они играли в пятнашки и в солдатики, танцевали и пели, а когда стало темнеть, все забрались на диван и сидели вокруг профессора, который рассказывал им чудесные сказки об аистах на трубах домов и о маленьких кобольтах³⁸, которые скачут верхом на падающих снежинках. Я очень

³⁵ *enfant terrible* — ужасный ребенок (франц.).

³⁶ *bon voyage, mademoiselle* — счастливого пути, мадемуазель (франц.).

³⁷ Люцифер — в христианской мифологии повелитель ада, олицетворение зла, гордыни.

³⁸ *kobold* — гном, домовый (нем.).

хотела бы, чтобы американцы были такими же простыми и естественными, как немцы, а вы?

Мне очень нравится писать вам, и моему письму не было бы конца, если бы не соображения экономии, так как хотя я пишу мелко и на тонкой бумаге, меня все же бросает в дрожь при мысли о марках, которые потребуются для этого длинного письма. Перешли мне письма Эми, как только вы все их прочитаете. Мои скромные новости прозвучат очень невыразительно после всего ее великолепия, но тебе они понравятся, я знаю. Неужели Тедди учится так напряженно, что не может найти времени, чтобы написать старым друзьям? Заботься о нем хорошенько, Бесс, ради меня и Расскажи мне все о малютках и всем передай привет

от твоей верной Джо.

P.S. Когда я перечитала это письмо, оно показалось мне слишком «Баэрным», но меня всегда интересуют необычные люди, и к тому же мне, право, почти не о чем больше писать. Благослови вас Господь, дорогие!

Декабрь

Драгоценная моя Бетси,

так как это письмо обещает быть сумбурным, я адресую его тебе — может быть, тебя оно развлечет и даст представление о моем житье-бытье; хоть и тихое оно, но все же довольно интересное, чему — о, возрадуйся!

В результате того, что Эми назвала бы «геркуланумовыми усилиями»³⁹ в сфере умственного и духовного садоводства, мои юные подопечные начали расти, а их маленькие веточки загигать туда, куда я хочу. Они не так интересны для меня, как Тина или мальчишки, но я исполняю мой долг по отношению к ним, и они меня любят. Франц и Эмиль — отличные ребята, вполне в моем вкусе, так как смесь немецкого и американского духа вызывает постоянное бурное кипение их натур. В субботу после обеда наступает шумное время, независимо от того, проводится ли оно дома или на улице; в хорошие дни все выходит на прогулку, как целая школа, а профессор и я поддерживаем порядок, и тогда — какое веселье!

Теперь мы с профессором очень хорошие друзья, и я тоже начала брать у него уроки. Все произошло само собой и так забавно, что я должна тебе об этом рассказать. Начну сначала. Однажды, когда я проходила мимо двери мистера Баэра, где убирала миссис Кирк, она окликнула меня:

— Видели вы когда-нибудь такую берлогу, моя дорогая? Зайдите и помогите мне расставить эти книги, а то я перевернула все вверх дном, пытаюсь выяснить, куда он дел шесть носовых платков, которые я дала ему недавно.

Я вошла, и пока мы работали, огляделась — вот уж действительно «берлога». Повсюду книги и бумаги, пенковая трубка и старая флейта на каминной полке; на сиденье у одного окна пищит в клетке потрепанная птичка без хвоста, другое украшает коробка с белыми мышами; недоделанные кораблики и кусочки шнурка среди рукописей, у огня сушатся грязные маленькие ботинки; а следы дорожек, любимых мальчишек, рабом которых он стал, видны по всей комнате. После долгих поисков удалось обнаружить три из шести пропавших платков — один на птичьей клетке, другой в чернилах, а третий обгоревший, его использовали как прихватку.

— Ну что за человек! — засмеялась добродушная миссис Кирк, сунув остатки в мешочек с лоскутками. — Я думаю, другие три разорваны, чтобы оснастить кораблики, перевязать порезанные пальцы или сделать хвост воздушному змею. Это ужасно, но я не могу его отругать: он такой рассеянный и добродушный и позволяет этим мальчишкам его

³⁹ Правильно «геркулесовые усилия». Геркуланум — римский город в Италии, частично разрушен и засыпан вулканическим пеплом при извержении Везувия в 79 г. н.э.

тиранить. Я согласна взять на себя стирку и починку его вещей, но он забывает их мне отдавать, а я забываю их искать, так что иногда он оказывается в плачевном положении.

— Позвольте мне починить его вещи, — сказала я. — Мне нетрудно, а ему незачем об этом знать. Я буду рада сделать это — он так добр ко мне, приносит мои письма с почты, одалживает книги.

Я привела в порядок его вещи и связала пятки в две пары носков, потому что он испортил их форму своей неумелой штопкой. Мы ни о чем не говорили ему, и я надеялась, что он ни о чем не узнает, но на прошлой неделе он поймал меня за этим занятием. Когда я сижу в детской, Тина часто вбегает и выбегает, оставляя дверь в гостиную открытой, так что я могу слушать уроки, которые он дает другим. И они так меня заинтересовали и увлекли, что я решила тоже поучиться. Я сидела у двери, кончая последний носок и пытаюсь понять, что он говорит новой ученице, такой же глупой, как я. Потом девушка ушла, и я думала, он тоже ушел, — было так тихо. И я усердно бубнила какой-то глагол и раскачивалась в качалке самым нелепым образом, когда какие-то негромкие странные звуки заставили меня поднять глаза. В дверях стоял мистер Базр, он смотрел на меня, смеялся тихонько и делал Тине знаки не выдавать его.

— Вот так! — сказал он, когда я встала и глупо уставилась на него. — Вы подглядываете за мной, я за вами — и это неплохая идея... Но послушайте, я не шучу, хотите учить немецкий?

— Да, но вы слишком заняты, а я слишком бестолковая, — выпалила я, покраснев как рак.

— Ничего, мы найдем время и сумеем найти способности. Вечером я дам вам маленький урок с большим удовольствием, так как — взгляните, мисс Марч, — у меня есть долг, который я должен заплатить. — И он указал на мою работу. — «Да, — сказали они, эти добрые женщины, — он глупый старина, он не поймет, что мы делаем, он никогда не заметит, что на пятках его носков больше нет дыр, он будет думать, что новые пуговицы вырастают сами, когда оторвутся старые, и верить, что разорванные шнурки срастаются». Но у меня есть глаза, и я вижу многое. У меня есть сердце, и я благодарен вам. Приходите! Маленький урок время от времени — или никаких трудов доброй феи для меня и моих мальчиков.

Конечно, я ничего не могла возразить ему, и, так как это действительно прекрасная возможность учиться, я пошла на сделку — и мы начали. Я взяла четыре урока и затем крепко засела в грамматическом болоте. Профессор был очень терпелив, но я думаю, это была для него пытка, и иногда он смотрел на меня с таким выражением кроткого отчаяния, что я не знала, засмеяться мне или заплакать. Я пробовала и то и другое, а когда дело дошло до шмыганья носом от крайнего унижения и отчаяния, он бросил грамматику на пол и вышел из комнаты. Я чувствовала себя опозоренной и покинутой навек, но ничуть не винила его, а принялась торопливо собирать мои бумаги, чтобы броситься к себе наверх и хорошенько себя встряхнуть. Но тут вошел он, оживленный и сияющий, словно я уже покрыла себя славой.

— Мы попробуем по-другому. Мы с вами прочитаем вместе эту милую маленькую *Marchen*⁴⁰ и не будем копаться в этой скучной книжке, которая пойдет в угол за то, что огорчила нас.

Он говорил так ласково и так любезно раскрыл передо мной томик Андерсена, что мне стало ужасно стыдно и я принялась за урок с отчаянной решимостью, чем, кажется, чрезвычайно позабавила профессора. Я забыла свою застенчивость и вкалывала (никакое другое слово не может этого выразить) вовсю, спотыкаясь на длинных словах, произнося по наитию и стараясь изо всех сил. Когда я кончила первую страницу и остановилась, чтобы перевести дух, он захлопал в ладоши и воскликнул, как всегда от души:

⁴⁰ *marchen* — сказка (нем.).

— Das ist gut⁴¹! Теперь идет хорошо! Моя очередь. Я читаю, вы слушаете.

И он принялся за дело, грохоча слова своим сильным голосом и с наслаждением, которое было приятно видеть, так же как и слышать. К счастью, это была сказка «Стойкий оловянный солдатик», забавная, как ты помнишь, и я могла смеяться — и смеялась, хотя не понимала половины того, что он читал; я не могла удержаться — он был так серьезен, а я так возбуждена, и все вместе так смешно.

После этого дела у меня пошли лучше, и теперь я читаю довольно хорошо. Мне подходит такой способ обучения, и я глотаю грамматику в сказках и стихах, как горькие пилюли в варенье. Мне очень нравится, и ему, кажется, это еще не надоело — очень мило с его стороны, правда? Я хочу сделать ему подарок на Рождество. Посоветуй мне что-нибудь хорошее, мама.

Я рада, что Лори выглядит довольным и занятым, что он бросил курить и отрастил волосы. Видишь, Бесс справляется с ним лучше, чем я. Я не ревную, дорогая, старайся, только не делай его святым. Боюсь, я не смогу любить его без примеси человеческой греховности. Прочитай ему отрывки из моих писем. У меня нет времени писать всем отдельно, и так сойдет. Слава Богу, что Бесс чувствует себя хорошо.

Январь

Счастливого Нового года всем вам, родные мои, включая, конечно, и мистера Л., и молодого человека по имени Тедди. Не могу описать, как меня порадовала ваша рождественская посылка, которую я получила только поздно вечером, когда уже потеряла всякую надежду. Ваше письмо пришло утром, но вы не упоминали о посылке — хотели сделать сюрприз; я была разочарована, так как до этого у меня было «смутное предчувствие», что вы меня не забудете. Я была немного грустной, поднявшись после чая в мою комнату, и когда мне принесли большую, забрызганную грязью, потрепанную посылку, я просто обхватила ее обеими руками и заплакала. Она была такая *домашняя*, желанная и неожиданная, что я села рядом с ней на пол и читала, и рассматривала, и ела, и смеялась, и плакала, как это у меня всегда по-дурацки бывает. В ней было именно то, чего я хотела, и гораздо лучше, что все самодельное, а не покупное. Новый «чернильный передник» Бесс великолепен, а коробка имбирных пряников Ханны — просто клад. И я непременно буду носить теплое белье, которое ты, мама, прислала, и внимательно прочту все книги, которые папа отметил. Спасибо вам всем огромное, огромное!

Заговорила о книгах, и это напомнило мне, что я стала в этом отношении богаче — на Новый год мистер Баэр подарил мне красивый, большой том Шекспира, тот самый, которым он очень дорожил и которым я часто восхищалась, разглядывая полку, где Шекспир стоял на почетном месте рядом с немецкой Библией, Платоном, Гомером и Мильтоном. Так что можете вообразить, что я почувствовала, когда он принес ее, раскрыл и показал мне надпись: «Мисс Марч от ее друга Фридриха Баэра».

— Вы часто говорите, что хотели бы иметь библиотеку. Я дарю одну, так как под этой крышкой (он имел в виду обложку) много книг в одной. Читайте Шекспира внимательно, и он очень поможет вам. Исследование характеров, которое вы найдете в этой книге, научит вас читать их в жизни и изображать вашим пером.

Я горячо поблагодарила и теперь говорю «моя библиотека», словно у меня сотня томов. Я и не знала прежде, как много можно найти в пьесах Шекспира, потому что не было рядом никакого Баэра, чтобы мне это объяснить. И не смейтесь над его ужасным именем; оно произносится не Беаг или Веер, а что-то среднее, как только немцы могут произнести. Я рада, что вам обоим понравилось все, рассказанное о нем в моих письмах, и надеюсь, что вы когда-нибудь сможете с ним познакомиться. Маме понравится его доброе сердце, а папе

⁴¹ das ist gut! — это хорошо! (нем.).

умная голова. Я восхищена и тем и другим и чувствую, что обрела сокровище в моем новом «друге Фридрихе Базре».

Денег у меня немного, и, не зная, что он любит, я просто купила несколько мелочей и разложила в его комнате, чтобы он нашел их неожиданно для себя. Они были полезные, красивые или забавные, — новый чернильный прибор, вазочка для его цветка — у него всегда стоит цветок или зеленая веточка в стакане для оживления обстановки, как он говорит, — и прихватка для кочерги, чтобы ему не приходилось каждый раз сжигать то, что Эми называет *mouchoir*⁴².

Я сшила ее, взяв за образец те, что придумала и делает Бесс, — большая бабочка с толстым тельцем, черно-желтыми крыльями, вышитыми шерстью усиками и глазами-бусинками. Она очень пришлась ему по вкусу, и он поставил ее на каминную полку как предмет украшения — так что этот подарок все же оказался неудачным. Хотя он и беден, но на Рождество не забыл ни служанки, ни ребенка в доме, и ни одна душа, от прачки-француженки до мисс Нортон, не забыла о нем. Я так этому рада.

В канун Нового года в пансионе устроили маскарад. Я не хотела идти — не было костюма. Но в последнюю минуту миссис Кирк вспомнила про свое старое парчовое платье, а мисс Нортон одолжила мне кружева и перья, так что я нарядилась в миссис Малапроп⁴³ и вышла в зал в маске. Никто не узнал меня, так как я изменила голос, да никто и не подозревал, что молчаливая, чопорная мисс Марч (они думали, что я очень высокомерная и холодная — большинство из них, — и такая я и есть с самонадеянными ничтожествами) может нарядиться, и танцевать, и изрекать «прелестные замысловатые эпитафии, словно аллегория на берегах Нила»⁴⁴. Мне было очень весело, а когда мы все сняли маски, было забавно видеть, как они уставились на меня. Я слышала, как один молодой человек говорил другому, что я, вероятно, актриса; да, да, ему кажется, что он видел меня в одном из небольших театров. Мег понравится эта шутка. Мистер Базр изображал ткача Основу, а Тина, настоящая маленькая фея у него на руках, — Титанию⁴⁵. Смотреть, как они танцуют, было одно удовольствие — «прямо пейзаж», если употребить «теддизм».

Так что я все же встретила Новый год очень весело, а потом, уже в моей комнате, размышляя о прошедшем годе, я пришла к ощущению, что кое-чего добилась, несмотря на мои многочисленные неудачи, так как теперь я всегда бодрa, работаю с охотой и больше, чем прежде, интересуюсь другими людьми — и все это приносит удовлетворение. Благослови вас всех Господь!

Всегда ваша любящая Джо.

Глава 11

Друг

Хотя Джо была очень довольна новым приятным кругом общения и очень занята каждодневной работой, которой добывала свой хлеб насущный — сладкий, ибо не даровой, — она по-прежнему находила время для занятий литературой. Цель, которую она поставила себе, была вполне естественной для бедной и честолюбивой девушки, но средства,

⁴² *mouchoir* — платок (фран.)

⁴³ Малапроп — персонаж комедии «Соперники» (1775) английского драматурга Ричарда Б.Шеридана.

⁴⁴ «эпитафии, словно аллегория на берегу Нила» — в роли миссис Малапроп Джо путает слова «эпитафия» и «эпиграмма», «аллегория» и «аллигатор» и говорит забавную бессмыслицу.

⁴⁵ Титания — королева фей и эльфов, и ткач Основа — персонажи комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» (1595).

выбранные ею для достижения этой цели, были не лучшими. Она видела, что деньги приносят материальные блага: поэтому она решила добиться денег и благ — не для себя одной, но для тех, кого любила больше, чем себя.

Мечта обеспечить удобства семье, дать Бесс все, что ей хочется — от земляники зимой до рояля в ее спальне, самой отправиться за границу и всегда иметь *больше* чем достаточно, так, чтобы она могла позволить себе роскошь заняться благотворительностью, — эта мечта многие годы оставалась самым заветным воздушным замком Джо. Путь к этому замку, пусть долгий и нелегкий, открыло участие в конкурсе на лучшую сенсационную историю. Но катастрофа, постигшая ее роман, на время лишила ее уверенности в себе, ибо общественное мнение — великан, который напугал и более мужественных мальчиков с пальчик, взбирающихся на более высокие бобовые стебельки, чем ее. Как этот бессмертный литературный герой, она немного отдохнула после первой попытки, результатом которой в сказке, если я правильно помню, было падение и получение наименее ценного из сокровищ великана. Но воля, побуждавшая мальчика с пальчик «встать опять и попытаться еще раз», была столь же сильна и в Джо, и теперь она карабкалась с теневой стороны и завоевала больше трофеев, но едва не потеряла то, что гораздо более ценно, чем любое богатство. Она принялась писать сенсационные истории, ибо в то «мрачное средневековье» даже во всех отношениях безупречная Америка зачитывалась всяким вздором. Джо ни с кем не советовалась, но состряпала «захватывающую историю» и сама смело понесла ее мистеру Дэшвуду, редактору «Еженедельного землетрясения». Она никогда не читала «*Sartor Resartus*»⁴⁶, но женское чутье говорило ей, что на многих одежда оказывает влияние более мощное, чем ценности характера или магия манер. Так что она надела свое лучшее платье, постаралась убедить себя, что не волнуется и не нервничает, смело преодолела два марша темной и грязной лестницы и оказалась в неприбранной комнате, облаке сигарного дыма и обществе трех джентльменов, сидевших задрав ноги выше своих шляп, которых ни один из них не потрудился снять при ее появлении. Несколько обескураженная таким приемом, Джо замялась на пороге, пробормотав в большом смущении:

— Извините, я ишу редакцию «Еженедельного землетрясения». Я хотела бы видеть мистера Дэшвуда.

Задранная выше всех пара каблуков опустилась, вверх поднялся самый прокуренный джентльмен и, заботливо и нежно сжимая в пальцах сигару, выдвинулся вперед с кивком и взглядом, не выражавшим ничего, кроме сна. Чувствуя, что должна пройти через это испытание, Джо подала ему свою рукопись и, краснея с каждым словом все гуще, выдавила из себя по частям маленькую речь, заботливо приготовленную для такого случая:

— Моя подруга попросила меня предложить вам... рассказ... просто для пробы... хотела бы ваше мнение... будет рада написать еще, если это подойдет.

Пока она краснела и бормотала, мистер Дэшвуд, взяв рукопись, переворачивал страницы двумя довольно грязными пальцами и окидывал критическим взглядом аккуратно написанный текст.

— Не первая попытка, я полагаю? — проронил он, отметив, что страницы пронумерованы, исписаны только с одной стороны и рукопись не перевязана ленточкой — верный признак новичка.

— Нет, сэр. У нее есть опыт, и она получила приз за рассказ в «Бларнистоунском знамени».

— О, вот как? — И мистер Дэшвуд окинул Джо быстрым взглядом, который, казалось, отметил все, что на ней было, — от кокардки на шляпе до пуговиц на ботинках. — Что ж,

⁴⁶ *Sartor Resartus* (буквально название переводится как «Заштопанный портной») (1833) — автобиографическое сочинение шотландского историка и писателя Томаса Карлейля. Согласно развитой им в этом произведении «философии одежды» весь мир, вся история представляются в виде внешних, преходящих одеяний, эмблем, за которыми пребывает вечная божественная сущность — единственная реальность.

можете оставить, если хотите. Такого рода вещей мы сейчас имеем на руках больше, чем можем пристроить, но я пробегу глазами на досуге и дам вам ответ на следующей неделе.

Нет, Джо не хотелось оставлять рукопись, так как мистер Дэшвуд совсем не понравился ей; но в сложившихся обстоятельствах ей не оставалось ничего, как только поклониться и уйти, приняв особенно высокомерный и достойный вид, что она обычно делала, когда была уязвлена или сконфужена. В этот момент было и то и другое, так как понимающий взгляд, которым обменялись джентльмены, явно свидетельствовал, что ее выдумка насчет «моей подруги» рассматривалась как хорошая шутка, а смех, вызванный каким-то замечанием редактора, закрывшего за ней дверь, довершил ее растерянность. Почти окончательно решив никогда не возвращаться, она пошла домой и дала выход своему раздражению в усердном шитье передников, а через час-другой успокоилась настолько, что могла посмеяться над всей сценкой, и стала с нетерпением ожидать следующей недели.

Когда она пришла снова, мистер Дэшвуд был один, чему она обрадовалась; мистер Дэшвуд был далеко не таким сонным, как в прошлый раз, что было приятно; и мистер Дэшвуд не был так глубоко поглощен своей сигарой, чтобы забыть о своих манерах, — так что их вторая встреча вызвала у Джо более положительные чувства.

— Мы возьмем это (редакторы никогда не говорят «я»), если вы не возражаете против некоторых изменений. Слишком длинно, но если исключить пассажи, которые я отметил, будет как раз подходящей длины, — сказал он деловым тоном.

Джо едва узнала свою рукопись, так измяты и исчерканы были страницы, и, чувствуя себя, как мог бы чувствовать нежный родитель, если бы его попросили отрезать ноги его младенцу, чтобы тот поместился в новую колыбель, просмотрела отмеченные места, с удивлением заметив, что все моральные размышления — которые она заботливо вставила в качестве противовеса необыкновенным приключениям и любовным сценам — были вычеркнуты.

— Но, сэр, я считала, что в каждой истории должна быть какая-то мораль, поэтому я позаботилась о том, чтобы некоторые из моих грешников раскаялись.

Редакторская серьезность мистера Дэшвуда смягчилась улыбкой, поскольку Джо забыла о своей «подруге» и говорила так, как мог говорить только автор.

— Люди любят, чтобы их развлекали, а не поучали. В наши дни мораль имеет плохой сбыт, — что, между прочим, было не совсем справедливым утверждением.

— Ас этими изменениями, вы думаете, рассказ пойдет?

— Да, оригинальный сюжет, довольно неплохо разработан, хороший язык и так далее, — любезно ответил мистер Дэшвуд.

— А что вы... то есть какое вознаграждение... — начала Джо, не совсем уверенная, как нужно выразиться.

— Ах да, мы даем от двадцати пяти до тридцати за такого рода вещи. Выплата после публикации, — ответил мистер Дэшвуд, словно прежде этот момент ускользнул от его внимания; такие мелочи, как говорят, часто ускользают от внимания редакторских умов.

— Очень хорошо, можете взять, — сказала Джо, возвращая рукопись с довольным видом, так как после доллара за колонку даже двадцать пять кажутся хорошей оплатой.

— Могу я передать моей подруге, что вы возьмете и другие, если у нее есть еще лучше, чем этот? — спросила Джо, не ведая о том, что язык уже выдал ее, и ободренная успехом.

— Посмотрим; обещать ничего не можем. Скажите ей, пусть делает короче и интереснее, и без всякой морали. Какое имя хотела бы поставить ваша подруга? — спросил он небрежным тоном.

— Без подписи, пожалуйста, она не хочет указывать свое имя, а псевдонима у нее нет, — сказала Джо, краснея помимо воли.

— Как хочет, разумеется. Публикация на следующей неделе. Вы зайдете за деньгами или прислать вам? — спросил мистер Дэшвуд, испытывая естественное желание узнать, кто его новый автор.

— Я зайду. До свидания, сэр.

Когда она вышла, мистер Дэшвуд задрал ноги с изящным замечанием:

— Бедная и гордая, как обычно, но вполне подойдет. Следуя указаниям мистера Дэшвуда и взяв за образец миссис Нортбери, Джо смело нырнула в пенистый океан сенсационной литературы, но благодаря спасательному кругу, брошенному ей другом, выплыла вновь, не став намного хуже от этого погружения.

Как и большинство юных писак, за своими героями и обстановкой она отправлялась за границу; бандиты, графы, цыгане, монахини и герцогини появлялись на ее сцене и играли свои роли так безошибочно и задорно, как только можно было желать. Ее читатели были не слишком разборчивы насчет таких пустяков, как грамматика или правдоподобие, а мистер Дэшвуд милостиво позволял ей заполнять колонки его издания за мизерную плату, не считая необходимым сообщать ей, что было настоящей причиной его гостеприимства, — один из его литературных поденщиков, которому была предложена более щедрая оплата в другой редакции, подло бросил мистера Дэшвуда в беде.

Скоро она заинтересовалась своей работой, так как ее тощий кошелек начал полнеть, и маленький запас, который она делала, чтобы следующим летом взять Бесс в горы, рос медленно, но верно. Единственное, что омрачало ее радость, — это то, что она не рассказывала ни о чем домашним. Она чувствовала, что родители не одобрили бы ее писаний, и предпочитала сначала поступить по-своему и попросить прощения потом. Сохранить все в тайне было легко, так как рассказы выходили без подписи; мистер Дэшвуд, разумеется, очень скоро узнал ее имя, но обещал молчать и, как ни странно, сдержал слово.

Она думала, что новое занятие не причинит ей вреда, ибо искренне хотела не писать ничего, за что ей могло бы быть стыдно, и успокаивала все уколы совести предвкушением той счастливой минуты, когда покажет дома заработанные деньги и посмеется вместе со всеми над секретом, который так хорошо сохранила.

Но мистер Дэшвуд отвергал все, кроме принимающих насквозь историй, а так как дрожь нельзя вызвать иначе как терзая души читателей, то историю и литературу, сушу и море, науку и искусство, полицейскую хронику и сумасшедшие дома — все приходилось изучать ради достижения этой цели. Джо быстро обнаружила, что собственный жизненный опыт позволил ей лишь несколько раз мельком заглянуть в тот трагический мир, который считают дном общества, и, встав на деловую точку зрения, она принялась восполнять эти пробелы с присущей ей энергией. В стремлении найти материал для рассказов и сделать их оригинальными по сюжету, если не мастерскими в исполнении, она выискивала в газетах сообщения о происшествиях, несчастных случаях и преступлениях; она вызывала подозрения библиотекарей, спрашивая литературу о ядах; она изучала лица прохожих и характеры окружающих, хорошие, плохие и невыразительные; она рылась в пыли времен в поисках фактов или вымыслов, столь древних, что они были, в сущности, новыми, и знакомилась с безумием, грехом и страданием, насколько позволяли ей ее ограниченные возможности. Она думала, что отлично справляется с делом, но неосознанно начала осквернять самые основы женского характера. Она жила в дурном обществе, и, пусть воображаемое, оно влияло на нее, ибо она держала сердце и ум на пустой и опасной пище и быстро теряла духовное здоровье от преждевременного знакомства с мрачной стороной жизни.

Она начинала скорее ощущать это, чем сознавать, так как постоянное списывание страстей и чувств других людей заставляло ее строить предположения и пытаться делать выводы относительно своих собственных — нездоровое развлечение, которому не предаются по доброй воле юные умы. Дурные поступки всегда влекут за собой наказание, и Джо понесла его тогда, когда более всего в нем нуждалась.

Не знаю, изучение ли Шекспира научило ее читать характеры, или то было прирожденное влечение ко всему честному, смелому, сильному, но, продолжая наделять своих воображаемых героев всеми возможными совершенствами, она в то же время открыла для себя живого героя, который интересовал ее, несмотря на множество человеческих слабостей и несовершенств. Во время одного из разговоров мистер Базр посоветовал ей

прежде всего изучать простые, правдивые и красивые натуры, где бы она ни встретила их, что является хорошей подготовкой для писателя. Джо последовала его совету и спокойно взялась за изучение его самого — поведение, которое очень удивило бы достойного профессора, знай он об этом, так как в собственных глазах он был очень простым и ничем не примечательным человеком.

Почему все любили его? Вот что озадачивало Джо в первое время. Он не был ни богат, ни знатен, ни молод, ни красив, ни в каком отношении не был он и тем, кого называют обворожительным, представительным, выдающимся, и, однако, он привлекал к себе, и люди собирались вокруг него, так же как вокруг приятного теплого очага. Он был беден, но всегда, казалось, что-то отдавал; чужестранец, но каждый был ему другом; далеко не молод, но радовался жизни, как мальчик; некрасивый и чудаковатый, но лицо его многим казалось прекрасным, а странности охотно прощались. Джо часто наблюдала за ним, пытаясь открыть магическую формулу, и наконец решила, что именно его добросердечие творит это чудо. Если у него было какое-либо горе, оно «сидело, спрятав голову под крыло», а он поворачивался к миру лишь своей солнечной стороной. На лбу его были морщины, но Время, казалось, прикасалось к нему нежно, помня, как добр он был к другим. Симпатичные складки возле рта были памяткой о многих дружеских словах и веселом смехе, его глаза никогда не были холодными или строгими, а большая рука дарила теплым крепким пожатием, более выразительным, чем слова.

В самой его одежде, казалось, было что-то от приветливой натуры ее обладателя. Она выглядела так, словно чувствовала себя непринужденно и ей нравилось доставлять ему удобства; вместительный жилет наводил на мысль о большом и добром сердце под ним, выпцветшее пальто имело общительный вид, мешковатые карманы явно свидетельствовали, что маленькие ручки часто залезают в них пустые, а вылезают полные, даже его ботинки казались доброжелательными, а воротнички никогда не были жесткими и не врезались в шею, как у других.

— Вот оно! — сказала себе Джо, когда наконец открыла, что подлинная доброта к ближним может украсить и облагородить даже полного немецкого учителя, который накидывается на еду, сам штопает свои носки и обременен фамилией Базр.

Джо высоко ценила доброту, но она также обладала и в высшей степени женским почтением к уму, и еще одно сделанное ею маленькое открытие усилило ее уважение к профессору. Он никогда не рассказывал о себе, и о том, что в Германии, в своем родном городе, он был человеком весьма почитаемым и ценным за ученость и справедливость, не знал никто, пока об этом приятном факте не сообщил в разговоре с мисс Нортон приехавший повидать профессора соотечественник. От мисс Нортон обо всем узнала Джо, и это понравилось ей тем больше, что сам мистер Базр никогда ни о чем подобном не упоминал. Она испытывала удовлетворение, зная, что в Берлине он уважаемый всеми профессор, хотя здесь, в Нью-Йорке, лишь бедный учитель языка, и это открытие очень украсило в глазах Джо его простую и трудную жизнь налетом романтичности.

Другой и лучший, чем интеллект, дар профессора был продемонстрирован ей самым неожиданным образом. Мисс Нортон имела доступ в литературные круги, куда Джо не имела бы никакого шанса попасть, если бы не ее новая подруга. Одинокая женщина заинтересовалась честолубивой девушкой и часто оказывала ей такого рода любезности, так же как и профессору Базру. Однажды вечером она взяла их на обед, даваемый в честь нескольких знаменитостей, где должен был присутствовать узкий круг избранных.

Джо отправилась туда, готовая преклониться перед великими, которых с юношеским энтузиазмом боготворила издали. Но ее почтению к гениям был нанесен жестокий удар, и потребовалось время, чтобы прийти в себя после открытия, что великие существа, в конце концов, всего лишь люди. Вообразите ее ужас, когда, украдкой бросив взгляд робкого восхищения на поэта, чьи строфы наводили на мысль об эфирном существе, вскормленном «духом, огнем и росой», она увидела его пожирающим ужин со страстью, заливавшей краской его интеллектуальное лицо. Отвернувшись, словно от поверженного идола, она

сделала другие открытия, которые быстро рассеяли ее романтические иллюзии. Великий романист тянулся то к одному, то к другому графину с регулярностью маятника; знаменитый теолог открыто флиртовал с одной из мадам де Сталь⁴⁷ своего времени, метавшей молнии во вторую Корину⁴⁸, которая любезно высмеивала ее, после того как перехитрила в попытках занять беседой глубокого философа, вкушавшего чай по-джонсоновски и, похоже, дремавшего — словоохотливость этой леди делала речь невозможной. Ученые знаменитости, забыв своих моллюсков и ледниковые периоды, болтали об искусстве, занимаясь с присущей им энергией устрицами и мороженым; молодой музыкант, очаровывавший город подобно второму Орфею, толковал о лошадях, а представитель современной британской аристократии оказался самым заурядным человеком в компании.

Не прошло и половины вечера, как Джо почувствовала себя так глубоко *desillusionnee*⁴⁹, что села в углу, чтобы оправиться от удара. Вскоре к ней присоединился мистер Баэр, который тоже чувствовал себя не на месте, и тут же несколько философов, каждый оседлав своего конька, начали сходить мелкой рысцой, чтобы в перерыве скрестить копыта на интеллектуальном турнире. Содержание разговора было далеко за пределами понимания Джо, но он доставил ей удовольствие, хотя Кант и Гегель были неведомыми богами, а Субъективное и Объективное так и остались непонятными терминами, и единственным, что «эволюционировало из ее внутреннего сознания», оказалась сильная головная боль, когда все кончилось. Постепенно у нее складывалось впечатление, что мир разбивают на куски и строят заново, и, по мнению собеседников, на бесконечно лучших, чем прежде, принципах, что религия вот-вот окажется превращенной логическим путем в ничто, а единственным Богом предстоит стать интеллекту. Джо почти ничего не знала ни о какой философии и метафизике, но волнение и любопытство, отчасти приятные, отчасти мучительные, охватывали ее, когда она слушала их с ощущением существа, несущегося по течению во времени и пространстве, словно воздушный шарик, вырвавшийся из рук гуляющих на празднике.

Она оглянулась, чтобы посмотреть, нравится ли происходящее профессору, и увидела, что он смотрит на нее с самым мрачным выражением. Он покачал ей головой и знаком предложил уйти вместе с ним, но она была зачарована свободой спекулятивной философии и осталась на месте, надеясь понять, на что ученые мужи намерены опереться после того, как упразднили все старые убеждения.

Мистер Баэр был человеком скромным и не спешил предлагать другим свои собственные воззрения не потому, что не имел твердых убеждений, но потому, что эти убеждения были слишком искренними и серьезными, чтобы говорить о них так легко. Но когда он перевел взгляд с Джо на нескольких других молодых людей, также привлеченных великолепием философской пиротехники, брови его сдвинулись и он почувствовал желание вступить в дискуссию, боясь, что некоторые легковоспламеняющиеся юные души могут быть введены в заблуждение ракетами фейерверка, но, когда представление окончится, обнаружат лишь, что держат в обожженной руке пустую оболочку.

Он терпел это сколько мог, но, когда его попросили высказать свое мнение, вспыхнул честным негодованием и выступил в защиту религии со всем красноречием истины — красноречием, которое сделало его прерывистый английский музыкальным, а заурядное лицо — красивым. Ему пришлось выдержать нелегкое сражение, ибо ученые мужи умели спорить, но он не сдавался и стоял за свое знамя, как боец. И постепенно, пока он говорил, мир для Джо вернулся в обычное состояние; старые убеждения, которые служили

⁴⁷ Сталь Анна Луиза Жермена де (1766 — 1817) — французская писательница.

⁴⁸ Корина — героиня романа мадам де Сталь «Корина, или Италия» (1807).

⁴⁹ *desillusionnee* — утратившая иллюзии, разочарованная (франц.).

человечеству так долго, показались лучше, чем новые; Бог не был слепой силой, а бессмертие представлялось не красивой выдумкой, но счастливой действительностью. Она снова почувствовала твердую почву под ногами, и когда мистер Баэр сделал паузу — его переговорили, но не сумели ни на йоту изменить его убеждений, — Джо захотелось заплотировать и поблагодарить его. Она не сделала ни того, ни другого, но почувствовала глубокое уважение к профессору, так как знала, что ему было нелегко так неожиданно вступить в спор, но совесть не позволяла ему молчать. Она начала понимать, что характер — лучшее достояние, чем деньги, положение в обществе, интеллект или красота, и чувствовать, что если величие — это, по определению какого-то умного человека, «правда, благоговение и добрая воля», то ее друг Фридрих Баэр не только хороший, но и великий человек.

Это ее убеждение крепло с каждым днем. Она ценила его одобрение, она жаждала его уважения, она хотела быть достойной его дружбы; и именно тогда, когда эти желания были самыми горячими и искренними, она чуть не потеряла все. А началось с треуголки. Однажды вечером, когда профессор вошел в гостиную, где его ждала приготовившаяся к уроку Джо, на голове у него была бумажная треуголка, которую надела на него Тина и которую он забыл снять. «Очевидно, он не смотрит в зеркало, прежде чем спуститься», — подумала Джо с улыбкой.

— Добрый вечер, — сказал он серьезно и сел, совершенно не ведая о нелепом контрасте между предметом урока и своим головным убором: он собирался читать ей «Смерть Валленштейна».

Сначала она решила ничего не говорить ему, ей нравился громкий сердечный смех, которым он разражался, когда случалось что-нибудь забавное. Она предоставила ему самому обнаружить, что у него на голове, и на время совсем забыла об этом, так как слушать немца, читающего Шиллера, — увлекательное занятие. После чтения начался собственно урок, который проходил оживленно, поскольку Джо была в тот вечер в веселом расположении духа и треуголка заставляла ее глаза искриться смехом. Профессор не мог понять, что с ней, и, наконец, прервав объяснения, спросил с видом кроткого удивления, который был неотразим:

— Мисс Марч, почему вы смеетесь в лицо своему учителю? Разве у вас нет уважения ко мне, что вы ведете себя так плохо?

— Как я могу быть почтительной, сэр, если вы забыли снять шляпу? — сказала Джо.

Подняв руку, рассеянный профессор с серьезным видом нащупал и снял маленькую треуголку; с минуту он смотрел на нее, потом запрокинул голову и засмеялся как веселый контрабас.

— А! Понимаю. Этот бесенок Тина сделала из меня дурака своей шляпой. Ну ничего, но смотрите, если урок пойдет плохо, вам тоже придется носить дурацкий колпак.

Но урок совсем прервался на несколько минут, так как мистер Баэр заметил на сделанной из газетного листа треуголке картинку и, развернув ее, сказал с чувством глубокого отвращения:

— Я не хотел бы, чтобы эти газеты появлялись в доме. Их не должны видеть дети и читать молодежь. Это нехорошо, и меня выводят из терпения те, кто делает такое зло.

Джо взглянула на лист и увидела очаровательную иллюстрацию, изображавшую сумасшедшего, труп, злодея и змею. Ей не понравилась картинка, однако торопливо перевернуть лист ее заставило не отвращение, но страх, так как на мгновение она вообразила, что это «Землетрясение». Впрочем, газета была другая, а паника Джо улеглась, когда она вспомнила, что, даже если бы это был номер «Землетрясения» с одной из ее собственных историй, там не было бы имени автора. Но она выдала себя сама — взглядом и румянцем, поскольку хоть профессор и был рассеянным человеком, он замечал гораздо больше, чем предполагали окружающие. Он знал, что Джо пишет, и не раз встречал ее в квартале, где находились редакции газет, но она никогда не говорила об этом, и он не задавал вопросов, несмотря на большое желание увидеть ее произведения. И теперь ему пришло в голову, что она делает то, в чем стыдится признаться. Это обеспокоило его. Он не

сказал себе: «Не мое это дело, я не имею права что-либо говорить», как сделали бы другие; он лишь напомнил себе, что она молода и бедна, вдали от материнской любви и отцовской заботы; и он почувствовал желание помочь ей — порыв, столь же мгновенный и естественный, как тот, который заставил бы его протянуть руку, чтобы защитить ребенка от собаки. Все это в одно мгновение промелькнуло в его уме, но никак не отразилось на лице, и, когда газета была перевернута, а в иглу Джо вдетая нитка, он сказал вполне естественным тоном, но очень серьезно и проникновенно:

— Да, вы правы, что отодвинули это от себя. Мне неприятно думать, что такое видят хорошие молодые девушки. Может быть, некоторым это нравится, но я скорее дал бы моим мальчикам играть с порохом, чем читать такую макулатуру.

— Возможно, это не так плохо, как глупо, а если на такие вещи есть спрос, я не вижу вреда в том, что кто-то его удовлетворяет. Множество очень почтенных людей честно зарабатывает на жизнь сочинением так называемых сенсационных историй, — сказала Джо, столь энергично расправляя булавкой складки, что на ткани образовался ряд мелких надрезов.

— Есть спрос на виски, но думаю, ни вы, ни я не пойдем им торговать. Если бы почтенные люди знали, какой вред они приносят, они не считали бы, что *честно* зарабатывают на жизнь. Они не имеют права класть яд в засахаренную сливу и давать ее малышам. Нет, они должны о немного подумать и скорее пойти мести улицы, чем делать такое.

Мистер Баэр произнес эти слова страстно и подошел к камину, скомкав газету в руках. Джо сидела неподвижно с таким видом, словно огонь обжигал и ее, а щеки у нее горели еще долго после того, как треуголка превратилась в дым и благополучно унеслась в трубу.

— Я хотел бы послать вслед за ней и все остальные, — пробормотал профессор, возвращаясь к столу с более спокойным выражением лица.

Джо пришло в голову, какой костер вышел бы из кипы газет с ее рассказами, лежавшей в ее комнате наверху, а трудом заработанные деньги показались тяжким грузом для ее совести. Затем в утешение себе она сказала: «Мои рассказы не такие; они просто глупые, но никогда не были безнравственными. Так что я не буду волноваться». И, взяв учебник, сказала тоном прилежной ученицы:

— Продолжим, сэр? Теперь я буду хорошей и благоразумной.

— Надеюсь, что так, — лишь сказал он в ответ, но вложил в эти слова более глубокий смысл, чем тот, какой вложила в свои слова она, а под его серьезным, добрым взглядом она почувствовала себя так, будто слова «Еженедельное землетрясение» были крупно напечатаны у нее на лбу.

Едва войдя в свою комнату, она вытащила газеты и начала заново внимательно перечитывать свои рассказы. Мистер Баэр был немного дальновзорким и иногда пользовался очками, и однажды Джо примерила их, с улыбкой глядя, как они увеличивают мелкий шрифт ее книги. Теперь : она, казалось, была в духовных и моральных очках профессора, так как все недостатки этих рассказов бросались в глаза и наполнили ее душу ужасом.

— Эти истории — макулатура, а если я продолжу, они скоро станут хуже, чем макулатура, потому что каждая следующая сенсационнее предыдущей. Я шла вперед, не разбирая, куда иду, вредя себе и другим ради денег. Я знаю, что это так, и не могу читать то, что написала, без отчаянного стыда. Что я буду делать, если их увидят дома или они попадутся на глаза мистеру Баэру?

Джо бросило в жар при этой мысли, и она затолкала всю пачку в печь, так что огонь чуть не поднялся в трубу.

«Да, это самое подходящее место для такой разжигающей страсти чепухи. И я полагаю, что охотнее сожгла бы дом, чем позволила бы другим людям подрываться на моем пороге», — подумала она, глядя, как исчезает «Демон острова Джура» — маленький черный уголек с огненными глазами.

Но когда от трехмесячных трудов не осталось ничего, кроме кучки пепла и денег в

кошельке, Джо успокоилась и, сидя на полу, задумалась, что ей следует делать с ее доходами.

«Думаю, что пока *еще я* не сделала много зла и могу оставить эти деньги себе за потраченное время, — сказала она себе после долгих размышлений, добавив почти раздраженно: — Уж лучше бы у меня не было совести. Это так неудобно. Если бы меня не заботило, поступаю я правильно или неправильно, я преуспевала бы. Я не могу иногда удержаться и не пожалеть, что папа и мама так щепетильны в таких вопросах».

Ах, Джо, вместе того чтобы жалеть об этом, благодари Бога, что «папа и мама так щепетильны», и жалеет от всего сердца тех, у кого нет таких опекунов, чтобы оградить их со всех сторон принципами, которые могут показаться нетерпеливой молодежи тюремными стенами, но на которых, как на надежном фундаменте, можно построить свой характер.

Джо больше не писала сенсационных историй, решив, что деньги не возмещают ей ее долю сенсаций, но, бросившись в другую крайность, как это случается с людьми такого склада, взяла за образец миссис Шервуд, мисс Эджуорт и Ханну Мор и создала историю, которую было бы правильнее назвать проповедью, столь навязчиво моральной она была. Джо с самого начала была не совсем уверена в достоинствах этого сочинения — ее живое воображение и девичья романтичность чувствовали себя неловко в новом стиле, как неловко чувствовала бы себя она сама, нарядившись в тяжелый и неуклюжий костюм прошлого века. Она послала этот перл дидактики нескольким издателям, но не нашла покупателя и была склонна согласиться с мистером Дэшвудом, что мораль не пользуется спросом.

Затем она взялась за детскую книжку, которую легко могла бы пристроить, если бы не была столь корыстна, что потребовала за нее презренный металл. Единственным человеком, кто предложил достаточно, был один достойный джентльмен, видевший свою миссию в обращении всего человечества в одну конкретную веру. Но как ей ни нравилось писать для детей, Джо не могла пойти ни на то, чтобы всех ее непослушных мальчиков съедали медведи или разрывали на части бешеные быки за то, что они не ходили в определенную воскресную школу, ни на то, чтобы все ее послушные детки, которые ходили, получали в награду все мыслимые блага от позолоченных пряников до эскорта ангелов, предоставленного им, когда они, расставаясь с земной жизнью, шепелявили псалмы или проповеди. В результате из этих опытов ничего не вышло, и Джо, закупорив свою чернильницу, сказала в порыве добро детельного смирения:

— Я ничего не знаю. Я подожду, а пока буду «мести улицы», если не гожусь ни на что лучшее. Это, по крайней мере, честно.

Принятие такого решения свидетельствовало о том, что повторное падение с бобового стебелька принесло, как и в случае с мальчиком с пальчик, некоторую пользу.

Пока происходил этот душевный перелом, внешняя жизнь Джо оставалась все такой же — заполненной делами и бедной событиями, а если сама Джо иногда и выглядела серьезной и немного грустной, никто, кроме профессора Бэра, не замечал этого. Джо даже не знала, что он наблюдает за ней, чтобы узнать, принес ли ей пользу его упрек, но она выдержала испытание, и, хотя между ними не было сказано ни слова об этом, он знал, что она бросила писать. Он догадался об этом не только по тому обстоятельству, что указательный палец ее правой руки больше не был испачкан чернилами, — теперь она проводила вечера внизу, в гостиной, не встречалась ему поблизости от редакций газет и училась с упорством и терпением, убедившими его, что она твердо решила занять свой ум чем-нибудь полезным, если не приятным.

Он многим помогал ей, показав себя настоящим другом, и Джо была счастлива, так как, пока ее перо оставалось праздным, она не теряла времени, получая и иные уроки, кроме уроков немецкого, и закладывала основы прекрасной истории собственной жизни.

Это была веселая зима, и к тому же ее пребывание у миссис Кирк оказалось более продолжительным, чем предполагалось, — Джо уехала только в июле. Все, казалось, огорчились, когда пришло это время: дети были безутешны, а у мистера Бэра все волосы на голове стояли дыбом, так как он всегда отчаянно ерошил их, когда что-нибудь выводило его

из душевного равновесия.

— Едете домой! А, вы счастливица — у вас есть дом, — сказал он ей в ответ и молча сидел в углу, теребя бороду, пока она принимала гостей в вечер накануне отъезда.

Она уезжала рано утром и поэтому попрощалась со всеми накануне; когда подошла его очередь, Джо сказала с теплотой:

— Ну вот, сэр, надеюсь, вы не забудете посетить нас, если вам случится попасть в наши края. Я не прощу вам, если забудете! Я очень хочу, чтобы все домашние познакомились с моим другом.

— Правда? Я могу приехать? — спросил он, глядя вниз на нее с выражением оживления и надежды, которого она не поняла.

— Да, приезжайте-ка в следующем месяце. Лори тогда будет заканчивать университет, и вы сможете пережить выпускной акт как нечто новое.

— Это ваш лучший друг, тот, о ком вы говорите? — спросил он изменившимся тоном.

— Да, мой мальчик Тедди; я очень горжусь им и хотела бы, чтобы вы увидели его.

Джо подняла глаза, не думая ни о чем другом, кроме того, как будет приятно ей самой, когда она представит их друг другу. Что-то в выражении лица мистера Баэра напомнило ей, что она может найти в Лори не только «лучшего друга», и только потому, что ей не хотелось, чтобы по ее виду можно было предположить такое, она невольно начала краснеть, и чем больше старалась не делать этого, тем краснее становилась. Если бы не Тина, сидевшая у нее на коленях, она не знала, что бы с ней стало. К счастью, девочка потянулась обнять ее, и Джо удалось спрятать лицо. Она надеялась, что профессор ничего не заметил, но он заметил, и мимолетная тревога опять сменилась на его лице обычным выражением, когда он сказал сердечно:

— Боюсь, что у меня не будет времени приехать, но я желаю вашему другу больших успехов, а всем вам — счастья. Благослови вас Бог!

С этими словами он тепло пожал ей руку, посадил Тину себе на плечо и ушел.

Но когда мальчики уже были в постели, он долго сидел у огня с усталым выражением лица, и «heimweh»⁵⁰, или тоска по дому, была у него на сердце. И, вспомнив Джо — как она сидела с ребенком на коленях, и эту новую, необычную мягкость в ее лице, — он на минуту опустил голову на руки, а затем прошелся по комнате, словно ища что-то, чего не мог отыскать.

— Это не для меня. Я не должен надеяться на это теперь, — сказал он себе со вздохом, похожим на стон, а затем, словно упрекая себя за желание, которого не мог подавить, подошел и поцеловал две взъерошенные головки на подушке, взял свою пенковую трубку, что бывало с ним редко, и открыл Платона. Он боролся с собой как мог, и делал это мужественно, но, боюсь, не нашел, что пара бойких мальчиков, трубка и даже божественный Платон могут заменить жену, детей, дом.

Несмотря на ранний час, он пришел на станцию, чтобы проводить Джо; и благодаря ему она начала свое одинокое путешествие с приятными воспоминаниями о знакомом лице, улыбающемся ей на прощание, с букетиком фиалок, составившим ей компанию, и, что лучше всего, со счастливой мыслью: «Зима кончилась, и хотя я не написала книг, не заработала богатства, зато нашла настоящего друга и постараюсь сохранить его на всю жизнь».

Глава 12

Сердечные муки

Каковы бы ни были его мотивы, Лори в тот год учился усердно и не без результата — он окончил курс с отличием и во время выпускного акта произнес свою речь на латыни «с

⁵⁰ heimweh — тоска по родине, тоска по дому (нем.).

изяществом Филиппа и красноречием Демосфена», как сказали его друзья. Все они были там: его дедушка — о, как он был горд! — мистер и миссис Марч, Джон и Мег, Джо и Бесс; и все радовались и выражали искреннее восхищение, которому выпускники обычно не придают большого значения, но которого не могут потом добиться от мира никакими новыми победами.

— Придется остаться на этот чертов ужин, но завтра рано утром буду дома. Вы придете встретить меня, как обычно, девочки? — сказал Лори, сажая сестер в экипаж, когда все радости дня были позади. Он сказал «девочки», но имел в виду Джо, так как она была единственной, кто держался старой традиции; у нее не хватило духа отказать в чем бы то ни было ее замечательному, добившемуся такого успеха мальчику, и она ответила дружески:

— Я приду, Тедди, — дождь или солнце — и буду маршировать перед тобой и играть «Приветствуйте победителя» на варгане.

Лори поблагодарил ее взглядом, который вызвал у нее панический страх: «О ужас! Я знаю, он что-то скажет, и тогда — что я буду делать?»

Вечерние размышления и утренняя работа отчасти успокоили ее страхи, и, решив не быть столь тщеславной, чтобы думать, будто кто-то сделает ей предложение, когда она дала ясно понять, каков будет ее ответ, Джо в назначенный час отправилась встречать Тедди, надеясь, что он своим поведением не вынудит ее задеть его бедные маленькие чувства. Визит к Мег и освежающий глоток общения с Дейзи и Демиджоном еще больше укрепили ее перед предстоящим *tete-a-tete*, и все же, когда она увидела замаячившую в отдалении рослую фигуру, у нее возникло сильное искушение повернуться и убежать.

— Где же варган, Джо? — воскликнул Лори, приблизившись.

— Забыла. — И Джо снова набралась храбрости, поскольку такое приветствие никак нельзя было назвать приветствием влюбленного.

Раньше в таких случаях она всегда брала его под руку, теперь же не сделала этого, и он не выразил неудовольствия, что было плохим знаком, но говорил быстро, перескакивая с одной отвлеченной темы на другую. Затем они свернули с дороги на узкую тропинку, которая через рощу вела к дому. Здесь он пошел медленнее, плавный поток речи стал прерываться, и то и дело возникала пугающая пауза. Чтобы спасти разговор, провалившийся в очередную яму молчания, Джо торопливо сказала:

— Теперь тебе нужны хорошие длинные каникулы!

— Я на это и рассчитываю.

Что-то в его решительном тоне заставило Джо поднять глаза, и она увидела, что он смотрит вниз на нее. Выражение его лица говорило, что момент, которого она боялась, наступил. Она протянула вперед руку с умоляющим:

— Тедди, пожалуйста, не надо!

— Надо, и ты *должна* выслушать меня. Бесполезно, Джо, нам придется выяснить все до конца, и чем раньше, тем лучше для нас обоих, — ответил он, став вдруг красным и взволнованным.

— Тогда говори, что хочешь, я слушаю, — сказала Джо с той покорностью, которую порождает безысходность.

Лори был неопытным влюбленным, но серьезным и искренним и хотел «выяснить все», пусть даже придется умереть при этой попытке; поэтому он приступил к делу с присущей ему горячностью. Несмотря на мужественные усилия Лори сохранить твердость, голос его все время прерывался.

— Я люблю тебя, Джо, с тех пор как узнал тебя; я не мог иначе, ты была добра ко мне. Я пытался показать тебе это, но ты не позволяла. Теперь я намерен заставить тебя выслушать все и дать мне ответ, так как я *не могу* продолжать так и дальше.

— Я хотела уберечь тебя от этого. Я думала, ты поймешь... — начала Джо, чувствуя, что объяснить ему что-то гораздо труднее, чем она предполагала.

— Я знаю, ты хотела, но девушки такие странные; никогда не знаешь, что они имеют в виду. Они говорят «нет», когда хотят сказать «да», и сводят человека с ума просто для

забавы, — возразил Лори, подкрепляя свою позицию этим неоспоримым утверждением.

— Я не такая. Я никогда не хотела вызвать у тебя такую любовь ко мне. И я уехала, чтобы удержать тебя от этого, если смогу.

— Я так и думал; это на тебя похоже, но все бесполезно. Я полюбил тебя еще сильнее, и учился усердно, чтобы понравиться тебе, и бросил бильярд и все, что тебе не нравится, и ждал, и никогда не жаловался. Я надеялся, что ты полюбишь меня, хоть я и «вполовину не так хорош»... — Здесь голос Лори прервался, и, не в силах справиться с ним, он принялся срывать лютики, пока прочищал «проклятое горло».

— Ты хороший, ты слишком хорош для меня, и я благодарна тебе, и так горда, и люблю тебя, но не понимаю, почему я не могу любить тебя так, как ты хочешь. Я пыталась полюбить, но не могу изменить свое чувство, и это будет ложью, если я скажу, что люблю, когда любви нет.

— Правда? Честно, Джо?

Он резко остановился и схватил обе ее руки, задав ей этот вопрос и взглянув на нее так, что ей не скоро удалось забыть этот взгляд.

— Правда, честно, дорогой.

Они были теперь в роще, возле ступенек изгороди; и, когда Джо неохотно произнесла эти слова, Лори уронил ее руки и отвернулся, словно желая идти дальше. Но впер — вые в жизни изгородь оказалась для него слишком трудной преградой, и он остановился, прислонившись головой к покрытому мхом столбу, и стоял так неподвижно, что Джо испугалась.

— О Тедди, мне жаль, мне ужасно жаль, я убила бы себя, если б от этого была какая-то польза! Я не хочу, чтобы ты переживал это так тяжело. Я не могу ничего поделать. Ты же знаешь, люди не могут заставить себя любить других людей, если их не любят, — сказала Джо весьма неуклюже, но с раскаянием и нежно погладила его по плечу, вспоминая то время, когда так же утешал ее он.

— Иногда они это делают, — отозвался из-за столба сдавленный голос.

— Не думаю, что такого рода любовь настоящая, и не хочу пробовать, — был решительный ответ.

Последовала долгая пауза — дрозд беспечно распевал на иве у реки, а высокая трава шелестела на ветру. Вдруг

Джо сказала очень серьезно, присев на ступеньку изгороди:

— Лори, я хочу тебе что-то сказать.

Он вздрогнул, словно в него выстрелили, вскинул голову и выкрикнул свирепо:

— Не говори, Джо, я не вынесу этого сейчас!

— Не говорить чего? — спросила она, удивляясь такой его ярости.

— Что ты любишь этого старика.

— Какого старика? — удивилась Джо, думая, что он, быть может, имеет в виду своего дедушку.

— Этого треклятого профессора, о котором ты без конца писала. Если ты скажешь, что любишь его, — я знаю, что сделаю что-нибудь отчаянное. — И вид у него, со сжатыми кулаками и сверкающими гневом глазами, был такой, будто он готов на все.

Джо хотелось засмеяться, но она сдержалась и сказала дружески, хотя и сама начала терять хладнокровие:

— Не ругайся, Тедди! Он не старый и вовсе не плохой, а хороший и добрый, мой самый лучший друг после тебя. Прошу, не злись. Я хочу быть доброй, но знаю, что рассержусь, если ты будешь оскорблять моего профессора. У меня нет ни малейшего намерения влюбляться ни в него, ни в кого-то еще.

— Но потом ты полюбишь, и тогда что будет со мной?

— Ты тоже кого-нибудь полюбишь, как благоразумный мальчик, и забудешь все эти огорчения.

— *Я не смогу* полюбить никого другого, и я никогда не забуду тебя, Джо! Никогда,

никогда! — И он топнул, чтобы подчеркнуть эти страстные слова.

— Ну что мне с ним делать? — вздохнула Джо, чувствуя, что эмоции поддаются управлению еще меньше, чем она ожидала. — Ты не выслушал, что я хотела тебе сказать. Сядь и выслушай, ведь я действительно хочу поступить правильно и сделать тебя счастливым, — сказала она, надеясь успокоить его небольшим рассуждением, и это доказывало, что она ничего не знает о любви.

Увидев в ее последних словах луч надежды, Лори бросился на траву у ее ног, оперся локтем о нижнюю ступеньку и в ожидании устремил глаза на ее лицо. Такое положение не способствовало ни спокойствию речей, ни ясности мысли, ибо как могла Джо сказать суровые слова своему мальчику, когда он смотрел на нее глазами, полными любви и тоски, с ресницами, все еще влажными от горькой слезы, которую исторгло у него ее жестокосердие? Она ласково отвернула от себя его лицо и заговорила, глядя кудрявые волосы, которые были отпущены ради нее — это, разумеется, было трогательно!

— Я согласна с мамой, что ты и я не подходим друг другу, так как наша вспыльчивость и сильная воля, вероятно, сделали бы нас очень несчастными, если бы мы были настолько глупы, чтобы... — Джо помедлила, прежде чем выговорить последнее слово, но Лори произнес его с восторгом:

— Пожениться. Нет, мы были бы счастливы! Если бы ты полюбила меня, Джо, я стал бы сущим ангелом, ведь ты можешь сделать со мной все, что хочешь.

— Нет, не могу. Я пробовала, и неудачно. Я не хочу рисковать нашим счастьем путем такого серьезного опыта. Мы не подходим друг другу — и никогда не подойдем, так что будем всю жизнь добрыми друзьями и не станем совершать ничего опрометчивого.

— Станем, если только получим возможность, — пробормотал Лори мятежно.

— Ну будь благоразумным, смотри на вещи здраво, — умоляла Джо, почти не зная, что делать.

— Не хочу быть благоразумным и, как ты это называешь, «здраво» смотреть на вещи. Мне легче от этого не станет, а ты только становишься жестокой от такого благоразумия. Я не верю, что у тебя есть сердце.

— Я хотела бы, чтобы его не было.

В голосе Джо послышалась легкая дрожь, и, приняв это за добрый знак, Лори обернулся и постарался вложить всю силу убеждения во вкрадчивый тон, который еще никогда не был столь опасно вкрадчивым.

— Не разочаровывай нас, дорогая! Все ждут этого. Дедушка хочет этого всем сердцем, твои родные будут рады, и я не могу без тебя. Скажи «да», и будем счастливы. Скажи, скажи!

Даже месяцы спустя Джо удивлялась, как хватило у нее силы воли, чтобы упорно держаться того решения, которое она приняла, когда пришла к выводу, что не любит своего мальчика и никогда не полюбит. Ей было очень тяжело, но она знала, что отсрочка бесполезна и жестока.

— Я не могу сказать «да» с чистой совестью, так что не скажу. Со временем ты поймешь, что я права, и поблагодаришь меня за это, — начала она торжественно.

— Будь я проклят, если поблагодарю! — И Лори вскочил с травы, пылая негодованием от одного такого предположения.

— Да, поблагодаришь! — упорствовала Джо. — Скоро это у тебя пройдет, ты найдешь какую-нибудь прелестную, хорошо воспитанную девушку, которая будет обожать тебя и станет прекрасной хозяйкой твоего прекрасного дома. Я не стала бы такой хозяйкой. Я некрасивая, и неуклюжая, и странная, и старая, и ты стал бы стыдиться меня, и мы начали бы ссориться — вот видишь, даже сейчас мы не можем не ссориться, — и мне не нравилось бы изысканное общество, а тебе нравилось бы, и ты терпеть бы не мог мою писанину, а я не могла бы без нее, и мы стали бы несчастны и жалели бы, что поженились, и все было бы отвратительно!

— И что еще? — спросил Лори, которому было нелегко дослушать до конца это с

таким жаром произнесенное пророчество.

— Ничего, только то, что я, наверное, никогда не выйду замуж. Я счастлива и так, и я слишком люблю мою свободу, чтобы спешить отказаться от нее ради какого бы то ни было смертного мужчины.

— Я знаю лучше! — перебил ее Лори. — Это сейчас ты так думаешь, но придет время, когда ты кого-нибудь *полюбишь* и будешь любить его безмерно, и будешь готова жить и умереть для него. Я знаю, так и будет, ты такая, у тебя так всегда; а мне придется стоять и смотреть! — И отчаявшийся влюбленный бросил шляпу на землю с жестом, который показался бы комичным, если бы не было таким трагическим его лицо.

— Да, я буду готова жить и умереть для него, если он когда-нибудь придет и заставит меня полюбить его вопреки моей воле, а ты должен делать все, что в твоих силах! — крикнула Джо, окончательно потеряв терпение с бедным Тедди. — Я сделала все, что в моих силах, но ты *не* хочешь быть рассудительным, и это эгоизм с твоей стороны — выпрашивать то, чего я не могу дать. Я всегда буду любить тебя, очень любить — как друга, но я никогда не выйду за тебя замуж, и чем раньше ты поймешь это, тем лучше для нас обоих. Вот и все!

Эта речь была словно огонь, поднесенный к пороху. С минуту Лори смотрел на нее, словно не зная, что ему с собой делать, потом резко отвернулся, сказав с отчаянием:

— Когда-нибудь ты пожалеешь об этом, Джо.

— Куда ты? — крикнула она; его лицо испугало ее.

— К черту! — прозвучал утешительный ответ. Когда он бросился к реке, сердце Джо на мгновение замерло, но нужно много безумия, греха или горя, чтобы заставить молодого человека искать смерти, а Лори был не из тех слабых натур, для которых единственное поражение — уже полный разгром. Он не думал о мелодраматическом прыжке в воду — какой-то слепой инстинкт заставил его швырнуть шляпу и сюртук в лодку и грести прочь изо всех сил, показывая лучшее время вверх по реке, чем на всех гребных гонках, в которых он когда-либо участвовал.

— Это пойдет ему на пользу, и домой он придет в таком нежном, покаянном настроении, что у меня не хватит духу с ним встретиться, — сказала Джо, медленно бредя домой с таким чувством, словно убила какое-то невинное существо и погребла его под листьями. — Я должна пойти и подготовить мистера Лоренса, чтобы он был очень ласков с моим бедным мальчиком. Я хотела бы, чтобы он полюбил Бесс; может быть, так оно и будет со временем. Но мне начинает казаться, что я ошиблась относительно ее чувств. Боже мой! Как это девушкам может нравиться иметь поклонников и отказывать им? Я думаю, это отвратительно.

Уверенная, что никто не сделает это лучше, чем она сама, Джо отправилась прямо к мистеру Лоренсу, мужественно рассказала о том, о чем так трудно рассказать, а затем не выдержала и так горько расплакалась по поводу собственной бесчувственности, что добрый старик, хоть и был очень разочарован случившимся, не произнес ни слова упрека. Ему было нелегко понять, как какая-то девушка может не любить его Лори, и он надеялся, что Джо передумает, но знал, пожалуй, даже лучше, чем она, что «насильно мил не будешь»; так что он печально покачал головой и решил увезти внука подальше от греха, поскольку последние, обращенные к Джо, слова Юной Запальчивости обеспокоили его больше, чем он готов был признать.

Когда Лори пришел домой, смертельно уставший, но довольно спокойный, дедушка встретил его так, словно ни о чем не знал, и вел эту игру час или два. Но когда они сидели вдвоем в сумерки — время, которое прежде так приятно проводили вместе, — старику было тяжело говорить о пустяках и еще тяжелее молодому слушать, как хвалят его за успехи последнего года, которые теперь казались ему напрасными трудами любви. Он выносил это, пока был в силах, но затем подошел к фортепьяно и начал играть. Окна были открыты, и Джо, прогуливаясь в саду с Бесс, впервые понимала музыку лучше, чем сестра; Лори играл Патетическую сонату, и играл так, как никогда прежде.

— Очень хорошо, но так печально, до слез. Сыграй нам что-нибудь повеселее, мой

мальчик, — сказал мистер Лоренс, чье доброе старое сердце было полно сочувствия, которое он хотел показать, но не знал как.

Лори начал более оживленную пьесу. Несколько минут он играл с напряжением и мужественно прошел бы через это испытание, если бы в момент, когда музыка звучала тише, не послышался голос миссис Марч, позвавшей:

— Джо, дорогая, иди сюда. Ты мне нужна.

Те самые слова, которые жаждал сказать Лори, с другим значением! Прислушавшись, он забыл, где остановился, и музыка завершилась оборванным аккордом, а музыкант остался молча сидеть в темноте.

— Не могу это выносить, — пробормотал старик. Он встал, ощупью приблизился к фортепьяно, ласково положил руки на широкие плечи и сказал нежно, как женщина: — Я знаю, мой мальчик, все знаю.

С минуту ответа не было, потом Лори спросил резко:

— Кто вам сказал?

— Сама Джо.

— Тогда кончим этот разговор. — И он нетерпеливым движением стряхнул с плеч руки дедушки. При всей благодарности за сочувствие мужская гордость не могла вынести мужской жалости.

— Подожди. Я хочу кое-что сказать тебе, и тогда кончим, — ответил мистер Лоренс с необычной мягкостью. — Ты, вероятно, не захочешь теперь остаться дома?

— Не собираюсь бежать от девушки. Джо не может запретить мне видеть ее, и я останусь столько, сколько захочу, — ответил Лори с вызовом.

— Нет, если ты джентльмен, а я считаю тебя джентльменом. Я тоже разочарован, но девушка не может ничего с этим поделать, и единственное, что тебе остается, — это уехать на время. Куда ты хотел бы поехать?

— Куда угодно. Мне все равно, что со мной будет. — И Лори встал с равнодушным смехом, резавшим слух его дедушки.

— Прими это как мужчина и, Бога ради, не делай ничего безрассудного. Почему бы тебе не поехать за границу, как ты и хотел, и не забыть обо всем?

— Не могу.

— Но ты так хотел поехать, и я обещал тебе, что ты поедешь, когда окончишь университет.

— Ах, я же собирался ехать не один! — И Лори быстро зашагал по комнате с выражением лица, которого дедушка, к счастью, не видел.

— Я не предлагаю тебе ехать одному. Есть человек, который готов и рад поехать с тобой в любой конец света.

— Кто, сэр? — Лори остановился, чтобы услышать ответ.

— Я сам.

Лори подошел к нему так же стремительно, как прежде отошел, и, протянув руку, сказал хрипло:

— Я себялюбивая скотина, но... вы понимаете... дедушка...

— Помогите мне Господь, да, я знаю, ведь я сам прошел через это в юные годы, а потом и с твоим отцом. Ну же, дорогой мой мальчик, сядь спокойно и выслушай мой план. Все уже готово, и можно осуществить его сразу, — сказал мистер Лоренс, удерживая юношу, словно боялся, что он убежит, как это было с его отцом.

— Хорошо, сэр, что за план? — И Лори сел без всякого признака интереса в лице и голосе.

— У меня есть дело в Лондоне, которым надо заняться. Сначала я думал поручить это тебе, но, пожалуй, лучше сделаю все сам, а здесь все будет хорошо и без меня, так как Брук умело ведет дело. Мои партнеры делают почти все сами, я лишь стою во главе предприятия в ожидании, пока ты займешь мое место; так что я могу уехать в любое время.

— Но вы же терпеть не можете путешествовать, сэр. Я не могу просить вас об этом в

вашем возрасте, — начал Лори. Он был благодарен дедушке за самоотверженность, но предпочитал если уж ехать, то ехать одному.

Старик отлично знал это и именно такое развитие событий стремился предотвратить: настроение внука свидетельствовало о том, что было бы неразумно предоставить его самому себе. И, подавив естественные сожаления о домашнем уюте, с которым придется расстаться, он сказал твердо:

— Помилуй, я еще не старая развалина. Идея поездки кажется мне довольно привлекательной: путешествие принесет мне пользу, развлечет, а мои старые кости ничуть не пострадают, ведь в наши дни путешествовать не труднее, чем сидеть в кресле.

Беспокойное движение Лори наводило на мысль, что ему *трудно* сидеть в кресле или что ему не нравится план, и старик добавил торопливо:

— Я не намерен быть тебе помехой или обузой. Я еду потому, что, на мой взгляд, так ты будешь чувствовать себя лучше, чем если я останусь здесь. Я не собираюсь следовать за тобой повсюду — ты волен ехать куда хочешь, пока я развлекаюсь на свой лад. У меня есть друзья в Лондоне и Париже, и я хотел бы повидать их; а ты тем временем можешь съездить в Италию, Германию, Швейцарию — куда угодно — и наслаждаться живописью, музыкой, новыми местами и приключениями — сколько угодно.

И хотя в тот момент Лори по-прежнему чувствовал, что сердце его разбито, а мир — страшная пустыня, все же при звуке некоторых слов, которые дедушка предусмотрительно вставил в свое заключительное предложение, разбитое сердце неожиданно прыгнуло в груди, а в страшной пустыне вдруг появилось несколько зеленых оазисов. Он вздохнул, а затем сказал безжизненным тоном:

— Как хотите, сэр; мне все равно, куда я поеду и что буду делать.

— *Мне* не все равно, помни это, мой мальчик. Я даю тебе полную свободу; но надеюсь, ты не злоупотребишь ею. Обещай мне это, Лори.

— Обещаю все, что хотите, сэр.

«Очень хорошо, — подумал старик. — Сейчас тебе все равно, но придет час, когда это обещание удержит тебя от греха, или я очень ошибаюсь».

Будучи человеком энергичным, мистер Лоренс ковал железо, пока горячо, и, прежде чем поникшее существо вновь обрело силу духа, чтобы начать возражать, они отправились в путь. Все то непродолжительное время, которое потребовалось для приготовлений к путешествию, Лори вел себя так, как обычно ведут себя юные джентльмены в подобных случаях. Он был то угрюм, то раздражителен, то задумчив, потерял аппетит, одевался небрежно, подолгу и со страстью предавался игре на фортепьяно, избегал Джо, утешаясь тем, что смотрел на нее из окна с трагическим выражением, которое преследовало ее по ночам во сне и подавляло тяжким сознанием вины днем. В отличие от некоторых иных страдальцев, он никогда не говорил о своей безответной страсти и не позволял никому, даже миссис Марч, пытаться утешить его или выразить сочувствие. По понятным причинам это было облегчением для его друзей, но все же эти недели перед его отъездом были очень неприятными, и все радовались, что «милый мальчик уезжает, чтобы забыть свои огорчения и вернуться домой счастливым». Конечно же, он мрачно улыбался по поводу подобных заблуждений, но обходил их молчанием с печальным чувством превосходства человека, знающего, что его верность, как и его любовь, неизменны.

Когда пришло время расставания, он изобразил притворную веселость, чтобы скрыть некоторые неудобные эмоции. Эта веселость ни на кого не произвела впечатления, но все попытались сделать вид, что произвела, — ради него. И он держался хорошо до той минуты, когда миссис Марч поцеловала его и шепнула что-то ему на ухо с материнской заботливостью, и тогда, чувствуя, что быстро теряет мужество, он торопливо поцеловал всех, не забыв и огорченной Ханны, и бросился вниз, словно от смертельной опасности. Джо тоже спустилась немного погода, чтобы помахать ему, если он обернется. И он обернулся, возвратился, обнял ее, пока она стояла на ступеньке чуть выше его, и посмотрел вверх ей в лицо с выражением, сделавшим его краткий призыв красноречивым и трогательным:

— О, Джо, неужели не можешь?

— Тедди, дорогой, если б я могла!

И это было все, если не считать небольшой паузы. Лори выпрямился, произнес:

— Все в порядке, не обращай внимания, — и ушел, ничего больше не сказав.

Но не все было в порядке, и Джо не могла «не обращать внимания», ведь, когда кудрявая голова легла на ее руку мгновение спустя после ее жестокого ответа, она почувствовала себя так, словно убила самого дорогого друга, а когда он ушел, не оглянувшись, поняла, что мальчик Лори больше никогда не вернется.

Глава 13

Секрет Бесс

Когда той весной Джо вернулась домой, она была поражена переменой, происшедшей в Бесс. Никто не говорил об этой перемене и, казалось, даже не сознавал ее, так как все происходило слишком постепенно, чтобы поразить тех, кто видел ее каждый день, но для Джо после долгого отсутствия перемена была очевидна, и тяжесть легла на ее сердце, когда она вгляделась в лицо сестры. Оно не было бледнее и лишь чуть-чуть похудело с осени, но казалось странно прозрачным, словно смертное медленно отступало и бессмертное сияло сквозь слабую плоть с неописуемо трогательной красотой. Джо увидела и почувствовала это, но ничего не сказала, и вскоре первое впечатление утратило свою остроту, так как Бесс казалась довольной, никто, похоже, не сомневался, что ей лучше, а вскоре за иными заботами Джо на время забыла о своих страхах.

Но когда Лори уехал и снова возобладал покой, смутная тревога вернулась и стала преследовать ее. Она призналась в своих литературных грехах и получила прощение. Однако когда она показала свои сбережения и предложила поехать в горы, Бесс от души поблагодарила ее, но попросила не увозить так далеко от дома. Было решено, что более подходящей будет еще одна поездка к морю, а так как бабушку не удалось убедить даже на время оставить малышей Мег, Джо сама повезла Бесс в тихий приморский городок, где та могла проводить много времени на свежем воздухе, чтобы морские бризы вдохнули немного румянца в ее бледные щеки.

Это не был модный курорт, но даже среди приятных людей, которых девочки встретили там, они завязали мало знакомств, предпочитая проводить время вдвоем. Бесс была слишком застенчива, чтобы получать удовольствие от общения с новыми людьми, а Джо — слишком озабочена состоянием Бесс, чтобы думать о ком-либо еще. Они были всем друг для друга и приходили и уходили, совершенно не сознавая, какой интерес вызывали у окружающих, с сочувствием наблюдавших за двумя сестрами — сильной и слабой, не расстававшимися ни на миг, словно обе инстинктивно чувствовали, что долгая разлука недалека.

Да, они чувствовали, но никогда не говорили об этом; ибо часто в наших отношениях с теми, кто нам всего ближе и дороже, существует сдержанность, которую трудно преодолеть. Джо казалось, будто какая-то завеса разделяет их сердца, но стоило ей протянуть руку, чтобы отодвинуть эту завесу, как возникало ощущение, что в молчании есть что-то священное, и она ждала, когда заговорит Бесс. Она удивлялась — но вместе с тем и была благодарна Богу, — что родители, похоже, не видят того, что видит она, и в эти тихие недели, когда печальные тени сгущались все более очевидно для нее, она не писала об этом домашним, уверенная, что все будет ясно, когда Бесс вернется домой, не улучшив своего состояния. Еще чаще задумывалась она о том, догадывается ли сестра о горькой правде и какие мысли бродят в ее голове в те долгие часы, когда она лежит на теплых скалах, положив голову на колени Джо, а бодрящие ветры обвевают ее и музыка моря звучит у ее ног.

И однажды Бесс заговорила. Она лежала так неподвижно, что казалась спящей, и Джо, опустив книгу, сидела, печально глядя на худое лицо и пытаясь отыскать луч надежды в слабом румянце на щеках. Но ей не удалось найти того, что удовлетворило бы ее, — щеки

были впалыми, а руки слишком слабыми даже для того, чтобы держать маленькие розовые ракушки, которые они собрали на берегу. И тогда с новой остротой она осознала, что Бесс медленно уходит от нее, и невольно сжала в объятиях дражайшее сокровище, каким обладала, чтобы удержать его. С минуту глаза ее были затуманены, и она ничего не видела; когда взгляд ее прояснился, Бесс смотрела вверх на нее так нежно, что едва ли ей нужно было говорить:

— Джо, дорогая, я рада, что ты все знаешь. Я пыталась сказать тебе, но не могла.

Ответа не было, лишь щека сестры прижалась к ее щеке; не было даже слез — когда Джо бывала глубоко тронута, она не плакала. Теперь Джо была более слабой из них двоих, и Бесс попыталась утешить и поддержать ее. Она обняла ее и нежно зашептала:

— Я знаю об этом давно, дорогая, и теперь привыкла. Мне не тяжело думать об этом или это выносить. Постарайся смотреть на это так и не беспокойся обо мне, потому что так лучше всего, в самом деле лучше.

— Поэтому ты была так несчастна прошлой осенью, Бесс? Тогда тебе еще было тяжело и ты держала это про себя так долго, да? — спросила Джо, отказываясь видеть или говорить, что это — «лучше всего»; но ей было приятно знать, что горести Бесс никак не были связаны с Лори.

— Да, тогда я потеряла надежду, но не хотела признаться в этом. Я пыталась убедить себя, что это болезненное воображение, и не хотела никого беспокоить. Но когда я видела вас всех, таких здоровых, сильных, полных счастливых надежд, мне было тяжело сознавать, что я никогда не буду такой, как вы, и тогда я чувствовала себя несчастной.

— О, Бесс, и ты ничего не сказала мне, не дала утешить тебя, помочь тебе! Как ты могла отгородиться от меня и выносить все это одна?

В голосе Джо звучал нежный упрек, и сердце ее сжималось при мысли об одинокой борьбе, которая шла в душе Бесс, прежде чем та научилась сказать прости здоровью, любви, жизни и нести свой крест так спокойно и с готовностью.

— Может быть, это было нехорошо, но я старалась поступать правильно. Я не была уверена, и никто ничего не говорил. Я надеялась, что ошибаюсь. Это было бы эгоизмом — пугать вас всех, когда мама так озабочена делами Мег, Эми уехала, а ты так счастлива с Лори — по крайней мере, я так тогда думала.

— А я думала, что ты влюблена в него, Бесс, и я уехала, потому что не могла полюбить его! — воскликнула Джо, радуясь, что может наконец сказать всю правду.

Бесс была так изумлена этой мыслью, что Джо улыбнулась, несмотря на страдание, и добавила мягко:

— Значит, ты не была влюблена, дорогая? А я-то боялась, что это так, и воображала, будто твое бедное сердце все это время было полно страданий безнадежной любви.

— Ну что ты, Джо, как я могла, когда он был так влюблен в тебя? — сказала Бесс по-детски простоудушно. — Да, я очень люблю Лори; может ли быть иначе, ведь он так добр ко мне? Но для меня он никогда не мог быть никем иным, кроме как братом. И я надеюсь, когда-нибудь он действительно станет моим братом.

— Не через меня, — отозвалась Джо решительно. — Для него остается Эми, она прекрасно подошла бы ему, но я не испытываю склонности к подобным вещам сейчас. И мне все равно, что будет с кем угодно, кроме тебя, Бесс. Ты *должна* поправиться.

— Я хочу — о, как я хочу! Я стараюсь, но каждый день понемногу теряю силы и чувствую все яснее, что мне никогда не вернуть потерянного. Это как отлив, Джо, когда он сменяет прилив, вода уходит медленно, но его нельзя остановить.

— Его *надо* остановить, твой отлив не должен сменять прилив так рано; девятнадцать — это слишком рано. Бесс, я не позволю тебе уйти от нас. Я буду трудиться и молиться и бороться с этим. Я удержу тебя, несмотря ни на что; должны быть средства, не может быть, чтобы было слишком поздно. Бог не будет так жесток, чтобы отнять тебя у меня! — с мятежным чувством воскликнула бедная Джо, чей дух отличался куда меньшей набожной покорностью, чем дух Бесс.

Простые, искренние люди редко говорят о своей набожности: она проявляется в поступках скорее, чем в словах, и влияет на окружающих больше, чем проповеди или торжественные заявления. Бесс не могла рассуждать о вере или объяснить, что дает ей терпение и мужество отречься от жизни и спокойно и бодро ожидать смерти. Как доверчивое дитя, она не задавала вопросов, но оставила все Богу и природе, Отцу и матери всех нас, уверенная в том, что они, и только они, могут научить и укрепить сердце и дух для этой жизни и той, что ждет нас после смерти. Она не произносила благочестивых речей, не упрекала Джо, она лишь еще глубже любила ее за эту страстную привязанность и тянулась к дорогой ей человеческой любви, которой наш Отец никогда не хочет лишать нас, но через которую Он еще ближе привлекает нас к Себе. Она не могла сказать: «Я рада умереть», ибо жизнь была мила ей; она могла лишь всхлипнуть: «Я стараюсь смириться», крепко прижавшись к Джо, когда первая тяжелая волна этого великого горя обрушилась на них.

Вскоре Бесс сказала с вновь обретенной безмятежностью:

— Ты скажешь им об этом, когда мы вернемся домой?

— Я думаю, они поймут все без слов, — вздохнула Джо; ей казалось, что Бесс меняется с каждым днем.

— Может быть, и нет. Я слышала, что те, кто больше всего любит, часто более всех слепы к таким вещам. Если они не поймут, скажи им вместо меня. Я не хочу никаких секретов, и лучше приготовить их заранее. У Мег есть Джон и малыши, чтобы утешиться, но ты должна поддержать папу и маму, хорошо, Джо?

— Если смогу. Но, Бесс, я еще не сдалась. Я хочу верить, что это все же больное воображение, и не позволю тебе думать, что это правда, — сказала Джо, стараясь говорить весело.

С минуту Бесс лежала, задумавшись, потом сказала, как всегда, тихо и спокойно:

— Мне трудно это выразить, и я не попыталась бы объяснить это никому, кроме тебя, потому что я могу открыто высказать все только моей Джо. Я хочу лишь сказать, что у меня такое чувство, будто мне не было предназначено жить долго. Я не такая, как вы, остальные; я никогда не строила планов, не говорила, что буду делать, когда вырасту. Я никогда не думала о замужестве, как думали все вы. Я не могла вообразить себя никем иным, кроме маленькой глупенькой Бесс, топчущей по дому и ни на что не годной в любом другом месте. Я никогда не хотела никуда уезжать, и сейчас самое тяжелое для меня — это оставить вас всех. Я не боюсь, но, похоже, буду скучать о вас даже на небесах.

Джо не могла говорить, и несколько минут не было никаких других звуков, кроме вздохов ветра и плеска прибоя. Мимо пронеслась белокрылая чайка, ее серебристая грудь вспыхнула на солнце; Бесс проводила чайку взглядом, и глаза ее были полны печали. Маленькая серая птичка приблизилась к ним, шагая по прибрежной полосе песка и попискивая тихо и нежно, словно наслаждалась солнцем и морем. Она медленно подошла совсем близко к Бесс, посмотрела на нее дружески маленьким глазком и села на теплом камне, расправляя мокрые перышки и чувствуя себя вполне непринужденно. Бесс улыбнулась, и ей стало легче — казалось, эта крошка предлагала ей свою маленькую дружбу и напоминала, что этим приятным миром все еще можно наслаждаться.

— Милая маленькая птичка! Смотри, Джо, совсем ручная. Я люблю этих птичек больше, чем чаек: они не такие смелые и красивые, но кажутся довольными и доверчивыми. Я привыкла называть их «моими птичками», когда мы были здесь прошлым летом; и мама сказала, что они напоминают ей меня — вечно занятые, неприметные, всегда у берега и всегда насвистывают свою счастливую песенку. Ты, Джо, чайка, сильная и свободная, любишь грозу и ветер, летаешь далеко над морем и счастлива в одиночестве. Мег — голубка, а Эми — жаворонок, пытающийся подняться за облака, но всегда падающий назад в свое гнездо. Милая девочка! Она так честолюбива, но сердце у нее доброе и нежное, и, как бы высоко она ни взлетела, она не забудет родной дом. Надеюсь, что я еще увижу ее, но кажется, что она так далеко.

— Она приедет весной, и к тому времени я собираюсь сделать тебя здоровой и

веселой, — начала Джо, чувствуя, что из всех перемен, происшедших в Бесс, самой большой была перемена в ее речи — казалось, что теперь она говорит без усилий, просто думая вслух, и это было так непохоже на прежнюю стеснительную Бесс.

— — Джо, дорогая, оставь надежду. Это бесполезно. Я уверена. Не будем горевать, а насладимся тем, что пока, в ожидании будущего, мы вместе. Мы счастливо проведем это время; я не слишком страдаю и думаю, отлив пройдет легко, если ты поможешь мне.

Джо склонилась, поцеловала спокойное лицо и с этим безмолвным поцелуем душой и телом посвятила себя Бесс.

Она оказалась права: когда они вернулись домой, слова были не нужны. Родители увидели то, чего они так просили в молитвах не дать им увидеть. Утомленная даже этим коротким путешествием, Бесс сразу пошла в постель, сказав лишь, как рада снова быть дома. А когда Джо снова спустилась в гостиную, она обнаружила, что избавлена от тяжелой задачи — рассказать о секрете Бесс. Отец стоял, прислонившись головой к каминной полке, и не обернулся, когда Джо вошла; но мать протянула руки, словно прося о помощи, и Джо подошла, чтобы утешить ее без слов.

Глава 14

Новые впечатления

В три часа пополудни весь модный свет Ниццы можно видеть на Promenade des Anglais⁵¹ — очаровательной широкой аллее, обсаженной пальмами, цветами и тропическими кустарниками; с одной стороны раскинулось море, с другой лежит широкая проезжая дорога с отелями и виллами вдоль нее, за которыми виднеются апельсиновые рощи и поднимаются к небу горы. Много народов представлено здесь, многие языки звучат, много разнообразных нарядов носят — и зрелище в солнечный день веселое и блестящее, как карнавал. Высокомерные англичане, бойкие французы, серьезные немцы, красивые испанцы, некрасивые русские, кроткие евреи, непринужденные американцы — все едут, сидят или прогуливаются пешком, болтая о новостях и обсуждая последнюю прибывшую знаменитость — Ристори или Диккенса, Виктора Эммануила или королеву Сандвичевых островов. Экипажи не менее разнообразны, чем сами отдыхающие, и привлекают столько же внимания, особенно маленькие и низкие плетеные ландо, которыми правят сами сидящие в них дамы, с парой лихих пони, с яркими сетками, чтобы не дать каскадам оборот перелиться через борта экипажа, и с маленькими грумами на высокой жердочке сзади.

По этой аллее шел в рождественский день высокий молодой человек, с заложенными за спину руками и довольно рассеянным выражением лица. Он выглядел как итальянец, был одет как англичанин и имел независимый вид американца — сочетание, заставившее немало пар женских глаз проводить его благосклонным взглядом и немало щеголей в черных бархатных костюмах с розовыми галстуками, желтыми кожаными перчатками и апельсиновыми цветами в петлицах позавидовать его росту. Вокруг было множество прелестных лиц, вызывавших восхищение, но молодой человек обращал на них мало внимания, лишь изредка бросая взгляд на какую-нибудь юную блондинку или леди в голубом. Вскоре он дошел до конца аллеи и на мгновение задержался на перекрестке, словно был в нерешительности — пойти ли послушать оркестр в публичном саду или пройти вдоль берега к Замковому холму. Быстрый топот резвых пони заставил его поднять глаза — вдоль по улице стремительно мчался один из прелестных маленьких экипажей, в котором сидела одинокая леди — молодая блондинка в голубом. Молодой человек внимательно посмотрел на нее, затем лицо его оживилось, и, размахивая шляпой точно мальчик, он бросился к ней.

⁵¹ Promenade des Anglais — английская набережная, была заложена в 1822 году, жившими в Ницце англичанами.

— О, Лори, неужели ты? Я уж думала, ты никогда не приедешь! — воскликнула Эми, бросив вожжи и протянув ему обе руки, к великому возмущению какой-то французской мамыши, которая заставила свою дочь ускорить шаги, чтобы на нее не оказал дурного влияния вид свободных манер этих «сумасшедших англичан».

— Была задержка в пути; но я обещал провести с тобой Рождество — и вот я здесь.

— Как здоровье твоего дедушки? Когда ты приехал? Где остановился?

— Очень хорошо... Вчера вечером... В «Шовэне». Я заходил в вашу гостиницу, но мне сказали, что вы вышли.

— Мне так много нужно тебе сказать, не знаю даже, с чего начать! Садись, и мы сможем поговорить свободно. Я собираюсь прокатиться и очень хочу иметь спутника. Фло не поехала — готовится к вечеру.

— Что же будет? Бал?

— Большой рождественский бал в нашей гостинице. Там много американцев, и они хотят отпраздновать Рождество. Ты ведь пойдешь с нами? Тетя будет в восторге.

— Спасибо. А куда сейчас? — спросил Лори, откинувшись на спинку сиденья и сложив руки, что вполне устраивало Эми, которая предпочитала править сама — ее очаровательный кнутик и голубые вожжи, протянувшиеся над спинами белых пони, доставляли ей бесконечную радость.

— Сначала за письмами, а затем на Замковый холм; там такой прелестный вид, и я очень люблю кормить павлинов. Ты бывал там?

— Часто, много лет назад, но не против взглянуть и сейчас.

— Теперь расскажи мне все о себе. Последние вести о тебе были от твоего дедушки: он писал, что ждет тебя из Берлина.

— Да, я провел там месяц, а затем присоединился к нему в Париже, где он обосновался на зиму. У него там друзья и много развлечений, так что я то приезжаю к нему, то уезжаю, и все у нас идет отлично.

— Дружеский уговор, — заметила Эми, которой чего-то не хватало в манерах Лори, хотя она не могла сказать, чего именно.

— Понимаешь, он терпеть не может путешествовать, а я терпеть не могу сидеть на одном месте, так что каждый из нас поступает в соответствии со своими желаниями — и никаких хлопот. Я часто бываю с ним, он радуется моим приключениям, а мне приятно, что кто-то рад меня видеть, когда я возвращаюсь из моих странствий... Грязная старая дыра, правда? — добавил он с отвращением, когда они ехали по бульвару в старой части города к площади Наполеона.

— Грязь живописна, так что я не против. Река и горы восхитительны, а эти мелькающие с обеих сторон узкие извилистые улочки вызывают восторг. Нам придется подождать, пока пройдет эта процессия. Они идут в церковь Святого Иоанна.

В то время как Лори равнодушно наблюдал за процессией, состоявшей из священников под балдахинами, монахинь в белых покрывалах, несущих горящие свечи, и монахов в голубом, поющих на ходу, Эми наблюдала за ним и чувствовала, как какая-то незнакомая робость овладевает ею. Он изменился, и она не могла увидеть в этом угрюмом мужчине, сидевшем рядом с ней, того милого мальчика с веселым лицом, которого покинула дома. Она подумала, что он стал еще красивее и даже гораздо интереснее, но теперь, когда первый порыв радости при встрече с ней прошел, он выглядел утомленным и апатичным — не больным, не явно несчастным, но казался как-то старше и серьезнее, чем могли сделать его год или два благополучной жизни. Она не могла этого понять, но не решилась задать какие-либо вопросы, а лишь покачала головой и тронула с места своих пони, когда процессия свернула под арки моста Пальони и исчезла в церкви.

— *Que pensez-vous?*⁵² — спросила она, демонстрируя свой французский, который

⁵² *Que pensez-vous?* — О чем вы думаете? (франц.).

улучшился количественно, если не качественно, с тех пор как она приехала в Европу.

— Эта мадемуазель не теряла времени даром, и результат очарователен, — галантно ответил Лори, поклонившись с восхищенным видом и положив руку на сердце.

Она покраснела от удовольствия, но почему-то комплимент не удовлетворил ее так, как удовлетворяли те грубоватые похвалы, которые она прежде слышала от него дома, когда в праздник он, обойдя ее со всех сторон, говорил, что она выглядит «вполне отлично», и с сердечной улыбкой одобрительно гладил по голове. Ей не нравился его новый тон, так как хоть в нем и не было пресыщенности, он оставался равнодушным, несмотря на восхищенный взгляд.

«Если он так будет меняться с возрастом, то уж лучше бы всегда оставался мальчиком», — подумала она со странным ощущением разочарования и неловкости, пытаясь тем временем казаться непринужденной и веселой.

В Авигдоре она получила драгоценные письма из дома и, отдав вожжи Лори, читала с наслаждением, пока они ехали по тенистой дороге, выходящей между живыми изгородями, в которых цвели чайные розы, такие же свежие, как в июне.

— Бесс очень плоха, мама пишет. Я часто думаю, что мне следовало бы вернуться домой, но все они говорят «оставайся». И я остаюсь, ведь мне никогда больше не представится такая возможность, как сейчас, — сказала Эми, печально глядя на одну из страниц письма.

— Я думаю, ты поступаешь правильно. Ты не смогла бы ничем помочь дома, а для них большое утешение знать, что ты здорова и счастлива и так хорошо проводишь время, моя дорогая.

Он придвинулся чуть ближе, говоря это, и стал больше похож на прежнего Лори; и страх, закрадывавшийся порой в душу Эми, отступил, ибо взгляд, движение, братское «моя дорогая» уверили ее, что, если придет горе, она не будет одна с этим горем в чужой земле.

Вскоре она засмеялась и показала ему маленький рисунок Джо — она сама в ее «писательском костюме» с грозно торчащим на шапочке бантиком и исходящими из рта словами: «Гений кипит!» Лори улыбнулся, взял листок, положил в карман жилета — чтобы «не унесло ветром» — и с интересом прослушал веселое письмо, которое прочитала ему Эми.

— Это будет самое настоящее «веселое Рождество» для меня: утром — подарки, после обеда — ты и письма, а вечером — бал, — сказала Эми, когда они вышли из ландо среди руин и стая великолепных, совсем ручных павлинов окружила их, ожидая угощения. Пока Эми стояла на валу, смеясь и бросая крошки сверкающим на солнце птицам, Лори смотрел вверх на нее так, как прежде она смотрела на него, — с естественным любопытством, отмечая перемены, которые принесло время. Он не нашел ничего, что смутило бы его или разочаровало, но нашел многое, чем восхитился и что одобрил, так как, если не считать некоторой искусственности речей и манер, она была такой же веселой и грациозной, как всегда, но к этому добавилось нечто такое в одежде и поведении, что не поддается описанию и что мы называем элегантною. Всегда необычно зрелая для своего возраста, она обрела определенный апломб и в осанке, и в разговоре, отчего еще больше казалась светской женщиной; но все же ее прежняя капризность иногда проявлялась, ее сильная воля не слабела, а природная искренность не была испорчена иностранным лоском.

Всего написанного здесь Лори не читал, пока наблюдал, как она кормит павлинов, но он заметил в ней немало такого, что понравилось ему и вызвало интерес, и унес с собой прекрасное воспоминание — девушка с оживленным лицом, стоящая на солнце, которое подчеркивает нежный оттенок ее платья, свежий румянец на щеках, золотистый блеск ее волос и делает всю ее заметной фигурой на фоне приятного пейзажа.

Когда они поднялись на каменную площадку на вершине горы, Эми помахала рукой, словно приглашая его на свое излюбленное место, и, указывая рукой то туда, то сюда, сказала:

— Ты помнишь все это — собор и Корсо, рыбаков, которые тянут сети в заливе,

прелестную дорогу, ведущую к Вилла-Франка, башню Шуберта здесь, внизу, и самое лучшее — вон то пятнышко в морской дали, говорят, что это Корсика?

— Помню; не так уж все изменилось за то время, что я не был здесь, — отозвался он без энтузиазма.

— Чего бы не отдала Джо за вид этого знаменитого пятнышка! — сказала Эми; у нее было отличное настроение, и ей очень хотелось, чтобы такое же было и у Лори.

— Да, — вот и все, что он сказал, но, обернувшись, напряг зрение, пытаясь разглядеть остров, который сделало интересным для него напоминание о любви — узурпаторе еще более могущественном, чем даже Наполеон.

— Хорошенько посмотри на него — ради нее, а потом сядь и расскажи мне, что ты делал все это время, — сказала Эми, усаживаясь и приготовившись к дружеской беседе.

Но беседы не получилось, так как, хотя он присоединился к ней и ответил на все ее вопросы откровенно, она смогла узнать только то, что он много ездил по Европе и побывал в Греции. Проведя так целый час, они поехали обратно, и, засвидетельствовав свое почтение миссис Кэррол, Лори покинул их, пообещав прийти вечером.

Нужно отметить, что Эми особенно тщательно чистила перышки в тот вечер. Время и разлука изменили и ее, и Лори, и она увидела своего старого друга в новом свете, уже не как «нашего мальчика», но как красивого и приятного мужчину, и испытывала вполне естественное желание найти благосклонность в его взоре. Эми знала свои сильные стороны и использовала их наилучшим образом, со вкусом и мастерством, которые можно назвать приданным красивой, но бедной женщины.

Кисея и тюль были дешевы в Ницце, и потому она облачалась в них по праздничным случаям и, следуя разумной английской моде на простые платья для юных девушек, украшала свои туалеты цветами, несколькими безделушками и прочими изящными средствами, которые были и недороги, и эффектны. Нужно признать, что порой художница брала в ней верх над светской женщиной, и тогда она увлекалась античными прическами, скульптурными позами и классическими драпировками. Но, ах, у всех нас есть свои маленькие слабости, и нам нетрудно извинить подобные в молодых, которые радуют наш взгляд своей миловидностью и веселят наши сердца своим безыскусственным тщеславием.

«Я хочу, чтобы он нашел, что я хорошо выгляжу, и написал им об этом домой», — сказала себе Эми, надевая старое белое шелковое бальное платье Фло и покрывая его сверху облаком новой «иллюзии»⁵³, из которого ее белые плечи и золотая голова появлялись, производя весьма живописное впечатление. У нее хватило здравого смысла, чтобы оставить в покое свои волосы, после того как густые волны кудрей были собраны на затылке в прическу *a la Геба*⁵⁴.

— Да, это немодно, но это к лицу, а я не хочу делать из себя пугало, — обычно отвечала она, когда ей советовали сделать завивку, валик или косу, как диктовала новейшая мода.

Не имея достаточно изящных для такого важного случая украшений, Эми подколола свои пышные юбки несколькими розовыми азиями и обрамила белые плечи нежной веточкой зеленого плюща. Вспоминая крашенные ботинки прежних лет, она с удовлетворением взглянула на свои белые атласные туфельки и прошла по комнате, восхищаясь в полном одиночестве своими аристократическими ножками.

— Мой новый веер очень подходит к моим цветам, перчатки к брелочу, а настоящие кружева на тетином *mouchoir*⁵⁵ придают изысканность всему моему наряду. И если бы

⁵³ «Иллюзия» — или «иллюзион», тонкая полупрозрачная кисея или тюль.

⁵⁴ *a la Геба* — *a la* — наподобие.

⁵⁵ *mouchoir* — платок (франц.).

только у меня были классические нос и рот, я была бы совершенно счастлива, — сказала она, обозревая себя критическим взглядом в зеркале, со свечой в каждой руке.

Несмотря на это последнее огорчение, она выглядела необыкновенно веселой и изящной, когда заскользила к выходу — она редко бегала, считала, что это не в ее стиле и что при высоком росте больше подходит быть величавой, как Юнона, чем шаловливой или пикантной. Она прошла туда и обратно по длинному приемному залу в ожидании Лори и сначала расположилась под люстрой, в выгодном для ее волос освещении, но затем, подумав, отошла в другой конец зала, стыдясь тщеславного желания произвести благоприятное впечатление с первого взгляда. Но оказалось, что более удачной позиции, чем та, которую заняла она, нельзя было и придумать: Лори вошел так бесшумно, что она не слышала шагов и стояла неподвижно у дальнего окна, чуть повернув голову и подобрав одной рукой складки платья, — стройная белая фигура на фоне красных занавесей была эффектна, как хорошо размещенная статуя.

— Добрый вечер, Диана! — сказал Лори, глядя на нее с удовольствием, которое ей было приятно видеть.

— Добрый вечер, Аполлон! — ответила она, отвечая улыбкой на его улыбку, так как он тоже выглядел необычайно элегантно, и, представив, как она войдет в бальный зал под руку с таким представительным мужчиной, Эми от души пожалела своих знакомых — четырех некрасивых мисс Дэвис.

— Вот цветы, я подобрал их сам, помня, что ты не любила, как выражается Ханна, «набирать букет», — сказал Лори, вручая ей нежный букетик в кольцо, о котором она давно мечтала, проходя мимо витрины «Кардильи».

— Какой ты милый! — воскликнула она с благодарностью. — — Если бы я знала, что ты приедешь, я тоже приготовила бы для тебя подарок, только боюсь, он не был бы таким красивым, как твой.

— Спасибо. Он не так красив, как должен бы быть, но ты замечательное к нему дополнение.

— Пожалуйста, не надо таких комплиментов.

— Я думал, тебе нравится их слышать.

— Не от тебя. Они звучат неестественно, и мне больше по душе твоя прежняя грубоватая прямота.

— Я этому рад, — сказал он с видом облегчения, помог ей застегнуть перчатки и спросил, прямо ли завязан его галстук, как делал это прежде, когда они вместе ходили на вечеринки дома.

Таких гостей, как те, что собрались в тот вечер в длинной гостиничной *salle a manger*⁵⁶, не увидишь нигде, кроме континентальной Европы. Радужные американцы пригласили всех, кого знали в Ницце, и, не имея никаких предрассудков в отношении представителей титулованной знати, раздобыли и их для придания большего блеска своему рождественскому балу.

Русский князь соизволил посидеть в углу с час и поговорить с внушительной дамой, одетой, как мать Гамлета, в черный бархат с жемчужной уздой под подбородком. Польский граф, восемнадцати лет, целиком посвятил себя дамам, которые объявили его «очаровательным юношей», а какая-то немецкая «его светлость», пришедшая на вечер в одиночестве, блуждала по залу, ища, что бы она могла поглотить. Личный секретарь барона Ротшильда, еврей с крупным носом и в тесных ботинках, любезно улыбался миру, словно имя патрона венчало золотым ореолом его собственное чело. Полный француз, лично знавший императора, пришел, чтобы предаться страсти к танцам, а леди «де» Джоунз, некая британская матрона, украсила общество своим маленьким семейством из восьми человек. Конечно, здесь было много быстроногих, визгливых американских девушек;

⁵⁶ *salle a manger* — столовая (франц.).

красивых, с безжизненным видом англичанок — точных копий друг друга; несколько некрасивых, но пикантных французских demoiselles⁵⁷; а также и обычный набор путешествующих молодых людей, которые веселились и развлекались, в то время как мамы всех наций стояли вдоль стен и благосклонно улыбались им, пока они танцевали с их дочерьми.

Любая девушка может вообразить настроение Эми, когда она «вышла на сцену» в тот вечер в сопровождении Лори. Она знала, что выглядит хорошо, любила танцевать и радовалась восхитительному чувству власти, которое приходит, когда юные девушки впервые открывают для себя новое и прекрасное королевство, которым рождены править в силу красоты и женственности. Ей было жаль девочек Дэвис, которые были неловкие, некрасивые и которых сопровождал только мрачный папа и три еще более мрачные незамужние тетки, и она самым дружеским образом поклонилась им, проходя мимо, тем самым любезно позволив разглядеть свое платье и загореться любопытством относительно того, кем может быть ее незаурядной внешности друг. С первыми звуками оркестра Эми зарумянилась, глаза ее заблестели, ножкой она нетерпеливо постукивала по полу. Она научилась очень хорошо танцевать, и ей хотелось, чтобы Лори узнал об этом, поэтому легче вообразить, чем описать, каким ударом оказались для нее слова Лори, сказанные совершенно равнодушным тоном:

— Тебе хочется танцевать?

— Всем хочется этого на балу.

Ее удивленный взгляд и быстрый ответ побудили Лори постараться как можно скорее исправить ошибку.

— Я имел в виду первый танец. Могу я иметь честь?

— Пожалуй, но мне придется отказать графу. Он танцует великолепно, но он извинит меня, ведь ты старый друг, — сказала Эми, надеясь произвести на Лори впечатление упоминанием титула и показать, что к ней не следует относиться несерьезно. — Милый малыш, но, пожалуй, слишком короткий шест⁵⁸), чтобы поддержать

«Дочь дивную богов
С божественной красотой и статью», —

услышала она в ответ, и тем ей пришлось удовлетвориться.

Круг танцующих, в котором они оказались, состоял в основном из англичан, и Эми была принуждена плавно расхаживать в танце по залу, чувствуя в то же время, что куда охотнее станцевала бы тарантеллу. Лори уступил ее «милому малышу», а сам отправился исполнить свой долг перед Фло, не гарантировав Эми будущих радостей, и эта предосудительная непредусмотрительность была надлежащим образом наказана: она немедленно раздала все танцы до самого ужина, но все же с намерением смягчиться, если бы он проявил признаки раскаяния. Когда он медленно и лениво подошел — вместо того чтобы броситься — к ней, желая пригласить ее на следующий танец, она со скромным удовлетворением показала ему свою бальную записную книжку. Он выразил вежливое сожаление; но, когда она галопом понеслась по залу с графом, ей бросилась в глаза фигура Лори, который усаживался рядом с ее теткой, и на лице его было выражение подлинного облегчения.

Нет, это было непростительно, и Эми больше не обращала на него внимания, обмениваясь лишь парой слов, когда между танцами подходила к тетке, чтобы взять понадобившуюся булавку или просто минуту передохнуть. Однако она скрyla свое

⁵⁷ demoiselles — девицы (франц.).

⁵⁸ «но слишком маленький шест» — в оригинале игра слов pole — «поляк» и «шест».

раздражение под веселой улыбкой и казалась необыкновенно счастливой и красивой. Лори было приятно смотреть на нее: она танцевала с живостью и грацией, делая это приятное времяпрепровождение таким, каким оно и должно быть. Он начал изучать ее с этой точки зрения, и не прошло и половины вечера, как у него сложилось убеждение, что «маленькая Эми превращается в очаровательную женщину».

Бал представлял великолепное зрелище: дух праздника овладел всеми, рождественское веселье сделало сияющими все лица, счастливыми сердца, легкими ноги. Музыканты с увлечением водили смычками, трубили и барабанили, танцевали все, кто мог, а те, кто не мог, с жаром восхищались другими. По залу порхали девочки Дэвис; Джоунзы резвились, точно стадо юных жирафов. Сияющий секретарь барона проносился как метеор с кокетливой француженкой, метущей пол своим розовым шлейфом. Сиятельный тевтон нашел наконец накрытый к ужину стол и был счастлив, заказывая по порядку все блюда, указанные в меню, и ужасая официантов производимыми опустошениями. Но славой покрыл себя в тот вечер друг императора — он танцевал все, умел или не умел, вводя импровизированные пируэты в незнакомые ему фигуры танцев. Было приятно видеть юношескую непринужденность этого полного человека: хоть ему и приходилось «носить свой вес», он скакал как резиновый мячик. Он бегал, летал, выделял ногами курбеты, лицо его пылало, лысина сияла, фалды фрака отчаянно развевались, лакированные бальные туфли прямо-таки мелькали в воздухе, а когда музыка умолкала, он вытирал пот со лба и улыбался своим партнершам как французский Пиквик без очков.

Эми и ее поляк отличались равным энтузиазмом, но куда большей грацией, и Лори заметил, что невольно считает в такт с ритмичными движениями белых туфелек, порхающих так неумоимо, словно на них были крылья. Когда маленький Владимир наконец оставил ее, с уверениями, что «очень жаль покидать бал так рано», она решила отдохнуть и посмотреть, как перенес наказание ее рыцарь-изменник. Оно и в самом деле принесло пользу, ибо в двадцать три приятное общество — бальзам для раненых чувств, очарование красоты, света, музыки и движения заставляет нервы трепетать, кровь кипеть, душу радоваться. У Лори был вполне проснувшийся вид, когда он поднялся, чтобы уступить ей свое место. А когда он отошел, чтобы принести ей ужин, она сказала себе с улыбкой: «Ага, я знала, что ему это будет полезно».

— Ты выглядишь как бальзаковская «*femme peinte par elle-meme*»⁵⁹, — заметил он, обмахивая ее веером, который держал в одной руке, а другой поднося ей чашку кофе.

— Мои румяна не стираются. — Эми потеряла пылающую щеку и показала ему белую перчатку с простодушной серьезностью, заставившей его рассмеяться вслух. — Как называется эта ткань? — спросил он, касаясь складки ее платья, которую отнесло движением воздуха ему на колено.

— Иллюзия.

— Хорошее название. Очень красивая ткань — недавно появилась, да?

— Все это старо как мир. Ты видел эту ткань на десятках девушек, но никогда не замечал, что она красива, до сих пор, *stupide*⁶⁰!

— Причина в том, что никогда прежде я не видел ее на тебе.

— Без комплиментов, это запрещено. Сейчас мне больше нужен кофе, чем комплименты. И не сиди развальясь, меня это раздражает.

Лори сел прямо и покорно принял от нее пустую тарелку, чувствуя странное удовольствие от того, что им командует «маленькая Эми». Что же до нее, она утратила

⁵⁹ *femme peinte par elle-meme* — «Женщина, сама себя нарисовавшая» (франц.). Бальзак Оноре, французский писатель, автор цикла романов «Человеческая комедия», в которых описывал нравы французской буржуазии и аристократии.

⁶⁰ *stupide* — глупый (франц.).

прежнюю робость и испытывала непреодолимое желание третировать его, как девушки имеют восхитительное обыкновение делать, когда мужчины, эти «венцы творения», проявляют какие-либо признаки покорности.

— Где же ты всему этому научилась? — спросил он с насмешливым взглядом.

— «Всему этому» — довольно неопределенное выражение, не будешь ли любезен уточнить? — ответила Эми, отлично зная, что он имеет в виду, но лукаво предоставляя ему определить то, что не поддается определению.

— Ну... общий вид, стиль, самообладание... это... эту... иллюзию... — засмеялся Лори, растерявшись и преодолевая затруднение при помощи нового слова.

Эми была обрадована, но, разумеется, не показала этого и сдержанно отвечала:

— Жизнь за границей придает внешний лоск; я невольно учусь, словно играя, а это... — Она небрежным жестом указала на платье. — Тюль дешев, цветы почти ничего не стоят, а я привыкла наилучшим образом использовать свои скромные вещи.

Эми отчасти пожалела об этой последней фразе, боясь, что она была не в лучшем вкусе. Но Лори почувствовал, что у него вызывает восхищение и уважение это мужественное терпение, которое извлекает максимум возможного из того, что имеет, и бодрый дух, скрывающий бедность под цветами.

Эми не знала, почему он смотрит на нее так ласково и почему он заполнил все оставшиеся пустые строки в ее бальной книжке своим именем, посвятив ей свое внимание на остаток вечера, но порыв, вызвавший эту приятную перемену в их отношениях, был результатом тех новых впечатлений, которые они оба, сами того не сознавая, производили друг на друга.

Глава 15

Сдана в архив

Во Франции молодые девушки ведут скучную жизнь, пока не выйдут замуж, а уж тогда «vive la liberte!»⁶¹ становится их девизом. В Америке, как всем известно, девушки рано подписывают «декларацию независимости» и наслаждаются своей свободой с республиканским пылом, но юные матроны обычно отрекаются от престола с появлением первого наследника и отправляются в уединение, почти столь же строгое, как французский монастырь, хотя далеко не такое спокойное. Нравится им это или нет, они фактически списаны в архив, как только свадебные волнения позади, и большинство из них могли бы воскликнуть, как воскликнула на днях одна очень красивая молодая женщина: «Я все так же хороша собой, но никто не обращает на меня внимания, потому что я замужем!»

Не будучи ни красавицей, ни светской леди, Мег не испытывала подобных огорчений, пока ее малышам не исполнился год. В ее маленьком мире господствовали простые нравы, и она чувствовала, что ее любят и ею восхищаются еще больше, чем прежде.

Так как она была женственной маленькой женщиной, ее материнский инстинкт оказался очень сильным, и она была совершенно поглощена своими детьми — до полного забвения всех и всего остального. День и ночь она лелеяла их с неутомимой заботливостью, оставляя Джона на милость наемной кухарки. Как человек домашний, Джон явно страдал без внимания жены, к которому успел привыкнуть, но он очень любил своих малышей и потому охотно отказался на время от собственных удобств, полагая с типично мужским невежеством, что покой и порядок скоро будут восстановлены. Но прошло несколько месяцев, а не было и признаков возврата семейной гармонии: Мег казалась измотанной и нервной, дети поглощали все ее время до минуты, дом был брошен, а Китти, кухарка-ирландка, которая принимала жизнь «леххо», держала хозяина впроголодь. Когда он выходил утром из дома, его приводили в замешательство многочисленными поручениями

⁶¹ vive la liberte! — да здравствует свобода! (франц.).

мамы-пленницы; когда он возвращался вечером, горячо желая обнять семью, его порыв гасили возгласом: «Тише! Они только что уснули, а весь день плакали». Если он предлагал небольшое развлечение дома — «Нет, это беспокоит для маленьких». Если он намекал на лекцию или концерт, ему отвечали полным упреком взглядом и решительным: «Бросить детей ради собственного удовольствия — никогда!» Его сон нарушался младенческим плачем и видениями призрачной фигуры, бесшумно шагающей взад и вперед в бессонные ночные часы; его еда прерывалась частыми отлетами председательствующего за столом гения, который покидал его, полуобслуженного, если из гнездышка наверху слышалось сдавленное чириканье; а когда он читал по вечерам газету, колика Деми включалась в перечень судов торгового флота, а падение Дейзи влияло на цену биржевых акций, поскольку миссис Брук интересовали лишь домашние новости.

Бедный мужчина чувствовал себя очень неудобно, ибо дети лишили его жены, весь дом стал одной большой детской, а вечное «Тсс!» заставляло его чувствовать себя свирепым захватчиком, когда бы он ни вступал в священные границы Страны Младенцев. Он выносил это очень терпеливо шесть месяцев, но, когда не появилось никаких признаков улучшения ситуации, он сделал то, что делают обычно другие ссыльные отцы, — постарался найти утешение в другом месте. Скотт женился и завел свое хозяйство, и Джон привык забегать к нему на час-другой, когда его собственная гостиная была пуста, а его собственная жена пела колыбельные, которым, казалось, не будет конца. Миссис Скотт была живой, красивой молодой женщиной, у которой не было иных забот, кроме как быть приятной, и она исполняла свою миссию весьма успешно. Гостиная всегда была нарядной и привлекательной; шахматная доска с расставленными фигурами, настроенное пианино, множество веселой болтовни и хороший небольшой ужин — все это предлагалось самым соблазнительным образом. Джон предпочел бы свой собственный семейный очаг, если бы не чувствовал себя возле него таким одиноким, но, так как дело обстояло иначе, он с благодарностью принимал наилучшую из возможных замен этого семейного очага и наслаждался обществом соседей.

Сначала Мег, пожалуй, даже одобряла новый порядок. Для нее было утешением знать, что Джон хорошо проводит время, вместо того чтобы дремать в гостиной или бродить по дому и будить детей. Но постепенно, когда волнения, связанные с первыми зубами, прошли и ее кумиры стали ложиться спать в надлежащее время, оставляя маме время для отдыха, она начала скучать без Джона и находить свою рабочую корзинку унылым обществом, когда муж не сидел напротив в старом халате, спокойно подпаливая свои домашние туфли на каминной решетке. Она не просила его остаться дома, но обижалась, так как он не догадывался сам, что нужен ей, и даже не вспоминала о тех бесчисленных вечерах, когда он напрасно ждал ее. Она была нервной, измученной бессонными ночами и тревогами и в том расположении духа, не позволяющем смотреть на вещи здраво, которое бывает порой у лучших из матерей, когда их угнетают домашние заботы. Отсутствие движения на воздухе лишает их бодрости, а чрезмерное поклонение идолам американских женщин — чайнику — заставляет их чувствовать себя так, словно у них одни нервы и никаких мускулов.

— Да, — говорила она, глядя в зеркало, — я становлюсь старой и некрасивой. Джон больше не находит меня интересной, поэтому покидает свою поблекнувшую жену и идет смотреть на хорошенькую соседку, у которой нет забот. Ну что ж, зато дети любят меня, им неважно, что я худая и бледная и у меня нет времени завивать волосы. Дети — мое утешение, и когда-нибудь Джон поймет, что я принесла себя в жертву с радостью. Правда, сокровища мои?

На этот жалостный призыв Дейзи отвечала воркованием, а Деми гуканьем, и Мег от жалоб переходила к материнским восторгам, которые на время скрашивали ее одиночество. Но душевная боль росла, так как Джона увлекла политика и он еще чаще стал забегать к Скотту, чтобы обсудить с ним интересные вопросы, даже не подозревая, что Мег скучает о нем. Однако она не говорила ни слова, пока однажды мать не застала ее в слезах и не настояла на том, чтобы узнать, в чем дело, поскольку уныние Мег не ускользнуло от ее

внимания.

— Я не сказала бы об этом никому, кроме тебя, мама. Но мне действительно нужен совет, потому что, если Джон продолжит так и дальше, я все равно что овдовела, — ответила миссис Брук с оскорбленным видом, осушая слезы нагрудничком Дейзи.

— Продолжит как, моя дорогая? — спросила ее мать с тревогой.

— Его нет дома целый день, а вечером, когда я хочу видеть его, он постоянно у Скоттов. Это нечестно, что у меня должна быть только самая тяжелая работа и никогда никаких развлечений. Мужчины ужасно эгоистичны, даже лучшие из них.

Так же как и женщины. Не вини Джона, пока не поймешь, в чем виновата сама.

— Но он не может быть прав в том, что так невнимателен ко мне.

— А ты внимательна к нему?

— Но, мама, я думала, ты встанешь на мою сторону!

— Это я и делаю, пока речь идет о сочувствии. Но я думаю, Мэг, что виновата ты.

— Не понимаю в чем.

— Позволь мне объяснить. Разве Джон когда-нибудь был невнимателен к тебе, как ты это называешь, пока ты не лишала его своего общества по вечерам — единственное время, какое у него есть для отдыха?

— Нет, но я не могу уделять ему столько времени теперь, когда на моем попечении двое малышей.

— Я думаю, ты *могла бы*, дорогая, и я думаю, ты *должна* это делать. Могу я говорить совершенно откровенно? Ты будешь помнить, что мать, которая порицает, это та же мать, которая сочувствует?

— Конечно. Поговори со мной так, словно я снова маленькая Мег. С тех пор как у меня появились дети, которые во всем зависят от меня, я часто чувствую, что нуждаюсь в уроках больше, чем когда бы то ни было.

Мег придвинула свое кресло-качалку ближе к креслу, в котором сидела мать, и, покачиваясь в них, женщины начали душевную беседу, чувствуя, что материнство объединяет их больше, чем прежде.

— Ты всего лишь совершила ошибку, которую совершает большинство молодых жен: в своей любви к детям ты забыла о долге по отношению к мужу. Очень естественная и простительная ошибка, Мег, но ошибка, которую лучше исправить, прежде чем вы пойдете каждый своим путем, ведь дети должны сближать вас, а не разъединять, словно они целиком твои, а Джон должен лишь обеспечивать их материально. Я наблюдаю за тем, что происходит, немало недель, но ни о чем не говорила, так как была уверена, что со временем все встанет на свои места.

— Боюсь, что не встанет. Если я попрошу его оставаться со мной, он подумает, что я ревную, а я не хотела бы оскорбить его такой мыслью. Он не понимает, что нужен мне, а я не знаю, как выразить это без слов.

— Сделай дом таким приятным, чтобы ему не хотелось уходить. Дорогая, он очень хочет иметь родной дом, но без тебя это не дом, а ты всегда в детской.

— Но разве я не должна быть там?

— Не все время. Затворничество делает тебя нервной, и тогда ты уже ни на что не годишься. Кроме того, у тебя есть моральный долг и перед Джоном, а не только перед детьми. Не забывай о муже ради детей, не оставляй его за пределами детской, но научи, как помочь тебе там, где и его место, точно так же как и твое. Он нужен детям; дай ему почувствовать, что и у него есть своя роль в воспитании детей, и он исполнит ее охотно и правильно, и так будет лучше для вас всех.

— Ты правда так думаешь, мама?

— Я знаю это, Мег. Я редко даю советы, если не убедилась на опыте в их практичности. Когда ты и Джо были маленькими, я вела себя так же, как ты теперь. Я чувствовала, что не исполню мой долг, если всецело не посвящу себя вам. Бедный папа ушел в свои книги, после того как я отвергла все его предложения о помощи, и оставил меня

проводить мой эксперимент в одиночестве. Я старалась изо всех сил, но с Джо мне было не справиться. Я чуть не испортила ее, во всем потакая ее прихотям. Вы заболели, и я так тревожилась о вас, что заболела сама. Тогда папа пришел на помощь, спокойно и уверенно устроил все, как нужно, и стал так полезен, что я увидела мою ошибку и с тех пор никогда не могла обойтись без него. И вот секрет нашего домашнего счастья: он не позволяет своей работе отгородить его от тех маленьких забот и обязанностей, которые касаются нас всех, а я стараюсь не дать домашним хлопотам уничтожить мою заинтересованность в продолжении им его ученых занятий. У каждого из нас есть дела, которые мы выполняем самостоятельно, но дома мы трудимся вместе, всегда. — Да, это так, мама. И я очень хочу быть для моего мужа и детей тем же, чем была и остаешься для нас ты. Укажи мне, как поступить, и я сделаю все, что ты скажешь.

— Ты всегда была послушной дочерью, Мег. Так вот, дорогая, на твоём месте я позволила бы Джону принимать больше участия в воспитании Деми; мальчику это будет полезно, и чем раньше начать, тем лучше. Затем я сделала бы то, что уже не раз предлагала, — позволила бы Ханне прийти и помочь тебе. Она отличная няня, и ты со спокойной душой можешь доверить ей своих драгоценных малышей, а сама уделить больше внимания хозяйству. Ты будешь больше двигаться, Ханна с удовольствием займется детьми, а Джон опять обретет жену. Почаще выходи в гости и на прогулку, будь не только деятельной, но и веселой. Помни, погоду в семье делаешь ты и, если у тебя подавленное настроение, не жди солнечных дней. Затем я постаралась бы проявить интерес ко всему, что нравится Джону, — поговорить с ним, послушать, что он почитает тебе, обменяться мыслями и тем самым помочь друг другу. Не закрывайся в шляпной картонке из-за того, что ты женщина, но постарайся понять, что происходит в мире, и развиваться, чтобы принять участие в происходящем, поскольку все это касается тебя и твоей семьи.

— Джон очень умный; боюсь, он подумает, что я ужасно глупа, если я начну задавать вопросы о политике и прочем.

— Я не верю в это. Любовь не замечает недостатков. Да и кому ты можешь задавать вопросы свободнее, чем ему? Попробуй и посмотри, не окажется ли твое общество по вечерам более приятным для него, чем ужины у миссис Скотт.

— Хорошо. Бедный Джон! Боюсь, это я была очень невнимательна к нему, но я считала, что я права, а он никогда ни о чем не говорил.

— Он старался не быть себялюбцем, но я думаю, ему было довольно одиноко. Сейчас то время, Мег, когда молодые супруги могут почувствовать взаимное отчуждение, и вместе с тем именно то, когда для них важнее всего быть друг с другом. Первая нежность проходит очень скоро, если не позаботиться о том, чтобы сохранить ее, и нет периода более прекрасного и счастливого в жизни родителей, чем первые годы жизни маленьких существ, которых им предстоит воспитать. Не допусти, чтобы Джон стал чужим для детей, так как они скорее, чем что-либо другое, сохранит его и сделают счастливым в этом мире испытаний и искушений, и через детей вы научитесь понимать и любить друг друга как должно. Теперь, дорогая, до свидания. Подумай о материнском наставлении и прими мой совет, если он покажется тебе хорошим. Да благословит вас всех Бог!

Мег обдумала совет, нашла его хорошим и впредь следовала ему, хотя первая попытка оказалась не совсем такой, как она планировала. Действительно, дети были тиранами и правили домом, с тех пор как узнали, что брыканье и визги приносят им все, чего они хотят. Мама была жалкой рабыней, исполнявшей все их капризы, но папу было не так легко поработить, и иногда он очень огорчал свою нежную супругу попытками подчинить отцовской дисциплине их буйного сына. Дело в том, что Деми унаследовал от своего родителя твердость характера — не назовем это упрямством — и, когда он решал что-то получить или сделать, «вся королевская конница и вся королевская рать» не могли повлиять на этот неуступчивый маленький ум. Мама думала, что голубчик еще слишком мал, чтобы учить его преодолевать собственные пристрастия и предубеждения, но папа верил, что чем

раньше начать учить послушанию, тем лучше. И мастер⁶² Деми рано обнаружил, что в борьбе с папой всегда терпит жестокое поражение. Он, однако, уважал победившего его человека и любил папу, чье строгое «нет, нет» было более внушительным, чем все мамины ласковые поглаживания.

Несколько дней спустя после разговора с матерью Мег решила устроить Джону приятный вечер. Она заказала хороший ужин, прицела в порядок гостиную, принарядилась сама и рано уложила детей спать, чтобы ничто не помешало ее планам. Но, к ее несчастью, самым непреодолимым предубеждением Деми было предубеждение против того, чтобы ложиться спать, и в тот вечер он решил и ночью продолжить дневное буйство. Бедная Мег пела и качала, рассказывала сказки и перепробовала все наводящие сон хитрости, но все было напрасно — большие глаза никак не закрывались, и долго после того как Дейзи — этот пухленький комочек добродушия — подчинялась правилам, непослушный Деми лежал, таращась на свет с самым обескураживающе несонным выражением лица. — Деми полежит тихо, как хороший мальчик, пока мама сбегает вниз и даст чаю бедному папе? — спросила Мег, когда внизу негромко стукнула парадная дверь и послышались хорошо знакомые шаги Джона, на цыпочках проследовавшего в столовую.

— Мне чай! — сказал Деми, готовясь присоединиться к пиршеству.

— Нет, дорогой, но я оставляю тебе печенье к завтраку, если ты будешь бай-бай, как Дейзи. Хорошо, миленький?

— Та! — И Деми крепко закрыл глаза, словно чтобы поскорее уснуть и тем приблизить желанное утро.

Воспользовавшись этим благоприятным моментом, Мег ускользнула, чтобы с улыбкой на лице и голубым бантиком в волосах приветствовать мужа. Этот бантик всегда вызывал у него особенное восхищение, и сейчас он сразу заметил его и сказал, приятно удивленный:

— О, маленькая мама, какие мы сегодня веселые! Ждем гостей?

— Только тебя, дорогой.

— День рождения, годовщина или что?

— Нет, просто я устала быть небрежно одетой и нарядилась для разнообразия. Ты всегда приходишь к столу аккуратно одетым, каким бы ни был усталым, так что, почему бы и мне не делать то же самое, когда у меня есть время?

— Я делаю это из уважения к тебе, моя дорогая, — ответил старомодный Джон.

— Взаимно, взаимно, мистер Брук, — засмеялась Мег; она опять казалась юной и хорошенькой, кивая ему над чайником.

— Замечательно, совсем как в прежнее время. И на вкус отлично. Твое здоровье, дорогая. — И Джон потягивал свой чай с видом мирного упоения, которое, впрочем, длилось недолго. Когда он поставил чашку, ручка двери таинственно задрезжала и послышался нетерпеливый голосок:

— Открой, я тут!

— О, непослушный мальчик. Я велела ему засыпать одному, а он уже внизу; ведь простудится насмерть, топая по этим половикам, — сказала Мег, откликаясь на призыв из-за двери.

— Утло! — объявил Деми радостным голосом, входя в столовую в длинной ночной рубашке с переброшенным через руку подолом, и каждый завиток на его кудрявой голове весело торчал, когда он запрыгал вокруг стола, любовным взглядом отыскивая печенье.

— Нет, еще не утро. Ты должен идти в кровать и не беспокоить бедную маму. Тогда утром ты получишь печенье, и я полью его сахарным сиропом.

— Я люблю папу, — сказал хитрец, готовясь взобраться на отцовское колено и насладиться запретными радостями. Но Джон покачал головой и сказал Мег:

— Если ты велела ему оставаться наверху и спать одному, заставь его сделать это,

⁶² Мастер — молодой барин, господин.

иначе он никогда не научится считаться с тобой.

— Да, конечно. Пойдем, Деми. — И Мег увела сына, чувствуя огромное желание отшлепать маленькую помеху всем ее планам, ковылявшую за ней, и впадая в заблуждение, что следует применить подкуп, как только они доберутся до детской.

И он не был разочарован, так как эта недалёковидная женщина действительно дала ему кусок сахара, прежде чем уложила в постель и запретила дальнейшие прогулки до утра.

— Та! — сказал Деми-клятвопреступник, посасывая сахар и считая свою первую попытку в высшей степени удачной.

Мег вернулась, и ужин очень мило продолжался, когда маленький призрак вышел опять и разоблачил преступления матери дерзким требованием:

— Еще сахала, мама.

— Так не годится, — сказал Джон, ожесточая сердце против обаятельного маленького грешника. — Не знать нам покоя, пока этот ребенок не научится ложиться спать как следует. Ты слишком долго делала себя его рабой. Дай ему один урок, и тогда этому наступит конец. Положи его в постель, Мег, и оставь одного.

— Он не останется в постели; он никогда не остается, если я не сижу рядом.

— Я справлюсь с ним. Деми, иди наверх и ложись в постель, как мама велит.

— Не пойду, — ответил юный мятежник, схватив вожаемое печенье и начиная есть его со спокойной дерзостью.

— Ты не должен так разговаривать с папой. Я отнесу тебя, если ты не пойдешь.

— Уходи, не люблю папу. — И Деми отступил под прикрытие материнской юбки. Но даже это убежище оказалось ненадежным: он был выдан врагу с тихим: «Будь ласков с ним, Джон», что поразило преступника ужасом — уж если мама покинула его, судный день был близок. Лишенный печенья и веселой игры и отнесенный сильной рукой в ненавистную постель, бедный Деми не мог удержать свой гнев и открыто вызвал папу на бой. Он брыкался и визжал всю дорогу до детской. Едва его положили в постель с одной стороны, он скатился с другой и бросился к двери, только затем, чтобы быть позорно схваченным за хвост его маленькой тоги и положенным обратно; и это оживленное представление продолжалось, пока силы молодого человека не иссякли, и тогда он предался воплям во все горло. Этим вокальным упражнением обычно удавалось победить Мег, но Джон сидел неподвижно, как каменный; ни уговоров, ни сахара, ни колыбельной, ни сказки, даже свет был погашен, и только красный жар камина оживлял фигуру «большого и темного», на которого Деми смотрел скорее с любопытством, чем со страхом. Новый порядок вызывал у него отвращение, и, когда гневные страсти улеглись и воспоминание о нежной рабыне вернулось к плененному деспоту, он ужасно завопил: «Маму!» Жалостный плач, последовавший за неистовым ревом, порастил Мег в самое сердце, и она взбежала наверх, чтобы сказать умоляюще:

— Позволь мне остаться с ним, Джон. Теперь он будет вести себя хорошо.

— Нет, дорогая, я сказал ему, что он должен спать, как ты ему велела. И он будет спать, даже если мне придется остаться здесь на всю ночь.

— Но он заболит от слез, — попыталась возразить Мег, упрекая себя за то, что покинула своего мальчика.

— Нет, ничего не будет. Он так устал, что скоро заснет, и тогда дело сделано: он поймет, что должен слушаться. Не вмешивайся, я справлюсь с ним.

— Это мой ребенок, и я не хочу, чтобы его дух сломили жестокостью.

— Это мой ребенок, и я не желаю, чтобы его характер испортили потаканием. Иди вниз, дорогая, и предоставь мне справиться с мальчиком.

Когда Джон говорил таким властным тоном, Мег всегда подчинялась, и ей никогда не приходилось сожалеть о своей уступчивости.

— Только, пожалуйста, позволь мне разочек поцеловать его. — Конечно. Деми, пожелай маме доброй ночи и дай ей уйти и отдохнуть; она заботилась о тебе весь день и очень устала.

Мег всегда настаивала на том, что победу принес именно поцелуй, так как после него Деми только тихо всхлипывал и лежал совсем неподвижно в ногах постели, куда перед этим скатился, извиваясь в душевных муках.

«Бедный малыш, он измучен слезами и заснул. Я укрою его получше, а потом пойду и успокою Мег», — подумал Джон, тихонько подходя поближе к постели, в надежде обнаружить своего мятежного наследника спящим.

Но тот не спал, и, когда отец взглянул на него, глаза Деми открылись, подбородок задрожал и он вытянул руки, икнув с раскаянием:

— Я холоший тепель.

Сидя на ступенях лестницы, Мег удивлялась долгому молчанию, последовавшему за ревом, и, вообразив самые разные невозможные несчастные случаи, проскользнула в детскую, чтобы унять свои страхи. Деми крепко спал, но не в обычной позе, разбросав руки и ноги, а в кольце отцовской руки, свернувшись и держась за отцовский палец, словно понял, что справедливость была неотделима от милосердия, и уснул, умудренный горьким опытом. И, удерживаемый таким образом, Джон терпеливо ждал, когда маленькая рука ослабит свое пожатие, и, ожидая, заснул, утомленный борьбой с сыном больше, чем целым рабочим днем.

Стоя и глядя на два лица на подушке, Мег улыбалась про себя, а затем тихо ушла, подумав с удовлетворением: «Мне нечего бояться, что Джон будет слишком строг с детьми. Он знает, как справиться с ними, и очень поможет мне, так как Деми действительно становится мне не по силам».

Когда Джон наконец спустился, ожидая, что его встретят грустным или полным упрека взглядом, он был приятно удивлен, увидев, что Мег безмятежно украшает шляпку. Его приветствовали просьбой почитать что-нибудь о выборах, если он не очень устал. Джон сразу понял, что происходит своего рода революция, но благоразумно не стал задавать вопросов, зная, что Мег — очень откровенная маленькая особа и не может хранить секреты даже под угрозой смерти, а потому разгадка скоро появится. Он читал длинные отчеты о дебатах с самой любезной услужливостью, а затем объяснял их в самой ясной манере, а Мег тем временем пыталась выглядеть глубоко заинтересованной, задавать умные вопросы и не позволять своим мыслям ускользать от состояния нации к состоянию ее шляпки. Впрочем, в глубине души она решила, что политика не лучше математики, а главная задача политических деятелей ругать друг друга, но она оставила эти мысли про себя, а вслух, когда Джон умолк, сказала, покачав головой и с тем видом, который считала дипломатичным:

— Право, не знаю, до чего мы так дойдем.

Джон засмеялся и с минуту наблюдал, как она поворачивает в руках хорошенькое маленькое изделие из кружев и цветов и смотрит на него с настоящим интересом, какого не смогли пробудить все его разглагольствования.

«Она старается полюбить политику ради меня, а я постараюсь полюбить галантерею ради нее», — решил Джон Справедливый и добавил вслух:

— Очень красиво. Это то, что ты называешь утренним чепчиком?

— Дорогой мой супруг, это шляпка! Моя лучшая шляпка для театров и концертов.

— Прошу прощения; она так мала, что я принял ее за одну из тех легкомысленных штучек, которые ты иногда носишь. Как она держится на голове и не слетает?

— Вот эти кружевные ленточки скрепляются под подбородком с помощью этого розового бутона. — И Мег показала, как это делается, надев шляпку и глядя на него с видом спокойного удовольствия, который был неотразим.

— Прелестная шляпка, но мне больше нравится лицо под ней, оно снова юное и счастливое. — И Джон поцеловал это улыбающееся лицо, что пагубно отразилось на розовом бутоне под подбородком.

— Я рада, что тебе нравится. Я хочу, чтобы ты повел меня на концерт как-нибудь вечером. Мне нужно немного музыки, чтобы настроиться на новый лад. Хорошо?

— Конечно, охотно и куда хочешь. Ты так долго сидела взаперти, тебе будет полезно отдохнуть, и я буду этому рад больше всего. Но как это пришло тебе в голову, мамочка?

— Я говорила с мамой на днях; рассказала, какой стала нервной, сердитой, раздражительной. Она сказала, что мне нужны перемены и поменьше забот. Так что Ханна поможет мне с детьми, а я больше внимания уделю дому и позволю себе изредка немного развлечений, чтобы не превратиться прежде времени в разбитую и ворчливую старуху. Пока это только опыт, Джон, и я хочу попробовать ради тебя, как и ради себя самой, ведь я была постыдно невнимательна к тебе в последнее время. Я собираюсь сделать наш дом таким, каким он был прежде, если смогу. Надеюсь, ты не станешь возражать?

Неважно, что сказал Джон или как близка была маленькая шляпка к окончательной гибели, важно лишь, что он *не* возражал, судя по переменам, которые постепенно происходили в доме и его обитателях. Это был далеко не рай, но всем стало лучше благодаря разделению труда: дети расцветали под отцовской опекой, так как с аккуратным, уравновешенным Джоном в Царство Младенцев вошли порядок и послушание, а Мег обрела прежнюю бодрость и успокоила нервы благодаря подвижной работе, некоторой доле развлечения и доверительным беседам со своим здравомыслящим и благоразумным мужем. Дом стал опять похож на дом, и у Джона не было никакого желания покидать его иначе как в обществе Мег. Теперь уже Скотты приходили к Брукам, и все находили маленький домик веселым, полным счастья, довольства и семейной любви. Даже нарядная Салли Моффат любила бывать там.

— В вашем доме всегда так спокойно и приятно, мне полезно бывать у вас, Мег, — часто говорила она, оглядывая все вокруг чуть печально, словно пытаясь открыть секрет, который могла бы перенести в свой большой дом, где было лишь великолепное одиночество. Там не было резвых, счастливых детей, а Нед жил в своем мире, где ей не было места.

Домашнее счастье пришло в дом Бруков не сразу, но Джон и Мег нашли ключ к нему и с каждым годом совместной жизни все более умело пользовались этим ключом, открывая сокровища настоящей семейной любви и взаимной поддержки, которыми могут обладать самые бедные и которых не могут купить самые богатые. На такой «архив» могут согласиться молодые жены и матери, чувствуя себя в безопасности от суеты и горячки мира, находя преданную любовь в маленьких сыновьях и дочерях, что тянутся к ним, и не боясь горя, бедности или возраста, идя и в солнце и в бурю бок о бок с верным другом, который в подлинном Смысле этого старого саксонского слова «house-band»⁶³, изучавая, как узнала Мег, что счастливейшее королевство женщины — дом, а высочайшее искусство — править в нем не как королева, но как умная жена и мать.

Глава 16

Лодырь Лоренс

Лори приехал в Ниццу на неделю — и оставался там целый месяц. Он устал скитаться в одиночестве, а присутствие так хорошо знакомой ему Эми придавало, казалось, очарование домашней жизни иноземным картинам и сценам, частью которых она была. Ему не хватало того, к чему он привык дома, и что у девочек называлось «приласкать Лори», и никакое внимание, каким бы лестным оно ни было, не могло заменить сестринского обожания. Теперь же он опять наслаждался его вкусом. Эми никогда не «баловала» Лори, как остальные, но теперь была очень рада видеть его и, пожалуй, даже привязалась к нему, чувствуя в нем члена любимой семьи, о которой скучала больше, чем можно было подумать, глядя на нее. Они находили утешение в обществе друг друга и проводили вместе много времени — ездили верхом, гуляли, танцевали или бездельничали, ибо в Ницце никто не может быть серьезным и деятельным на протяжении всего сезона веселья. Но хотя внешне они производили впечатление пары, развлекающейся самым беззаботным образом, оба,

⁶³ Английское слово husband (муж) происходит от саксонских слов house (дом) и band (связывать, скреплять).

почти неосознанно, каждый день делали все новые открытия и формировали мнение друг о друге. Эми росла в глазах своего спутника, но он терял ее уважение, и каждый почувствовал это еще прежде, чем было произнесено хоть слово. Эми старалась понравиться и угодить ему и потому преуспела; она была благодарна ему за те удовольствия, которые он доставлял ей, и платила теми маленькими любезностями, которые женственная женщина умеет оказывать с неопишным очарованием. Лори же, напротив, не предпринимал никаких усилий, он позволил себе плыть по течению, стараясь забыть о своих горестях и с таким чувством, будто все женщины обязаны ему добрым словом только оттого, что одна из них была к нему холодна. Ему не стоило никаких усилий быть щедрым, и он подарил бы Эми все безделушки в Ницце, если бы она согласилась их принять, но в то же время чувствовал, что не может изменить мнение, которое складывается у нее о нем, и, пожалуй, даже боялся пронизательных голубых глаз, которые следили за ним с полупечальным-полупрезрительным удивлением.

— Все остальные уехали на целый день в Монако, но я решила остаться, чтобы написать письма. Теперь все готово, и я еду в Вальрозу делать эскизы. А ты поедешь? — спросила Эми, когда в один прелестный день Лори, как обычно, лениво забрел к ней после полудня.

— Пожалуй, но не слишком ли жарко для такой дальней прогулки? — ответил он неспешно; затененный салон казался очень привлекательным после уличной жары.

— Я хочу взять маленький экипаж. Баптиста будет править, а тебе придется всего лишь держать свой зонтик и не пачкать перчатки, — ответила Эми, саркастически взглянув на безукоризненно чистые тонкие лайковые перчатки, бывшие слабостью Лори.

— Тогда поеду с удовольствием. — И он протянул руку к ее эскизному альбому. Но она сунула альбом под мышку с резким:

— Не трудись. Мне не тяжело, но тебе это, похоже, не по силам, — и легко сбежала вниз.

Лори приподнял брови и ленивым шагом последовал за ней. Но когда они сели в экипаж, он сам взял вожжи, а маленькому Баптисте оставалось лишь сложить руки и дремать на своей скамеечке.

Эти двое никогда не ссорились — Эми была слишком тактична, а Лори, в этот период, слишком ленив. Так что через минуту он бросил вопросительный взгляд под поля ее шляпы, она ответила ему улыбкой — и дальше они ехали в самом дружеском расположении духа. Это была великолепная поездка по извилистым дорогам, вдоль которых восприимчивые к красоте глаза находили множество восхитительных картин. Тут старинный монастырь, из которого доносится торжественное пение. Там пастух в коротких штанах, деревянных башмаках и островерхой шляпе сидит на камне и играет на свирели, а его козы скачут по скалам или лежат у его ног. Кроткие серые ослики, нагруженные корзинами свежескошенной травы, бредут мимо, а на спине, между зелеными скирдами, — красивая девушка в capeline⁶⁴ или старушка, прядущая на ручной прялке. Смуглые, с ласковым взглядом дети выбегают из забавных маленьких лачуг, чтобы предложить букет или несколько апельсинов прямо на ветке. Узловатые оливковые деревья покрывают холмы своей тусклой листвой, в садах висят золотистые фрукты, огромные алые анемоны окаймляют дорогу, а дальше — зеленые склоны и скалистые высоты, круто вздымаются и белеют на фоне голубого итальянского неба приморские Альпы.

Вальроза⁶⁵ вполне заслужила свое название, так как в этом климате вечного лета розы растут повсюду. Они обвивают арки, тянутся со своим сладким приветствием к прохожему между брусками больших ворот, обрамляют аллею, пробираются через лимонные деревья и

⁶⁴ capeline — капор (франц.).

⁶⁵ Вальроза — от слов val — «долина» и rose — «роза» (франц.).

перистые пальмы вверх к вилле на холме.

Каждый тенистый уголок, где каменные скамьи манили остановиться и отдохнуть, был сплошной массой цветов, в каждом прохладном гроте улыбалась из-под вуали цветов мраморная нимфа и в каждом фонтане отражались красные, белые или бледно-розовые розы, склонившиеся, чтобы с улыбкой созерцать свою красоту. Розы покрывали стены виллы, драпировкой украшали карнизы, взбирались по колоннам и бушевали на балюстраде широкой террасы, откуда открывался вид на солнечное Средиземное море и белый город, раскинувшийся на берегу.

— Самый настоящий рай для медового месяца, правда? Ты когда-нибудь видел такие розы? — спросила Эми, задержавшись на террасе, чтобы полюбоваться видом и насладиться роскошным ароматом.

— — Нет. И такими шипами тоже не кололся, — ответил Лори, сунув в рот большой палец после неудачной попытки завладеть одиноким алым цветком, находившимся за пределами досягаемости.

— Нагни и сорви ту розу, у которой нет шипов, — сказала Эми, сорвав три маленьких кремовых цветка, сиявших на стене позади нее. Она вдела их в его бутоньерку в знак примирения, и он стоял с минуту, глядя на них со странным выражением. В итальянской стороне его натуры было что-то от суеверности, к тому же он пребывал в том состоянии сладостно-горькой меланхолии, когда одаренные воображением молодые люди находят глубокий смысл в пустяках и пищу для романтических раздумий — везде. Доставая колючую розу, он думал о Джо — яркие цветы шли ей, и она часто носила такие розы, которые брала в оранжерее. Бледные розочки, которые дала ему Эми, были из тех, что итальянцы вкладывают в руки усопшим, но никогда — в свадебные букеты, и на мгновение он задумался: было ли это дурным предзнаменованием для Джо или для него? Но уже в следующее мгновение американский здравый смысл взял верх над сентиментальностью, и он рассмеялся сердечным смехом, какого Эми не слышала со времени его приезда в Ниццу.

— Хороший совет, последуй ему и убережешь пальцы, — сказала она, думая, что его развеселили ее слова.

— Спасибо, последую, — ответил он в шутку, а несколько месяцев спустя сделал это всерьез.

— Скажи мне, Лори, когда ты едешь к дедушке? — спросила Эми, усевшись на каменной скамье.

— Очень скоро.

— Ты говорил мне это раз десять за последние три недели.

— С короткими ответами меньше хлопот, смею думать.

— Он ждет тебя, и ты должен уехать.

— Гостеприимное существо! Я это знаю.

— Тогда почему не едешь?

— Природная испорченность, полагаю.

— Природная лень, хочешь сказать. Это просто отвратительно! — И Эми взглянула на него строго.

— Все не так плохо, как кажется. Я только буду докучать ему, если вернусь, так что с тем же успехом могу остаться и докучать тебе. Ты это лучше переносишь; я даже думаю, что тебе это очень подходит. — И Лори уселся в ленивой позе на широком выступе балюстрады.

Эми покачала головой и с безнадежным видом открыла свой альбом. Но ей хотелось дать урок «этому мальчику», и через минуту она начала снова:

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Слежу за ящерицами.

— Нет, нет, я спрашиваю, что ты хочешь и собираешься делать?

— Закурить, если позволишь.

— Какой ты противный! Я против сигар и позволю тебе закурить только при условии, что ты позволишь мне вставить тебя в мой эскиз. Мне нужна фигура.

— С полнейшим удовольствием. Как я тебе нужен — во весь рост, в три четверти, на голове или на ногах? Я почтительно предлагаю лежащую позу, затем добавь и себя и назови «dolce far niente»⁶⁶.

— Оставайся как есть и засни, если хочешь. Что до меня, я намерена упорно работать, — сказала Эми самым энергичным тоном.

— Восхитительный энтузиазм! — И он прислонился к высокой каменной вазе с видом полного удовлетворения.

— Что сказала бы Джо, если бы видела тебя сейчас? — спросила Эми с раздражением, надеясь расшевелить его упоминанием о своей еще более энергичной сестре.

— Что и всегда: «Уходи, Тедди, мне некогда!» — Он засмеялся, произнося эти слова, но смех не был естественным, и тень прошла по его лицу: знакомое имя коснулось еще не зажившей раны.

Его тон поразил Эми, и она подняла глаза как раз вовремя, чтобы заметить выражение лица Лори — тяжелый, горький взгляд, полный боли, разочарования и сожаления. Это выражение исчезло прежде, чем она смогла изучить его, и вернулось прежнее, безжизненное. С минуту она смотрела на него с удовольствием художника, думая, как похож он на итальянца, когда лежит, греясь на солнце, с непокрытой головой и с глазами, полными южной задумчивости, так как он, казалось, забыл о ней и впал в мечтательность.

— Ты напоминаешь изображение юного рыцаря, уснувшего на своей могиле, — сказала она, аккуратно срисовывая четко очерченный профиль, выделяющийся на фоне темного камня.

— Хотел бы им быть!

— Глупое желание, если ты еще не испортил себе жизнь. Ты так изменился, что я иногда думаю... — Тут Эми умолкла, бросив на него робкий и печальный взгляд, говоривший больше, чем недосказанные слова.

Лори заметил этот взгляд и понял причину нежной тревоги, которую она не решалась выразить, и, глядя ей прямо в глаза, сказал точно так же, как обычно говорил ее матери:

— Все в порядке, мэм.

Это удовлетворило ее и развеяло начинавшие тревожить ее в последнее время сомнения. Она была также и тронута, что выразилось в сердечном тоне, которым она сказала: — Я рада! Я не думала, что ты стал совсем дурным человеком, но боялась, что, может быть, ты проигрался в этом отвратительном Баден-Бадене, отдал сердце какой-нибудь очаровательной, но замужней француженке или попал в какую-нибудь глупую историю, которую многие молодые люди, кажется, считают необходимой частью заграничной поездки. Не оставайся там на солнце, иди лучше сюда, приляг на траве, и «будем дружить», как Джо говаривала, когда мы шли в угол на диван и рассказывали друг другу секреты.

Лори послушно опустился на дерн и стал развлекаться, втыкая маргаритки в ленты лежавшей там шляпы Эми.

— Я готов к секретам. — И он взглянул на нее с явным интересом в глазах.

— Мне нечего рассказывать; ты можешь начать.

— Нет ни одного, чтобы себя поздравить. Я думал, может быть, у тебя какие-то новости из дома.

— Ты слышал все, которые были в последних письмах. А разве ты нечасто получаешь письма? Я думала, Джо пишет тебе целые тома.

— Она очень занята. К тому же я так часто езжу с места на место, что невозможно вести регулярную переписку... Когда же ты приступишь к своему великому произведению, Рафаэлла? — спросил он, резко меняя тему разговора, после паузы, во время которой задавал себе вопрос, знает ли Эми его секрет и хочет ли поговорить о нем.

— Никогда, — ответила она печально, но решительно. — Рим лишил меня всей моей

⁶⁶ dolce far niente — сладостное ничегонеделание (франц.).

самонадеянности. Увидев его чудеса, я почувствовала себя слишком ничтожной и в отчаянии оставила все мои глупые надежды.

— Но почему, с твоей-то энергией и талантом?

— Именно поэтому. Талант — не гений, и никакая энергия не сделает его гением. Я хочу быть великой или никем. Я не желаю быть заурядной мазилкой, так что не стану больше и пытаться.

— И что же ты собираешься делать с собой теперь, если мне будет позволено спросить?

— Совершенствовать другие мои таланты и стать украшением общества, если появится возможность.

Это звучало вызывающе, но дерзость к лицу молодым людям, а у амбиций Эми были неплохие основания. Лори улыбнулся, но ему понравился оптимизм, с которым она, не тратя времени на сожаления, поставила себе новую цель, когда другая, так долго лелеемая, умерла. — Браво! И к этому, я полагаю, имеет отношение Фред Воун.

Эми хранила сдержанное молчание, но выражение ее полуопущенного лица говорило, что она понимает, о чем идет речь. Это заставило Лори сесть и сказать серьезно:

— Теперь я хочу взять на себя роль брата и задать несколько вопросов. Можно?

— Я не обещаю отвечать.

— Ответит твое лицо, если не язык. Ты еще не в достаточной степени светская женщина, чтобы уметь скрывать свои чувства, моя дорогая. В прошлом году до меня доходили слухи о тебе и Фреде, и мое личное убеждение, что, если бы его не отозвали домой так неожиданно и не удерживали так долго, из этого что-нибудь вышло бы... не так ли?

— Не мне об этом говорить, — чопорно ответила Эми, но губы ее дрогнули в улыбке, а в глазах был предательский блеск, выдававший, что она сознает свою силу и наслаждается этим сознанием.

— Ты не помолвлена, надеюсь? — И Лори взглянул неожиданно строго и печально.

— Нет.

— Но будешь помолвлена, если он вернется и, как полагается, встанет на колени, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Значит, ты любишь старину Фреда?

— Я могла бы полюбить, если бы постаралась.

— Но не собираешься стараться до надлежащего момента? Ну и ну, что за сверхъестественная осмотрительность! Он хороший парень, Эми, но это не тот человек, который, по моему мнению, должен бы тебе понравиться.

— Он богат, джентльмен, у него прекрасные манеры, — начала Эми, стараясь держаться совершенно спокойно и горделиво, но несколько стыдясь за себя, несмотря на искренность своих намерений.

— Понимаю. Королевы общества не могут обойтись без денег, так что ты собираешься сделать хорошую партию и пойти этим путем? Совершенно правильно и прилично, как считает весь мир, но звучит странно в устах одной из дочерей твоей матери.

— Тем не менее это правда.

Спокойная решимость, с которой был произнесен этот короткий ответ, составляла резкий контраст с обликом юной собеседницы. Лори почувствовал это с разочарованием, которого не мог объяснить, и снова прилег на траву. Его вид и молчание, так же как и некое внутреннее недовольство собой, рассердили Эми и вызвали решимость дать урок без промедления.

— Я хотела бы, чтобы ты сделал мне одолжение и стряхнул с себя свою лень, — сказала она резко.

— Сделай это за меня, будь добра.

— Что ж, я смогла бы, если бы попробовала. — И вид у нее был такой, словно она хотела сделать это самым решительным образом.

— Попробуй, я позволяю, — ответил Лори, радуясь возможности кого-нибудь подразнить после столь долгого воздержания от любимого занятия.

— Ты разозлишься через пять минут.

— Я никогда не злюсь на тебя. Нужно два кремня, чтобы высечь огонь, ты же холодна и мягка, как снег.

— Ты не знаешь, на что я способна; снег тоже жжет и вызывает жар, если знать, как его употребить. Твое равнодушие наполовину притворное, и хорошая взбучка докажет это.

— Давай, это не повредит мне и развлечет тебя, как сказал большой мужчина бывшей его маленькой жене. Смотри на меня, как на мужа или ковер, и бей, пока не устанешь, если такого рода занятие тебе по душе.

Глубоко уязвленная и желая увидеть, как он стряхнет столь изменившую его апатию, Эми наточила карандаш и язык и начала:

— Мы с Фло придумали тебе новое имя — Лодырь Лоренс. Как тебе нравится?

Она думала, что это рассердит его, но он лишь подложил руки под голову с невозмутимым:

— Неплохо, спасибо, мои юные леди.

— Хочешь знать, что я на самом деле думаю о тебе?

— Жажду услышать.

— Так вот, я тебя презираю.

Если бы она даже сказала: «Я ненавижу тебя» — надуту или кокетливо, он засмеялся бы, и это ему, пожалуй, даже понравилось бы, но ее серьезный, почти печальный тон заставил его открыть глаза и быстро спросить:

— Почему, если позволите узнать?

— Потому что, имея все возможности быть хорошим, полезным и счастливым, ты испорченный, ленивый и несчастный. — Сильно сказано, мадемуазель.

— Если нравится, я продолжу.

— Прошу; это, пожалуй, интересно.

— Я так и знала, что ты найдешь это интересным: эгоисты любят поговорить о себе.

— Я эгоист? — Вопрос вырвался у него невольно и прозвучал удивленно, так как великодушие было той самой добродетелью, которой он гордился.

— Да, большой, — продолжила Эми спокойным, сдержанным тоном, производившим в тот момент не меньшее впечатление, чем самый гневный. — Я докажу тебе это, поскольку изучила тебя, пока мы были вместе. Ты за границей уже шесть месяцев и не делаешь ничего другого, как только тратишь зря время и деньги и приносишь разочарование своим друзьям.

— Разве человеку после четырехлетней зубрежки не положено никаких удовольствий?

— По твоему виду не скажешь, будто ты много их получаешь. Во всяком случае, тебе от них ничуть не легче, насколько я могу судить! Когда мы встретились, я сказала, что ты изменился к лучшему. Теперь я беру свои слова обратно. Я считаю, что ты далеко не так хорош, как был, когда я уезжала. Ты стал страшно ленивым, любишь болтовню, тратишь время на пустяки, доволен, когда тебя ласкают и тобой восхищаются глупые люди, вместо того чтобы стремиться быть любимым и уважаемым умными людьми. И это с деньгами, талантом, положением в обществе, здоровьем и красотой — ах, ты совсем как то Старое Тщеславие! Но это правда, и я не могу не сказать этого: располагая всеми этими сокровищами, ты не находишь другого занятия, кроме как бездельничать, и вместо того, чтобы быть таким, каким бы ты мог и должен быть, ты всего лишь... — Тут она остановилась, и во взгляде ее была и боль и жалость.

— Святой Лоренс на горячих углях, — произнес Лори, любезно заканчивая ее фразу. Но урок начал приносить плоды: в глазах был живой блеск, а прежнее равнодушное выражение сменилось полусердитым-полуобиженным.

— Я предполагала, что ты так воспримешь мои слова. Вы, мужчины, говорите нам, женщинам, что мы ангелы и можем сделать из вас, что хотим, но стоит нам честно попытаться сделать вас лучше, как вы смеетесь над нами и не хотите слушать. Это ясно

показывает, чего стоит ваша лесть. — Эми говорила с горечью и отвернулась от несносного мученика, простертого у ее ног.

Через минуту на страницу ее альбома легла рука, мешая ей рисовать, и Лори произнес, подражая ребенку, который просит прощения:

— Я буду хорошим, очень хорошим!

Но Эми не засмеялась; она стукнула карандашом по протянутой руке и серьезно сказала:

— Тебе не стыдно, что у тебя такая рука? Она нежная и белая, как у женщины, и вид у нее такой, будто она никогда ничего не делала, только носила лучшие перчатки от Жувена и собирала цветы для дам. Слава Богу, что ты не щеголь, и я могу радоваться, что на ней нет бриллиантов и больших перстней-печаток, только маленькое колечко, которое давным-давно дала тебе Джо. Дорогая Джо, как я хотела бы, чтобы она была здесь и помогла мне.

— Я тоже хотел бы!

Рука исчезла так же неожиданно, как появилась, а в эхом повторенных словах выраженного Эми желания звучало достаточно энергии, чтобы удовлетворить даже ее. Она взглянула вниз на него — у нее мелькнула новая мысль, — но он лежал, полузакрыв шляпой лицо, словно для тени, а усы закрывали рот. Она видела только, как поднимается и опускается его грудь с дыханием, похожим на вздохи, а рука с кольцом брошена в траву, словно чтобы скрыть что-то слишком драгоценное или слишком болезненное, чтобы об этом говорить. В одну минуту разные намеки и мелкие факты обрели смысл и значение в уме Эми и сказали ей то, чего никогда не поверяла ей сестра. Она вспомнила, что Лори никогда первым не заговаривал о Джо, она вспомнила недавно пробежавшую по его лицу тень, перемену в его характере и это маленькое старое колечко, совсем не украшавшее изящную руку. Девушки быстро читают такие знаки и чувствуют их красноречивость. Эми предполагала, что причиной перемены могли быть любовные страдания; теперь она была уверена в этом. Ее пронизательные глаза наполнились слезами, а голос, когда она заговорила снова, был таким прекрасно мягким и нежным, каким он бывал, когда она этого хотела.

— Я знаю, что не имею права так говорить с тобой, Лори, и, если бы у тебя не был самый мягкий на свете характер, ты бы очень рассердился на меня. Но мы все-таки любим тебя и так гордимся тобой, что мне невыносимо думать, как они, дома, были бы разочарованы в тебе, хотя, быть может, они поняли бы эту перемену лучше, чем я.

— Думаю, да, — прозвучало из-под шляпы; тон был мрачный, столь же трогательный, сколь и безнадежный.

— Им следовало бы сказать мне об этом, чтобы я не заблуждалась и не отчитывала тебя, вместо того чтобы быть доброй и терпеливой. Мне никогда не нравилась эта мисс Рэндл, а теперь я ее ненавижу! — сказала коварная Эми, желая на сей раз быть уверена, что ее догадки справедливы.

— К черту мисс Рэндл! — И Лори отбросил шляпу с лица, взглянув так, что не оставалось ни малейших сомнений в отношении его чувств к этой юной леди.

— Прошу прощения, я думала... — И она сделала тактичную паузу.

— Нет, не думала. Ты отлично знаешь, что я никогда не любил никого, кроме Джо. — Лори сказал это своим прежним пылким тоном и отвернулся.

— Я так и думала, но они ничего не писали об этом, а ты уехал. Я полагала, что ошиблась. А Джо не была добра к тебе? А я была уверена, что она горячо любит тебя.

— Она *была* добра, но не так. И счастье для нее, что она не полюбила меня, если я ни на что не годный человек, как ты обо мне думаешь. Впрочем, это ее вина, и можешь ей так и сказать.

Взгляд его опять стал холодным и полным горечи. Это обеспокоило Эми; она не знала, к какому бальзаму прибегнуть.

— Я была не права, я не знала... Мне очень жаль, что я так сердилась, но я не могу не желать, чтобы ты перенес это более мужественно, Тедди, дорогой!

— Нет, этим именем называла меня она! — И Лори поднял руку в торопливом жесте,

чтобы остановить слова, сказанные тоном Джо — добрым и полным упрека. — Подожди, пока испытаешь это сама, — добавил он тихо, дергая рукой пучки травы.

— Я перенесла бы это мужественно и добила бы уважения, если бы не смогла добиться любви, — сказала Эми с решительностью человека, ничего не знающего о подобных вещах. До сих пор Лори тешил себя мыслью, что он прошел через испытание в высшей степени хорошо — без стонов, не прося сочувствия и унеся свое горе, чтобы пережить его одному. Урок, преподанный ему Эми, представил дело в ином свете, и ему впервые показалось слабостью и эгоизмом падать духом при первой же неудаче и замыкаться в унылом равнодушии. Он чувствовал себя так, словно его встряхнули и тем вывели из печальной дремы, и нашел невозможным уснуть опять. Вскоре он сел и спросил задумчиво:

— Ты считаешь, что Джо презирала бы меня, как ты?

— Да, если бы видела тебя сейчас. Она терпеть не может ленивых людей. Почему ты не совершил что-нибудь замечательное, чтобы *заставить* ее полюбить тебя?

— Я сделал что мог, но это оказалось бесполезно.

— Хорошо закончил университет, хочешь сказать? Это только то, что ты и должен был сделать, ради твоего дедушки. Было бы позором провалиться, потратив столько времени и денег, когда все знали, что ты *можешь* закончить хорошо.

— И все же, что ни говори, я провалился, так как Джо не любит меня, — начал Лори, подперев голову рукой в безнадежно унылой позе.

— Нет, не провалился и сам скажешь это в конце концов, потому что учеба принесла тебе пользу и доказала, что ты мог бы сделать что-нибудь хорошее, если бы попытался. Если бы ты только поставил себе какую-нибудь другую задачу, ты скоро стал бы прежним — сильным и счастливым — и забыл бы свои огорчения.

— Это невозможно.

— Попробуй и увидишь. Нечего пожимать плечами и говорить про себя: «Много она об этом знает». Я не претендую на мудрость, но я наблюдательна и вижу гораздо больше, чем ты предполагаешь. Меня интересует опыт других людей и их противоречия, и, хотя я не могу их объяснить, я помню о них и стараюсь сделать выводы для собственной пользы. Люби Джо всю жизнь, если хочешь, но не дай этой любви испортить тебя. Грешно отвергать столько иных добрых даров лишь потому, что ты не можешь получить того, который хочешь. Ну вот, больше я не буду поучать. Я знаю, теперь ты проснулся и будешь мужчиной, несмотря на жестокосердие этой девушки.

Оба несколько минут молчали. Лори сидел, вертя колечко на пальце, а Эми завершала торопливый набросок, над которым трудилась, пока говорила. Вскоре она положила рисунок ему на колени и спросила лишь:

— Нравится?

Он взглянул и улыбнулся; рисунок был сделан замечательно: длинная, в ленивой позе фигура на траве, с безжизненным лицом, полузакрытыми глазами, в одной руке — сигара, от которой шел дым, кольцом обвивавший голову мечтателя.

— Как хорошо ты рисуешь! — сказал он искренне, приятно удивленный ее мастерством, и добавил, почти рассмеявшись: — Да, это я.

— Такой ты сейчас. А вот каким ты был. — И Эми положила другой рисунок рядом с тем, который он держал.

Этот другой рисунок был выполнен далеко не так хорошо, как первый, но в нем были жизнь и дух, примирявшие со многими недостатками, и он так живо напоминал о прошлом, что выражение лица молодого мужчины быстро менялось, пока он смотрел на рисунок. Это был всего лишь небрежный набросок, который изображал Лори, укрощающего лошадь; каждая линия напряженной фигуры с внушительной осанкой и решительным лицом была полна энергии и значения. Красивое животное, только что укрощенное, стояло, выгнув шею под туго натянутой уздой, одним копытом нетерпеливо роя землю и подняв уши, словно слушая голос того, кто покорило его. Во взлохмаченной гриве коня, в раздутых ветром

волосах и прямой позе наездника был намек на неожиданно остановленное движение, на силу, смелость, юношескую жизнерадостность, которые резко отличались от вялой грации «*dolce far niente*». Лори ничего не сказал, но, пока глаза его перебежали с одного эскиза на другой, Эми заметила, что он вспыхнул и сжал губы, словно прочел и принял к сведению маленький урок, преподанный ею.

Она была довольна и, не дожидаясь, пока он заговорит, сказала весело:

— Помнишь тот день, когда ты изображал Рейри⁶⁷, укрощая Шалуна, а мы все смотрели? Мег и Бесс были испуганы, Джо хлопала в ладоши и прыгала, а я сидела на заборе и рисовала тебя. На днях я нашла этот рисунок в моей папке, подправила и оставила, чтобы показать тебе.

— Премного обязан. С тех пор ты стала рисовать гораздо лучше, и я тебя поздравляю. Могу я, находясь в «краю медового месяца», осмелиться напомнить, что пять часов — время обеда в вашей гостинице?

С этими словами Лори поднялся, вернул эскизы с улыбкой и поклоном и взглянул на свои часы, словно напоминая ей, что и моральные поучения должны иметь конец. Он пытался вернуться к прежней непринужденности, безразличному виду, но теперь все это, действительно, было напускным, ибо с него стряхнули лень более эффективно, чем он согласился бы признать. Эми почувствовала тень холодности в его манере и сказала себе: «Я обидела его. Что ж, если это принесет ему пользу, я рада; если он возненавидит меня, мне жаль, но все, что я сказала, — правда, и я не могу взять назад свои слова».

Они смеялись и болтали всю дорогу домой, и поглядывавший на них сзади и сверху маленький Баптиста думал, что *monsieur* и *mademoiselle* в отличном настроении. Но обоим было неловко: дружеская откровенность была нарушена, на солнце нашло облако, и, несмотря на внешнюю веселость, было тайное недовольство в сердце каждого.

— Мы увидим тебя сегодня вечером, *mon frere*?⁶⁸ — спросила Эми, когда они расставались у дверей ее тетки.

— К несчастью, я занят. *Au revoir, mademoiselle.* — И Лори склонился, словно желая поцеловать ей ручку на иностранный манер, что шло ему больше, чем многим другим мужчинам. Что-то в выражении его лица заставило Эми сказать быстро и с теплотой:

— Нет, Лори, будь сам собой в отношениях со мной, и расстанемся добрым старым способом. Я предпочитаю сердечное английское рукопожатие всем сентиментальным приветствиям, принятым во Франции.

— До свидания, дорогая. — И с этими словами, произнесенными тоном, который ей понравился, Лори покинул ее после рукопожатия, бывшего почти болезненным в своей сердечности. На следующее утро обычный визит Лори не состоялся. Вместо этого Эми получила записку, заставившую ее улыбнуться в начале и вздохнуть в конце.

Мой дорогой Ментор⁶⁹,

прошу передать мое *adieu*⁷⁰ твоей тете, и можешь ликовать, ибо Лодырь Лоренс, как послушнейший из мальчиков, уехал к дедушке. Приятной зимы вам, и пусть боги обеспечат тебе счастливый медовый месяц в Вальрозе! Я думаю, Фреду тоже не помешала бы взбучка. Передай это ему вместе с моими поздравлениями.

⁶⁷ Рейри Джон (1828 — 1866) — известный американский укротитель лошадей, в 1861 г. демонстрировал свое искусство в странах Европы, включая Россию.

⁶⁸ *mon frere* — мой брат (франц.).

⁶⁹ Ментор — персонаж древнегреческой эпической поэмы «Одиссея», воспитатель Телемака, сына Одиссея.

⁷⁰ *adieu* — прощайте (франц.).

Твой благодарный Телемак.

— Милый мальчик! Я рада, что он уехал, — сказала Эми с одобрительной улыбкой; в следующую минуту лицо ее омрачилось, и, обведя взглядом пустую комнату, она добавила с печальным вздохом: — Да, я рада, но как мне будет его не хватать!

Глава 17

Долина смертной тени

Когда прошла первая горечь от осознания того, что Бесс должна уйти навсегда, семья примирилась с неизбежным и постаралась нести свое бремя бодро, помогая друг другу возросшей взаимной привязанностью, которая еще теснее объединяет домашних, когда приходит беда. Они старались не думать о своем горе, и каждый делал все, что мог, чтобы этот последний год был счастливым.

Самая уютная комната в доме была отведена Бесс, и там было собрано все, что она особенно любила, — цветы, картины, ее пианино, маленький рабочий столик, милые ее сердцу кошки. Лучшие папины книги оказались там, так же как и мамино любимое кресло, стол Джо, лучшие рисунки Эми, и каждый день малыши Мег в сопровождении матери совершали любовное паломничество, чтобы доставить радость «тете Бесс». Джон, не сказав никому ни слова, отложил небольшую сумму, чтобы иметь удовольствие обеспечивать больную фруктами, которые она очень любила. Старая Ханна не уставала стряпать изысканные блюда, чтобы искушать капризный аппетит больной, и роняла в них слезы все время, пока трудилась в кухне. А из-за океана приходили маленькие подарки и веселые письма и словно приносили с собой дыхание тепла и ароматы цветов из стран, что не знают зимы.

Здесь, лелеемая как домашняя святая в своем храме, сидела Бесс, спокойная и занятая, как всегда, ибо ничто не могло изменить милую, бескорыстную натуру, и, даже готовясь проститься с жизнью, она старалась сделать счастливее тех, кому предстояло остаться. Слабые пальцы никогда не лежали празднично; и одним из ее развлечений было делать маленькие подарки школьникам, пробегавшим каждый день в школу и обратно, — уронить пару вареников для покрасневших от холода рук, игольницу для какой-нибудь маленькой мамы множества кукол, перочистки для юных каллиграфов, с трудом продирающихся через леса крючков и палочек, альбом с вырезками для любящих красивые картинки глаз и другие, самые разные милые изобретения, пока те, кто неохотно взбирался по лестнице знаний, не сочли, что их путь усеян цветами, и не начали смотреть на кроткую дарительницу как на добрую фею, которая сидела наверху и осыпала их дарами, чудесно отвечавшими их вкусам и нуждам. Если Бесс хотела какой-то награды, она находила ее в веселых личиках, всегда обращенных к ее окну с кивками и улыбками, и в смешных маленьких записочках, приходивших к ней, полных клякс и выражений благодарности.

Первые несколько месяцев были очень счастливыми, и Бесс часто говорила, окинув взглядом свою солнечную комнату: «Как здесь красиво!», когда все они сидели у нее, малыши возились на полу, мать и сестры шили, а отец читал приятным голосом отрывки из мудрых старых книг, в которых было много добрых и утешительных слов, столь же применимых сейчас, как и сотни лет назад, когда они были написаны. То была маленькая часовня, где отец-священник учил свою паству, давая ей трудные уроки, которые должны выучить все, пытаясь показать им, что надежда может дать любви утешение, а вера сделать возможным смирение. То были простые проповеди, глубоко проникавшие в души тех, кто слушал, ибо отцовская любовь была в учении священника и часто дрожь голоса усиливала красноречивость слов, которые он говорил им или читал. Хорошо, что им было дано это спокойное время, чтобы подготовиться к последовавшим за ним печальным дням, так как вскоре Бесс начала говорить, что игла «такая тяжелая», а затем отложила ее навсегда, беседа утомляла ее, лица беспокоили, страдание овладевало ею, спокойствие духа было прискорбно

нарушено болезнью, мучившей слабую плоть. Какие это были тяжелые дни, какие долгие, долгие ночи, как страдали сердца и какие возносились горячие молитвы, когда те, кто глубоко любил ее, были принуждены видеть умоляюще протянутые к ним худые руки, слышать горький возглас: «Помогите мне, помогите!» — и чувствовать, что нет помощи. Горестное возмущение безмятежной души, острая борьба юной жизни со смертью — но и то и другое было милосердно кратким, а затем восстание природы кончилось, вернулся прежний покой, еще более прекрасный, чем прежде. С разрушением хрупкого тела душа Бесс становилась сильнее, и, хотя она говорила мало, те, кто был вокруг нее, чувствовали, что она готова и что первый призванный пилигрим был также и самым достойным, и ждали с ней на берегу, пытаясь разглядеть Сияющих (1), идущих встретить ее, когда она перейдет реку.

Джо никогда не покидала сестру ни на час, с тех пор как Бесс сказала: «Я чувствую себя сильнее, когда ты здесь». Джо спала в комнате Бесс на кушетке, часто просыпаясь, чтобы поправить огонь, покормить, поднять или подать что-то, помогая терпеливому существу, которое редко обращалось с просьбами и «старалось не причинять беспокойства». Весь день Джо оставалась в той же комнате, ревнуя к каждой другой сиделке и гордясь тем, что выбрали ее, больше, чем любой другой честью, когда-либо выпавшей в жизни на ее долю. То были драгоценные и полезные часы для Джо, ибо ее сердце училось тому, в чем так нуждалось, — уроки терпения давались так мило, что невозможно было не понять их: доброжелательность ко всем, чудесный дух прощения, что способен по-настоящему забыть чужую недоброту, верность долгу, которая делает самое тяжелое легким, и искренняя вера, что не боится ничего и надеется без сомнений.

Часто, когда Джо просыпалась, она заставляла Бесс за чтением той старой маленькой книжечки, которую когда-то подарила ей на Рождество мать, слышала, как она тихонько напевает, чтобы скоротать бессонную ночь, или видела, как она сидит, опустив лицо в ладони, а слезы медленно каплют между худыми пальцами; и Джо лежала, глядя на нее, с мыслями слишком глубокими для слез, чувствуя, что Бесс, как всегда просто и несебялюбиво, пытается отвыкнуть от дорогой старой жизни и приготовиться к жизни предстоящей через священные слова утешения, спокойные молитвы и музыку, которую так любила. То, что видела Джо, давало ей больше, чем самые мудрые проповеди, самые святыне гимны, самые горячие молитвы, ибо глазами, проясненными слезой, и сердцем, смягченным самой нежной печалью, она увидела и узнала красоту жизни сестры — без событий, без честолюбивых замыслов, но полную истинных добродетелей, что «ароматны и цветут во прахе» (2), и бескорыстия, которое делает смиреннейшего на земле наиболее любезным Богу, — подлинный успех, который возможен для всех.

Однажды ночью Бесс просматривала книги на своем столике и нашла нечто, заставившее ее забыть слабость смертного, которую почти так же трудно вынести, как боль. Листая страницы давно любимого «Путешествия пилигрима», она нашла листок, исписанный рукой Джо. Ей бросилось в глаза имя в первой строке, а расплывшиеся чернила убедили ее в том, что на листок падали слезы.

«Бедная Джо! Она спит, и я не стану будить ее, чтобы спросить разрешения; она показывает мне все свои сочинения и, я думаю, не будет возражать, если я прочту это», — подумала Бесс, взглянув на сестру, которая лежала на ковре, положив рядом каминные щипцы, готовая проснуться, как только горящее полено распадется на части.

МОЯ БЕСС

Ожидая свет благословенный,
Терпеливо ты сидишь в тени.
Дух твой тихий, в горести смиренный,
Святостью наполнил эти дни.

Радости, печали и волненья —

Только рябь пустая суеты
На волнах реки, что без сомненья
Перейти уже готова ты.

Берег наш навеки покидая,
Мир, что не живет в святой тиши,
Мне оставь в наследство, дорогая,
Все твои сокровища души.

Завещай великое терпенье,
Что сильнее, чем самый лучший друг,
Может нашу веру в Провиденье
Поддержать в оковах смертных мук.

Надели меня чудесной силой —
Смелостью любви и доброты
Сделать долг не колеей унылой,
А тропой весны и красоты.

Лай мне бескорыстие и кротость.
Чтоб всегда уметь забыть себя,
Чтобы и обиду и жестокость
Сердцем и душой прощать, любя.

Так теряет наше расставанье
Горечь всю последнего «прости»,
Ибо каждый день дает мне знанье,
Как с утратой нечто обрести.

Тяжкое прикосновенье горя,
Усмиряя дух мятежный мой,
Даст мне мудрость жить, с судьбой не споря,
В единенье с силою благой.

И отныне, стоя над рекою,
Буду знать — на дальнем берегу
Ждет меня и машет мне рукою
Та, чей образ в сердце берегу.

Добрый ангел веры и надежды
Сохранит на жизненном пути,
В час последний мне прикроет вежды,
Даст без страха реку перейти.

С потеками и кляксами, неровные и бледные, строки эти принесли Бесс невыразимое утешение. Она всегда сожалела лишь о том, что так мало сделала в этой жизни, но стихи Джо уверяли ее, что она жила не напрасно и что ее смерть не принесет отчаяния близким, как она прежде боялась. Пока она сидела со сложенным листком в руках, обуглившееся полено упало и развалилось на куски. Джо вздрогнула, поправила огонь и тихонько подкралась посмотреть, спит ли Бесс.

— Не сплю, дорогая, но так счастлива. Смотри, я нашла это и прочитала. Я знала, что ты не будешь возражать. Джо, неужели я в самом деле стала для тебя всем этим? — спросила

она, указывая на листок с задумчивой, смиренной серьезностью.

— О Бесс, конечно, конечно! — И голова Джо опустилась на подушку рядом с головой сестры.

— Теперь у меня не будет чувства, что я зря жила на свете. Я не такая хорошая, какой ты описала меня, но я *старалась* поступать хорошо; и теперь, когда слишком поздно начать поступать еще лучше, так утешительно знать, что кто-то так глубоко любит меня и чувствует, что я помогла ему.

— Больше, чем кто угодно на свете, Бесс. Я думала, что не смогу смириться с разлукой, но я учусь чувствовать, что не теряю тебя, что ты будешь для меня чем-то большим, чем прежде, что смерть не разлучит нас, пусть даже и кажется, будто это разлука.

— Я знаю, она не может разлучить, и я больше не боюсь ее. Я уверена, что по-прежнему буду твоей Бесс, буду любить тебя и помогать тебе еще больше. Ты должна занять мое место, Джо, и стать для папы и мамы тем, чем была я. Они обратятся к тебе за поддержкой, не подведи их; и если будет трудно выполнять эту работу одной, вспомни, что я не забываю тебя и что ты будешь счастливее, помогая родителям, чем сочиняя замечательные книжки или путешествуя по всему свету. Любовь — единственное, что мы можем унести с собой, умирая, и это она делает конец таким легким.

— Я постараюсь, Бесс. — И в этот момент Джо отказалась от прежних стремлений, посвятив себя новому и лучшему, признавая тщету других желаний и чувствуя благословенное успокоение веры в бессмертие любви.

Так весенние дни приходили и уходили, небо становилось яснее, земля зеленее, цветы распускались, прекрасные и ранние, и птички успели вернуться, чтобы сказать «прощай» милой Бесс, которая, как усталое, но доверчивое дитя, держалась за руки тех, кто были ее проводниками всю жизнь, и родители осторожно провели ее через Долину смертной тени и оставили Богу.

Редко, кроме как в книжках, умирающий произносит памятные слова, переживает видения или покидает этот мир с блаженством на лице, и те, кто простился со многими душами, знают, что для большинства конец наступает так же естественно, как сон. Как и надеялась Бесс, «отлив прошел легко», и в темный час перед рассветом на той же груди, где она сделала первый вздох, она сделала и последний, без прощальных слов, но с одним любовным взглядом.

Со слезами и молитвами нежными руками мать и сестры приготовили ее к долгому сну, который никогда более не омрачит страдание. Благодарными глазами видели они, как терпеливое страдание на лице их любимой, так долго терзавшее их сердца, сменилось прекрасным спокойствием, и чувствовали, что для нее смерть была добрым ангелом, а не страшным призраком.

Когда настало утро, впервые за много месяцев огонь в камине догорел, место Джо было пустым, а комната очень тихой. Но птичка блаженно распевала на распускающейся ветке неподалеку, на окне благоухали свежие ландыши, а весеннее солнце лилось как благословение на безмятежное лицо на подушке — лицо, столь полное не омраченного страданием покоя, что те, кто нежно любил его, улыбнулись сквозь слезы и поблагодарили Бога за то, что Бесс наконец хорошо.

Глава 18

Учась забывать

Урок, который преподала Эми, принес Лори пользу, хотя он признал это лишь гораздо позднее. Когда совет дают женщины, мужчины, эти «венцы творения», обычно не принимают его, пока не убедят себя, что именно это они и собирались сделать; затем они действуют в соответствии с ним, и если добиваются успеха, то признают за «сосудом

скудельным»⁷¹ половину заслуг; если же терпят неудачу, щедро возлагают на него всю вину.

Лори вернулся к дедушке и в течение нескольких недель был таким любящим и почтительным, что старик считал это чудесным влиянием климата Ниццы и предложил ему съездить туда еще раз. Ничто другое не могло быть более привлекательным для Лори, но после выговора, который он там получил, его было и силой не затащить в Ниццу: не позволяла гордость; а когда желание поехать становилось очень сильным, он укреплял свою решимость, повторяя слова, которые произвели самое глубокое впечатление: «Я тебя презираю», и еще: «Почему ты не совершил что-нибудь замечательное, чтобы заставить ее полюбить тебя?»

Лори так часто обдумывал их разговор, что вскоре ему пришлось признать, что он действительно был эгоистичен и ленив, но, с другой стороны, когда у человека большое горе, ему можно простить всевозможные капризы, пока он это горе не изживет. Он чувствовал, что ныне его погубленная любовь уже мертва и, хотя он никогда не перестанет оплакивать ее, нет причины выставлять свой траур напоказ. Джо не полюбит его, но он сможет *заставить* ее уважать его и восхищаться им, доказав, что «нет» девушки не испортило ему жизнь. Он всегда хотел что-нибудь совершить, и совет Эми был совершенно излишним. Он только ждал, когда вышеупомянутая погубленная любовь будет прилично погребена, а похоронив ее, он был готов «спрятать разбитое сердце и за работой забыться».

Как Гете, когда у него была радость или печаль, влагал их в песню, так и Лори решил забальзамировать свое любовное горе в музыке и сочинить реквием, который растерзает душу Джо и тронет сердце любого слушателя. Поэтому в следующий раз, когда дедушка нашел, что внук опять становится унылым и беспокойным, и велел ему уехать, тот отправился в Вену, где имел друзей-музыкантов, и принялся за работу с твердой решимостью отличиться на музыкальном поприще. Но то ли горе было слишком огромным, чтобы воплотить его в музыке, то ли музыка слишком эфирной, чтобы поднять смертельную скорбь, но скоро он обнаружил, что реквием в данный момент ему не по силам. Было очевидно, что ум его еще не в рабочем состоянии, а в идеи необходимо внести ясность, ибо часто прямо посреди печальной музыкальной фразы он обнаруживал, что напевает танцевальную мелодию, которая живо приводила на память рождественский бал в Ницце, и особенно полного француза, и тем на данный момент клала конец трагическому сочинению.

Затем он взялся за оперу, поскольку вначале ничто не кажется неосуществимым, но и здесь он столкнулся с непредвиденными трудностями. Он хотел сделать Джо героиней своей оперы и обращался к памяти за нежными воспоминаниями и романтическими картинками своей любви. Но память оказалась предательницей и, словно обладая несговорчивым духом его возлюбленной, говорила лишь о странностях, недостатках и причудах Джо и показывала ее только в самых несентиментальных видах: выколачивающей половики, с головой, повязанной пестрым платком, загородившейся диванным валиком или выливающей ушат холодной воды а-ля миссис Гаммидж на его пламенную страсть — и неудержимый смех разрушал романтический образ, который он стремился создать. Джо упорно не желала становиться героиней оперы, и ему пришлось отказаться от нее с возгласом: «Бог с ней, с этой девушкой, одно мучение с ней!» — и схватиться за волосы, как и следует отчаявшемуся композитору. Когда он огляделся в поисках менее своенравной девицы, чтобы обессмертить ее в музыке, память с услужливой готовностью тут же предложила ему таковую. У этого призрака было много лиц, но всегда золотистые волосы, он был окутан прозрачным облаком и неся по воздуху перед внутренним взором композитора в чарующем хаосе роз, павлинов, белых пони и голубых лент. Лори не давал этой любезной красавице никакого имени, но взял ее в героини и очень полюбил, что неудивительно, так как он наделил ее всеми возможными достоинствами и талантами и сопровождал ее, невредимую, в испытаниях, из которых не

⁷¹ Библейское выражение, означающее «слабый пол, женщины».

вышла бы живой ни одна смертная женщина.

Вдохновленный этим образом, он некоторое время трудился с энергией, но постепенно работа теряла свое очарование, и он забывал о своем сочинении, сидя в задумчивости с пером в руке или бродя по веселому городу в поисках новых идей и с целью освежить ум, который был в ту зиму в несколько неуравновешенном состоянии. Он сделал не много, но обдумал многое и осознал, что вопреки его воле в нем происходит некоторая перемена. «Быть может, гений закипает. Я оставлю его кипеть и посмотрю, что из этого выйдет», — сказал он, в то же время втайне подозревая, что это не гений, но нечто гораздо более заурядное. Но что бы это ни было, оно кипело не напрасно, так как он испытывал все большую и большую неудовлетворенность своей бесцельной жизнью и начал жаждать какой-нибудь настоящей и серьезной работы, чтобы предаться ей душой и телом, и, наконец, пришел к разумному выводу, что не каждый, кто любит музыку, композитор. Вернувшись однажды из Королевского театра с великолепной постановки одной из великих опер Моцарта, он взглянул на свою собственную, сыграл несколько лучших фрагментов из нее, посидел, глядя вверх на бюсты Мендельсона, Бетховена и Баха, которые снисходительно смотрели на него, затем вдруг принялся рвать нотные листы один за другим и, когда последние обрывки вылетели из его рук, сказал себе трезво:

— Она права! Талант не гений, и ты не можешь сделать его гением. Музыка Моцарта лишила меня самонадеянности так же, как Рим лишил самонадеянности ее. Больше я не хочу быть обманщиком. Но что же я буду делать?

Ответить на этот вопрос было трудно, и Лори начал жалеть, что у него нет необходимости зарабатывать себе на хлеб. Теперь больше чем когда-либо представлялась возможность «пойти к черту», как он однажды впечатляюще выразил это. У него было много денег и никакого занятия, а дьявол, как говорит пословица, всегда найдет чем занять праздные руки. Бедняга столкнулся с немалыми искушениями, как внешними, так и внутренними, но сумел устоять, поскольку, как высоко ни ценил он свободу, более ее он ценил чистую совесть и уверенность в себе, и потому обещание, данное дедушке, и желание сохранить возможность честно взглянуть в глаза тем, кто любил его, и сказать: «Все в порядке» — позволили ему остаться осмотнительным и стойким.

Вполне вероятно, что найдутся ханжи, которые заметят: «Я не верю этому, мальчики есть мальчики, молодые мужчины должны перебеситься, и женщины не могут ожидать чудес». Конечно, о, образцы ходячей морали, вы не верите, но тем не менее это правда. Женщины совершают немало чудес, и я убеждена, что они могли бы совершить и это — поднять уровень стандартов мужского поведения, отказавшись повторять как эхо подобные сентенции. Пусть мальчики остаются мальчиками, чем дольше, тем лучше, и пусть молодые мужчины перебесятся, если уж должны; но матери, сестры и подруги могут помочь им совершить куда меньше грехов молодости, если будут верить и показывать, что верят, в возможность сохранить преданность добродетелям, делающим мужчину настоящим мужчиной в глазах хорошей женщины. Если это женские иллюзии, оставьте нас тешиться ими, пока мы можем это делать, ибо без них жизнь теряет половину своей красоты и романтичности, и печальные предчувствия отравят все наши надежды на смелых, добрых мальчиков, которые неизменно любят своих матерей больше, чем себя, и не стыдятся признаться в этом.

Лори полагал, что для того, чтобы забыть любовь к Джо, ему потребуется напряжение всех сил в течение долгих лет, но, к своему большому удивлению, обнаружил, что эта задача становится с каждым днем все легче. Сначала он отказывался верить в это, сердился на себя, не мог понять, но эти наши сердца устроены так странно и противоречиво, а время и природа делают свое дело, невзирая на наши желания. Сердце Лори *не* страдало, рана упорно продолжала заживать с удивлявшей его скоростью, и вместо того, чтобы стараться забыть, он обнаружил, что старается помнить. Он не предвидел такого поворота событий и не был готов к нему. Он чувствовал отвращение к самому себе, возмущался собственным непостоянством и ощущал в душе странную смесь разочарования и облегчения, оттого что

мог так быстро оправиться от такого ужасного удара. Он заботливо помешивал угли своей утраченной любви, но они не вспыхивали: осталось лишь приятное свечение, которое согревало и шло ему на пользу, не вызывая лихорадки, и он был вынужден с неохотой признать, что мальчишеская страсть медленно превращается в более спокойное чувство, очень нежное, немного грустное и все еще горькое, но которое непременно уйдет со временем, оставив лишь братскую привязанность, которая сохранится неизменной до конца.

Когда слово «братская» пришло ему на ум во время одного из таких размышлений, он улыбнулся и взглянул на висевший перед ним портрет Моцарта. «Это был великий человек, и, когда он не смог получить в жены одну сестру, он женился на другой и был счастлив». Лори не произнес этих слов, но лишь подумал про себя, а в следующий момент поцеловал старое колечко и сказал себе:

— Нет! Я не забуду, я никогда не смогу забыть. Я попробую еще раз, а уж если потерплю неудачу, что ж, тогда...

Не закончив этой фразы, он схватил перо и бумагу и написал Джо, что не может ни на что решиться, пока есть хоть малейшая надежда, что она передумает. Может ли она, хочет ли, позволит ли ему вернуться и быть счастливым? В ожидании ответа он не делал ничего, но ожидал с энергией и страстью, сгорая от нетерпения. Ответ, наконец, был получен и окончательно разрешил его сомнения: Джо определенно не могла и не хотела. Она была целиком поглощена заботой о Бесс и не желала больше слышать слово «любовь». Затем она просила его быть счастливым с кем-нибудь другим, но навсегда сохранить в сердце уголок для его любящей сестры Джо. Далее шла приписка, в которой она просила его не говорить Эми, что Бесс хуже; Эми предстояло весной вернуться домой, и не было необходимости омрачать остаток ее пребывания в Европе. Бог даст, она успеет проститься с сестрой. Но Лори должен писать Эми почаще, чтобы она не чувствовала себя одинокой, не тосковала по дому и не тревожилась.

— Так я и поступлю, прямо сейчас. Бедная девочка! Боюсь, ее возвращение домой будет печальным. — И Лори открыл ящик своего стола, словно письмо к Эми и было надлежащим заключением той незаконченной фразы, произнесенной несколько недель назад.

Но он не написал письмо в тот день, так как, роясь в столе в поисках своей лучшей бумаги, наткнулся на нечто такое, что изменило его намерения. В одном из ящиков среди счетов, паспортов и разного рода документов лежало несколько писем Джо, а в другом отделении — три записки Эми, заботливо перевязанные одной из ее голубых ленточек и своим ароматом напоминавшие о вложенных внутрь трех сухих розочках. С выражением смешанного сожаления и удовольствия он собрал все письма Джо, разгладил листы, свернул и аккуратно положил в маленький ящик стола, постоял с минуту в задумчивости, вертя кольцо на пальце, затем медленно снял его, положил вместе с письмами, закрыл ящик и вышел, чтобы послушать траурную мессу в соборе Св.Стефана, с таким чувством, словно это похороны, и, хотя он и не был подавлен горем, такой способ провести остаток дня казался ему более подходящим, чем писать письма очаровательным юным леди.

Письмо, впрочем, тоже было вскоре отправлено и быстро получен ответ, так как Эми действительно тосковала по дому и признавалась в этом с прелестной доверчивостью. Переписка процветала, письма летали туда и обратно с непогрешимой регулярностью всю раннюю весну. Лори продал бюсты, пустил свою оперу на растопку и вернулся в Париж, надеясь, что туда скоро придут и Кэрролы. Ему отчаянно хотелось поехать в Ниццу, но он не мог, пока не позовут, — а Эми не звала, поскольку в это время у нее были собственные переживания, которые заставляли ее стремиться избежать насмешливых взглядов «нашего мальчика».

Фред Воун вернулся и задал вопрос, на который она когда-то решила ответить «да», но теперь ответила «нет», ласково, но твердо, так как, когда пришло это время, смелость покинула ее и она почувствовала, что необходимо нечто большее, чем деньги и положение в обществе, чтобы удовлетворить новое желание, наполнившее ее сердце нежными надеждами

и тревогами. Слова «Фред хороший парень, но это не тот человек, который, по моему мнению, должен бы тебе понравиться» и лицо Лори, когда он произнес их, продолжали возвращаться к ней так же упорно, как и ее собственные, когда она сказала взглядом, если не вслух: «Я выйду замуж ради денег». Теперь ей было неприятно вспоминать об этом: это было так неженственно. Она не хотела, чтобы Лори думал о ней как о бесчувственном, суетном существе; теперь ей не так хотелось быть королевой общества, как достойной любви женщиной. Она была так рада, что он не испытывал отвращения к ней после всех ее ужасных речей, но принял их так вежливо и был добрее, чем когда-либо. Его письма оказались для нее подлинным утешением, так как письма из дома приходили нерегулярно, а когда приходили, оказывались далеко не такими ободряющими, как ей хотелось. И отвечать на его письма было не только удовольствием, но и долгом, ведь бедняжка был покинут и нуждался в ласке, поскольку Джо упорствовала в своем жестокосердии. Ей следовало бы постараться и полюбить его. Это было бы не очень трудно, многие были бы рады и горды, если бы их полюбил такой милый мальчик; но Джо всегда вела себя не как другие девушки, так что Эми не оставалось ничего другого, как быть очень ласковой и относиться к нему как к брату.

Если бы ко всем братьям относились так хорошо, как Эми относилась к Лори в тот период, братья были бы гораздо более счастливой породой существ, чем они есть на самом деле. Эми больше не поучала: она спрашивала его мнение по всем вопросам, она интересовалась всем, что он делает, готовила для него очаровательные маленькие подарки, посылала по два письма в неделю, полных живой болтовни, сестринских признаний и прелестных рисунков, изображающих чарующие виды Ниццы. Так как немногие братья могут похвастаться тем, что их письма сестры носят в карманах, внимательно читают и перечитывают, плачут, если короткие, целуют, если длинные, и заботливо хранят, мы не станем утверждать, что Эми делала все эти любовные глупости. Но она в самом деле стала немного бледнее и задумчивее в ту весну, во многом потеряла интерес к обществу и часто ходила в одиночестве на эскизы. Впрочем, вернувшись домой, она не многим могла похвастаться — смею думать, она просто изучала натуру, когда часами сидела сложив руки на террасе в Вальрозе или в рассеянности изображала то, что рисовалось ее воображению, — высеченного из камня могучего рыцаря на могильной плите, спящего в траве юношу с надвинутой на глаза шляпой или девушку в пышном наряде и с вьющимися волосами, прогуливающуюся по бальной зале под руку с высоким джентльменом; оба лица были изображены нечетко, в соответствии с новейшей модой в живописи, что безопасно, но не совсем приятно для зрителя.

Тетя Мэри думала, что Эми сожалеет о своем отказе Фреду, и та, находя возражения бесполезными, а объяснения невозможными, предоставила ей думать, что хочет, и позаботилась о том, чтобы Лори узнал, что Фред уехал в Египет. Это было все, но Лори понял; он выглядел успокоенным и сказал себе:

— Я был уверен, что она передумает. Бедняга Фред! Я прошел через это и могу посочувствовать.

Он сопровождал эти слова тяжелым вздохом, а затем, словно исполнив долг по отношению к прошлому, задрал ноги на диван и с наслаждением принялся читать письмо Эми. Пока за границей происходили все эти перемены, дома пришло горе; но письмо, сообщавшее, что Бесс умирает, не дошло до Эми, а когда пришло следующее, на могиле Бесс уже зеленела трава. Печальная новость застала Эми в Веве, так как в мае жара прогнала их из Ниццы и они медленно отправились через Геную и итальянские озера в Швейцарию. Она перенесла известие стойко и подчинилась решению семьи о том, что не должна прерывать свою поездку, поскольку уже поздно было проститься с Бесс и ей разумнее остаться, чтобы дать улечься первому приступу горя вдали от дома. Но на сердце у нее было очень тяжело, ей так хотелось домой, к родным, и каждый день она печально смотрела на другой берег озера в надежде, что Лори приедет и утешит ее.

И он приехал — очень скоро. Письма им обоим пришли с одной почтой, но он был в Германии и поэтому получил письмо на несколько дней позднее, чем она. Едва прочитав его,

Лори упаковал свой дорожный мешок, простился со спутниками и отправился исполнить свое обещание с сердцем, полным радости и горя, надежды и тревоги.

Он хорошо знал Ве́ве, и, как только лодка коснулась маленькой пристани, он поспешил вдоль берега к Ла-Тур, где жили Кэрролы *en pension*⁷². Garson был в отчаянии, так как вся семья уехала на прогулку по озеру; но нет, мадемуазель-блондинка, возможно, в саду замка. Если ме́сье возьмет на себя труд присесть, она в одно мгновение будет здесь. Но ме́сье не пожелал ждать даже одно мгновение и, не дослушав этой речи, исчез, чтобы самому найти мадемуазель.

Очаровательный старый сад на берегу прелестного озера, шелестящие над головой каштаны, плющ, вьющийся повсюду, и черная тень башни на солнечной поверхности воды — в одном конце широкой низкой ограды была скамья, и сюда Эми часто приходила читать, рисовать или искать утешения в окружающей ее красоте. В этот день она сидела здесь, опустив голову на руку, с тоской по дому в сердце и неподвижным взглядом, думая о Бесс и удивляясь, почему не едет Лори. Она не слышала, как он пересек двор, не видела, как он задержался под аркой, которая вела из подземного хода в сад. Он стоял так с минуту, глядя на нее новыми глазами и видя то, чего никто не видел прежде, — нежную сторону характера Эми. Все безмолвно свидетельствовало о любви и горе — много раз перечитанные письма на коленях, стягивающая волосы черная лента, страдание и женственное терпение в ее лице; даже маленький эбеновый крестик у нее на шее казался Лори трогательным, ведь это был его подарок, и она носила его как единственное украшение. Если у него были какие-то сомнения относительно того, какой прием окажет она ему, они исчезли в ту же минуту, когда она подняла глаза и увидела его. Уронив все, что лежало у нее на коленях, она бросилась к нему, восклицая с неподдельной любовью и радостью:

— О, Лори, Лори, я знала, что ты придешь ко мне!

Я думаю, все было сказано и решено тогда, когда они с минуту стояли вместе совершенно безмолвно; темная голова склонилась над светлой, словно желая защитить ее. Эми почувствовала, что никто не может утешить и поддержать ее так, как Лори, а Лори решил, что Эми — единственная женщина в мире, которая могла бы занять место Джо и сделать его, Лори, счастливым. Он не сказал ей этого, но она не была разочарована; оба понимали, что происходит, были довольны и с радостью обошли остальное молчанием.

Через минуту Эми вернулась на скамью, и, пока она осушала слезы, Лори собирал рассыпанные бумаги, находя разные затертые письма и наводящие на мысли рисунки добрыми предзнаменованиями. Когда он сел рядом с ней, она опять оробела и покраснела как мак, вспомнив о своем порывистом приветствии.

— Я не могла удержаться; мне было так одиноко и грустно, и я была так рада тебя видеть. Какой это был сюрприз — поднять глаза и увидеть тебя, как раз тогда, когда я начала бояться, что ты совсем не придешь, — сказала она, тщетно пытаясь говорить легко и естественно.

— Я бросился сюда в ту же минуту, как узнал о несчастье. Я хотел бы сказать что-нибудь, чтобы утешить тебя в потере милой Бесс, но могу лишь посочувствовать и... — Он не мог продолжать, так как тоже стал вдруг застенчив и не знал, что сказать. Ему хотелось просто положить голову Эми себе на плечо и посоветовать ей выплакаться, но он не осмелился и вместо этого взял ее руку и сочувственно пожал, что было лучше всяких слов.

— Не нужно ничего говорить, — сказала она мягко. — Меня утешает то, что Бесс теперь хорошо и она счастлива, и я не должна желать, чтобы она вернулась. Но мне страшно ехать домой, как бы горячо я ни хотела увидеть их всех. Мы не будем говорить об этом сейчас, а то я заплачу. А мне так приятно побыть с тобой. Тебе не нужно сразу возвращаться, нет?

— Нет, если ты хочешь, чтобы я был с тобой, дорогая.

⁷² *En pension* — На полном пансионе (франц.).

— Хочу, очень. Тетя и Фло очень добры ко мне, но ты — ты как член семьи, и мне было бы так приятно, если бы ты побыл здесь.

Эми была так похожа на тоскующего по дому ребенка, чье сердце переполнено горем, что Лори сразу забыл всю свою застенчивость и утешил ее именно тем, чего она хотела, — лаской, к которой она привыкла, и ободряющим разговором, который был ей необходим.

— Бедняжка, вид у тебя такой, словно ты совсем убита горем! Я собираюсь позаботиться о тебе, так что не плачь больше, пойдем прогуляемся, слишком холодно неподвижно сидеть на ветру, — сказал он ласково-повелительным тоном, который понравился Эми, завязал ленты ее шляпы, сунул ее руку себе под локоть и принялся расхаживать по солнечной аллее под покрытыми молодой листвой каштанами. Он чувствовал себя непринужденнее на ногах, а Эми было очень приятно опереться на сильную руку, увидеть улыбку на знакомом лице и услышать ласковый голос, говоривший так мило для нее одной.

На своем веку этот необычный старый сад послужил укрытием не одной паре влюбленных и, казалось, был специально создан для них — такой солнечный и уединенный, где не было никого, кроме башни, чтобы приглядеть за ними, и широкого, покрытого рябью озера, чтобы уносить отзвуки их голосов. Целый час эта новая пара гуляла и разговаривала или отдыхала на скамье, наслаждаясь взаимной близостью, что придает такое очарование времени и месту, и, когда прозаический звонок к обеду напомнил им, что пора покинуть сад, Эми почувствовала себя так, словно оставила там, в саду, весь свой груз одиночества и печали.

Как только миссис Кэррол увидела изменившееся лицо девушки, ее осенила новая мысль, и она воскликнула про себя: «Теперь все понимаю — девочка сохнет по молодому Лоренсу. Боже мой, никогда бы не подумала!»

С достойной похвалы сдержанностью добрая леди ничего не сказала и не проявила никаких признаков осведомленности, но сердечно уговаривала Лори остаться, а Эми наслаждаться его обществом, так как это принесет ей больше пользы, чем такое долгое уединение. Эми была образцом послушания, и, так как сама тетя была очень занята Фло, она предоставила племяннице развлекать ее друга, что та делала даже с большим, чем обычно, успехом.

В Ницце Лори бездельничал, а Эми отчитывала; в Веве Лори никогда не был апатичным и ленивым, он ходил на пешие прогулки, ездил верхом, катался на лодке или прилежно учился, а Эми восхищалась всем, что он делал, и следовала его примеру насколько могла. Он говорил, что перемена в нем вызвана климатом, и она не возражала, радуясь, что тем же можно объяснить улучшение ее собственного здоровья и настроения.

Бодрящий воздух принес пользу им обоим, а активное движение благотворно повлияло на души, как и на тела. Там, среди вечных гор, они, казалось, обрели более ясное видение жизни и долга; свежие ветры унесли унылые сомнения, обманчивые фантазии и мрачный туман; под теплым весенним солнцем расцвели самые разные вдохновляющие идеи, нежные надежды и счастливые мысли; волны озера словно унесли горести прошлого, а величественные древние горы ласково смотрели вниз на них, говоря: «Дети, любите друг друга».

Несмотря на недавнее горе, это было очень счастливое время, такое счастливое, что Лори был не в силах нарушить словом его очарование. Он не сразу пришел в себя от удивления, обнаружив, что так быстро излечился от своей первой и, как он полагал, единственной и последней любви. Он оправдывал себя за кажущуюся неверность мыслью, что сестра Джо — это почти то же, что сама Джо, и убеждением, что было бы невозможно полюбить так быстро и так глубоко другую женщину, кроме Эми. Его первое ухаживание было бурным и стремительным, и он оглядывался на него, словно через долгую череду лет, с чувством сострадания, смешанного с сожалением. Он не стыдился его, но стал думать о нем, как об одном из горьких и радостных переживаний своей жизни, за которое он мог быть благодарен, когда боль утихла. Его второе ухаживание, решил он, будет как можно

спокойнее и проще: не было никакой необходимости устраивать сцену, едва ли была необходимость говорить Эми, что он любит ее; она знала это без слов и давно дала ответ. Все произошло так естественно, что никто не мог выразить недовольства, и он знал, что все будут рады, даже Джо. Но если наша первая маленькая страсть была подавлена, мы склонны быть осмотрительными и неторопливыми, делая вторую попытку, и Лори не торопил время, наслаждаясь каждым часом и ожидая удобного случая произнести слово, которое поставило бы точку в первой и самой приятной части его нового романа.

Он, пожалуй, воображал, что признание произойдет в саду замка при луне и в самой изящной и красивой манере, но оказалось совсем наоборот — и все было сказано в полдень на озере в нескольких отрывистых словах. Все утро они катались на лодке — от мрачного Св.Джингольфа к солнечному Монтрё, с одной стороны — Савойские Альпы, с другой — Сен-Бернар и Дан-дю-Миди, прекрасный Веве в долине и Лозанна вдали на холме, а над головой безоблачное голубое небо и еще более голубое озеро внизу с множеством живописных лодок, похожих на белокрылых чаек. Они говорили о Бониваре⁷³, когда их лодка скользила мимо Шильонского замка, и о Руссо⁷⁴, когда смотрели вверх на Кларенс, где он написал свою «Элоизу». Ни один из них не читал ее, но оба знали, что это история о любви, и каждый подумал про себя, была ли она хоть вполовину так интересна, как их собственная. Эми плескала рукой в воде во время возникшей между ними маленькой паузы, а когда подняла глаза, увидела, что Лори оперся о весла и смотрит на нее с выражением, которое заставило ее торопливо сказать — лишь для того, чтобы что-то сказать:

— Ты, наверное, устал; отдохни немного, а я буду грести. Мне это будет полезно, а то с тех пор, как ты приехал, я совсем обленилась и только наслаждаюсь. — Я не устал, но можешь взять весло, если хочешь. Здесь достаточно места, хотя мне приходится сидеть посередине, чтобы уравновесить лодку, — ответил Лори, словно был даже рад этому перемещению.

Чувствуя, что она не слишком поправила дело, Эми заняла предложенную ей треть скамьи, откинула волосы с лица и взялась за весло. Она хорошо умела грести, так же как и многое другое; и хотя она гребла двумя руками, а Лори одной, весла опускались и поднимались в такт, и лодка ровно скользила по воде.

— Как хорошо мы гребем вместе, правда? — сказала Эми; молчание казалось ей невыносимым в ту минуту.

— Так хорошо, что мне хотелось бы, чтобы мы всю жизнь гребли в одной лодке... Ты согласна, Эми? — очень нежно спросил он.

— Да, Лори, — очень тихо ответила она.

Они оба перестали грести и невольно добавили красивую маленькую картинку человеческой любви и счастья к наплывающим видам, отраженным в озере.

Глава 19

Совсем одна

Легко было обещать самоотречение, когда собственное «я» было целиком поглощено другим «я», а сердце и душу очищал прекрасный пример другого сердца и души. Но когда голос, что помогал, умолк, ежедневные уроки любви кончились, дорогое существо ушло навсегда и не осталось ничего, кроме одиночества и горя, для Джо оказалось очень трудным

⁷³ Бонивар Франсуа (1493 — 1570) — швейцарский гуманист, участник борьбы за освобождения Женевы из-под власти герцога Савойского, в 1530 — 1536 был заключен в подземелье Шильонского замка; герой поэмы «Шильонский узник» Байрона.

⁷⁴ Руссо Жан-Жак (1712 — 1778) — французский писатель и философ; «Юлия, или новая Элоиза» — роман в письмах, написанный Руссо в 1761 году.

сдержат свое обещание. Как могла она «утешить папу и маму», когда ее собственное сердце разрывалось от тоски по сестре, как могла она «сделать дом счастливым», когда весь свет, тепло и красота, казалось, ушли из него вместе с Бесс, покинувшей свой старый дом ради нового, и где во всем этом мире могла она найти для себя «какой-нибудь полезный, счастливый труд», что заменил бы ей то преданное служение, которое само себе было наградой? Она пыталась бездумно, обреченно исполнять свой долг, втайне все время восстаивая против него, ибо казалось несправедливым, что ее немногочисленных радостей должно становиться еще меньше, груз ее забот делаться тяжелее, а жизнь все труднее, и труднее, в то время как она продолжает усердно трудиться. Казалось, одним людям достается все солнце, а другим вся тень. Это было несправедливо, ведь она больше Эми старалась быть хорошей, но никогда не получала никакой награды, только разочарование, горе и тяжелую работу.

Бедная Джо, это были мрачные дни — нечто похожее на отчаяние охватывало ее при мысли о том, что ей придется провести всю жизнь в этом тихом доме, посвятив ее скучным заботам, немногим маленьким удовольствиям и долгу, исполнять который никогда не станет легче. «Я не смогу. Я не создана для такой жизни. Я знаю, что убегу или сделаю что-нибудь отчаянное, если никто не придет мне на помощь», — говорила она себе, когда ее первые усилия не дали результата и она, почувствовав себя несчастной, впала в уныние, что бывает часто, когда сильной воле приходится покориться неизбежному.

Но нашелся кто-то, кто пришел Джо на помощь, хотя она не сразу поняла, что перед ней ее добрые ангелы, так как они были в знакомых образах и использовали самые простые чары, более подходящие для бедного человечества. Часто она вскакивала ночью, думая, что Бесс зовет ее, а когда вид пустой постели заставлял ее горько рыдать от неутешного горя: «О Бесс, вернись, вернись!», она протягивала руки с ненапрасной мольбой. Мать, услышав ее рыдания так же быстро, как слышала она и самый слабый шепот ее сестры, приходила, чтобы утешить ее не только словами, но терпеливой нежностью, которая успокаивает прикосновением, слезами, что безмолвно напоминают о горе большем, чем горе Джо, и прерывающимся шепотом, более красноречивым, чем молитвы, ибо полное надежды смирение шло рука об руку с истинным горем. То были священные мгновения, когда сердце говорило с сердцем в молчании ночи, обращая скорбь в благословение, которое умеряет горе и укрепляет любовь. Джо почувствовала это, и ей показалось, что ее ноша легче, долг милее, а жизнь не столь невыносима, если смотреть на них из безопасного убежища материнских объятий.

Когда страдающее сердце немного утешилось, смятенный ум тоже нашел поддержку. Однажды она пошла в кабинет и, склонившись над милой седой головой, приподнявшейся от бумаг, чтобы приветствовать ее доброй улыбкой, сказала робко: — Папа, поговори со мной, как ты прежде говорил с Бесс. Мне такие разговоры нужны больше, чем они были нужны ей, ведь я совсем потерялась.

— Дорогая моя, ничто не может утешить меня больше, чем твоя просьба, — ответил он с дрожью в голосе и, обняв ее обеими руками, словно ему тоже нужна была поддержка, и он не стыдился просить о ней.

Затем, сев в маленькое кресло Бесс, стоявшее рядом с ним, Джо рассказала о своих бедах — о непреходящей горечи утраты, о бесплодных усилиях, обескураживших ее, о недостатке веры, делавшем жизнь такой мрачной, и обо всем том горестном смятении, которое мы называем отчаянием. Она обратилась к нему с полным доверием, он дал ей помощь, в которой она нуждалась, и оба нашли в этом утешение, ибо пришло время, когда они могли говорить друг с другом не только как отец и дочь, но как мужчина и женщина, которые могут и рады служить друг другу с взаимным сочувствием, так же как и с взаимной любовью. То были счастливые часы размышлений в старом кабинете, который Джо называла «церковью одного прихожанина» и из которого выходила с воспрянувшим и более смиренным духом. Так родители, научившие одно дитя встретить смерть без страха, пытались теперь научить другое принимать жизнь без уныния и недоверия и использовать

предоставляемые ею прекрасные возможности с благодарностью и уверенностью.

И другую поддержку имела Джо — скромные, но благотворные для нее труды и радости, в которых ей не было отказано и которые она постепенно училась замечать и ценить. Щетки и тряпки для мытья посуды уже не были столь противны ей, как прежде; казалось, что-то от домовитого духа Бесс все еще витает вокруг маленькой швабры и старой щетки, которые так и не выкинули. И, пользуясь ими во время уборки, Джо замечала, что напевает песни, которые напевала Бесс, подражает ее аккуратности, заботится о мелочах, создающих атмосферу свежести и уюта, а это и есть первый шаг к тому, чтобы сделать дом счастливым, хотя она не догадывалась об этом, пока не услышала от Ханны, одобрительно пожавшей ей руку:

— Умница, ты решила, что не дашь нам скучать по нашей милой овечке. Мы мало говорим, но все замечаем, и Бог наградит тебя за это, вот увидишь.

Джо часто бывала у Мег, и, когда они шили вместе и разговаривали, она обратила внимание на то, как изменилась и развилась Мег, как хорошо она говорит, как много знает о хороших женских порывах, мыслях и чувствах, как счастлива в детях и муже и как много они делают друг для друга в семье.

— Брак все-таки отличная вещь. Интересно, расцвела бы я хоть вполовину так, как ты, если б тоже попробовала? — сказала Джо, строя воздушного змея для Деми в перевернутой вверх дном детской.

— Это именно то, что нужно тебе, Джо, чтобы проявить нежную, женскую часть твоей натуры. Ты как каштан — колючая снаружи, но шелковисто-гладкая внутри, со сладким ядрышком; нужно только до него добраться. Когда-нибудь любовь заставит тебя показать твое сердце, и тогда колючая скорлупа отпадет.

— Каштаны открываются на морозе, мэм, и нужно как следует потрясти дерево, чтобы они упали. Мальчики любят ходить за орехами, но мне не хочется, чтобы они затолкали меня в мешок, — ответила Джо, намазывая клеем змея, которому так и не удалось подняться в воздух, так как Дейзи привязала себя к нему в виде подвески.

Мег засмеялась; но, хотя ей было приятно видеть проблески прежнего духа Джо, она все же считала своим долгом подкрепить ранее высказанное мнение всеми имевшимися в ее распоряжении аргументами, самыми убедительными из которых были ее дети, которых Джо нежно любила. Некоторые сердца лучше всего открывает горе, и Джо была почти готова к тому, чтобы ее «затолкали в мешок»: чуть больше солнца — и каштан созревает, а тогда не нетерпеливый мальчик, встряхивающий дерево, но мужская рука дотягивается, чтобы нежно вынуть из скорлупы здоровое и свежее ядро. Если бы она подозревала об этом, то закрылась бы еще крепче в своей скорлупе и стала бы еще более колючей, но, к счастью, она не думала об этом, и, когда пришло время, скорлупа раскрылась.

Конечно, если бы она была героиней назидательной повести, ей следовало бы в этот период жизни сделаться святой, отречься от мира и ходить в черной шляпке и с религиозными брошюрками в кармане, творя добро. Но Джо была не героиней, а всего лишь преодолевающей жизненные препятствия девушкой, каких сотни, и она просто проявляла свою натуру, становясь печальной или сердитой, вялой или энергичной, как диктовало ей настроение. Это очень благородно — сказать, что мы будем добродетельными, но мы не можем добиться этого сразу; потребуются долгие, напряженные, объединенные усилия, прежде чем хотя бы некоторые из нас встанут на верный путь. Джо встала на этот путь: она училась исполнять долг и чувствовать себя несчастной, если его не исполняла; но исполнять его с радостью — ах, это было совсем другое! Прежде она часто говорила, что хотела бы сделать что-нибудь замечательное, как бы трудно это ни оказалось. Теперь она получила то, что хотела, ибо, что могло быть прекраснее, чем посвятить жизнь родителям, стараясь сделать дом таким же счастливым для них, каким они сделали его для нее? А если, чтобы обеспечить величие жизненного подвига, необходимы трудности, то, что может быть труднее для мятежной и честолюбивой девушки, чем отказаться от своих надежд, планов, желаний и радостно жить для других?

Провидение поймало ее на слове; перед ней была задача — не такая, о какой она мечтала, но лучшая, ибо в ней не было места эгоистическим интересам. Итак, как могла она выполнить эту задачу? Она решила, что постарается, и в своей первой попытке нашла помощников, о которых я сказала. Еще одно средство было дано ей, и она приняла его не как награду, но как утешение, как Христиан принял пищу, предложенную маленьким деревцем, под которым отдыхал, когда взобрался на гору, называвшуюся Трудностью.

— Почему ты не пишешь? Это занятие всегда делало тебя счастливой, — сказала ей мать однажды, когда Джо вновь овладело уныние.

— Нет желания писать, да если б и было, кому нужны мои сочинения?

— Нам. Напиши что-нибудь для нас и не думай об остальном мире. Попробуй, дорогая, я уверена, что и тебе это поможет, и нас очень обрадует.

— Не верю, что смогу. — Но все же Джо открыла свой стол и начала разбирать недоработанные рукописи.

Час спустя мать заглянула и увидела ее по-прежнему за столом. Джо писала вовсю, сидя в своем черном переднике с сосредоточенным выражением, заставившим миссис Марч улыбнуться и потихоньку уйти очень довольной успехом своего предложения. Джо не знала, как это получилось, но было в ее новом рассказе что-то, проникавшее прямо в сердца тех, кто читал его. И когда семья отсмеялась и наплакалась над ним, отец послал его, почти против воли Джо, в один из популярных журналов, где, к ее крайнему удивлению, не только приняли этот рассказ, но и заказали еще. За опубликованием рассказа последовали письма от людей, чья похвала была честью, его перепечатывали газеты, и незнакомые, как и друзья, восхищались им. Для маленького рассказа это был огромный успех, и Джо была удивлена даже больше, чем когда ее роман хвалили и бранили в одно и то же время.

— Не понимаю. Что такого в простом маленьком рассказе, что люди так хвалят его? — спрашивала она в полном недоумении.

— В нем правда, Джо. В этом весь секрет: юмор и пафос делают его живым. Ты наконец нашла свой стиль. Ты больше не пишешь с мыслью о славе или деньгах, а вкладываешь в труд свою душу. Это превратности судьбы: прежде была горечь, теперь сладость. Старайся и станешь так же счастлива, как счастливы мы твоим успехом.

— Если есть что-то хорошее или правдивое в том, что я пишу, то этим я обязана тебе, маме и Бесс, — сказала Джо, тронутая словами отца больше, чем любыми потоками похвал от остального мира.

Так, наученная любовью и горем, Джо писала свои маленькие рассказы и отсылала их искать друзей для них самих и для нее, и этот мир оказался очень милостив к таким скромным путникам — их принимали приветливо, и они посылали ей утешительные знаки внимания, как дети, которым повезло в жизни, посылают их своей матери.

Когда Эми и Лори написали домой о своей помолвке, миссис Марч боялась, что Джо будет нелегко порадоваться за них, но вскоре ее страхи улеглись. Хотя сначала Джо и казалась мрачной, она приняла известие очень спокойно и была полна надежд и планов относительно будущего «детей», прежде чем успела прочесть письмо дважды. Это был письменный дуэт, где каждый прославлял другого, как это делают влюбленные; было очень приятно читать его и думать о нем, так как ни у кого не было возражений. — Ты рада, мама? — спросила Джо, когда они сложили мелко исписанные листы и взглянули друг на друга.

— Да, я надеялась, что так и будет, с тех пор как Эми написала, что отказала Фреду. Я была уверена, что нечто лучшее, чем, как ты выражаешься, «корыстный дух», овладело ею, и кое-какие намеки в ее письмах заставляли меня предполагать, что любовь и Лори одержат победу.

— Какая ты проникательная, мама, и какая скрытная! Ни слова мне не сказала.

— Матерям нужны проникательные глаза и сдержанные языки, когда они имеют дело с дочерьми. Я боялась заронить такую мысль тебе в голову, чтобы ты не вздумала написать и поздравить их прежде, чем все было решено.

— Я уже не такая сумасбродка, какой была; можешь доверять мне. Теперь я достаточно трезва и разумна, чтобы быть чьей угодно наперсницей.

— Это правда, дорогая, и я хотела сделать тебя моей, да только боялась, что тебя может ранить известие о любви твоего Тедди к кому-то другому.

— Что ты, мама! Неужели ты думаешь, что я могла бы быть так глупа и себялюбива, после того как отказалась от его любви, когда она была самой первой, если не самой прекрасной.

— Я знаю, Джо, что ты была искренней в своих чувствах тогда, но в последнее время мне думалось, что, если бы он вернулся и снова сделал тебе предложение, ты, возможно, дала бы другой ответ. Прости, дорогая, но я не могу не видеть, что ты очень одинока и иногда в твоих глазах такая неудовлетворенность жизнью, что она проникает прямо мне в сердце. Так что я думала, что твой мальчик мог бы заполнить эту пустоту, если бы попытался сейчас.

— Нет, мама, лучше как есть. И я рада, что Эми полюбила его. Но ты права в одном: я действительно одинока, и, возможно, если бы Тедди попытался еще раз, я сказала бы «да» не потому, что полюбила, но потому, что теперь больше хочу быть любимой, чем когда он уезжал.

— Я рада, Джо. Это говорит о том, что ты делаешь успехи. Есть немало тех, кто любит тебя, так что постарайся утешиться любовью папы, мамы, сестер, друзей и малышей в ожидании лучшего возлюбленного из всех, который придет, чтобы принести тебе твою награду. — Матери — лучшие возлюбленные в мире, но я готова шепнуть маме, что хотела бы попробовать и других тоже. Это очень странно, но чем больше я стараюсь удовлетвориться всякого рода естественными привязанностями, тем большего я хочу. Я и не предполагала, что сердца могут вместить так много любви; мое такое податливое, и теперь оно, похоже, никогда не наполнится, а ведь прежде мне вполне хватало моей семьи. Я не понимаю этого.

— Я понимаю. — И миссис Марч улыбнулась своей сочувственной улыбкой, пока Джо переворачивала листы, чтобы еще раз прочитать, что Эми написала о Лори.

«Это так прекрасно — быть любимой такой любовью, какой любит меня Лори. Он несентиментален и мало говорит об этом, но я вижу и чувствую его любовь во всем, что он говорит и делает; и от этого я испытываю такое счастье и такое смирение, что я, кажется, совсем не та, какой была. До сих пор я не знала, какой он добрый, великодушный и нежный, теперь он открыл мне свое сердце, и я увидела, что оно полно благородных порывов, надежд и целей, и я испытываю гордость от сознания, что это сердце отдано мне. Он говорит, что теперь „может совершить благополучное плавание по жизни со мной на борту в качестве помощника и огромной любовью в качестве балласта“. И я молюсь, чтобы так и было; и постараюсь быть всем, чего он ищет во мне, потому что люблю моего храброго капитана всем сердцем и душой и никогда не покину его, пока Бог позволит нам быть вместе. Ах, мама, я и не знала, как может быть похож на рай этот мир, когда двое любят и живут друг для друга!»

— И это наша сдержанная, чопорная и суетная Эми! Право, любовь творит чудеса. Как глубоко, глубоко счастливы они, должно быть! — И Джо сложила шуршащие листы заботливой рукой, как закрывает человек увлекательный роман и затем вновь обнаруживает себя одиноким в этом сером, скучном мире.

Затем Джо отправилась наверх, так как шел дождь и гулять было нельзя. Ее охватил дух беспокойства, и прежнее чувство вернулось к ней — лишенное прежней горечи, но печальное и терпеливое недоумение, почему одна сестра должна получить все, что хочет, а другая ничего. Это было неправдой, она знала это и пыталась отбросить неприятную мысль, но естественная жажда любви была сильна, и счастье Эми пробудило жадное желание найти того, кого можно «любить всем сердцем и душой и быть вместе, пока Бог позволит».

На чердаке, где завершились беспокойные блуждания Джо, стояли в ряд четыре деревянных ящика, на каждом из них стояло имя владелицы и каждый был наполнен

реликвиями детства и юности, ушедших теперь навсегда. Джо заглянула в них, а дойдя до своего, оперлась подбородком о край и рассеянно смотрела на беспорядочную коллекцию, пока ее взгляд не привлекла связка старых тетрадей. Она вытащила их, перелистала и оживила воспоминания той приятной зимы, проведенной у доброй миссис Кирк. Сначала она улыбнулась, затем стала задумчива, потом печальна, а когда дошла до короткой записки, написанной рукой профессора, губы ее задрожали, тетради соскользнули с коленей, и она замерла, глядя на дружеские слова так, словно они обрели новый смысл и коснулись уязвимого места в ее сердце.

«Ждите меня, мой друг. Возможно, я немного опоздаю, но непременно приеду».

— О, если бы он только приехал! Такой добрый, милый, такой вечно терпеливый со мной, мой дорогой старина Фриц. Я не ценила его и вполтину так, как он того заслуживает, когда он был рядом. Но теперь как бы я хотела увидеть его, когда все, кажется, покинули меня и я совсем одна.

И, сжимая в руке маленькую записку как обещание, которому еще предстоит исполниться, Джо положила голову на подвернувшийся мешок с лоскутками и заплакала, словно отвечая дождю, стучавшему по крыше.

Была это жалость к себе, одиночество или плохое настроение? Или это было пробуждение чувства, которое ожидало подходящего момента, так же как и тот, кто был его причиной? Кто скажет?

Глава 20 Сюрпризы

Джо была совсем одна в сумерках, лежала на старом диване, глядела на огонь и думала. Она любила так проводить этот вечерний час; никто не тревожил ее там, и она привыкла лежать, положив голову на маленькую красную подушку Бесс, сочиняя сюжеты рассказов, мечтая или думая нежные думы о сестре, которая никогда не казалась слишком далеко. Лицо ее было усталым, серьезным и довольно грустным; завтра был ее день рождения, и она думала о том, как летят годы, какой старой становится она и как мало успела совершить. Почти двадцать пять — и нечем похвастаться. Джо заблуждалась — похвастаться можно было многим, и со временем она поняла это и была благодарна.

— Старой девой — вот кем я буду. Незамужняя литературная дама, с пером вместо супруга, семейством рассказов вместо детей, — а лет через двадцать, быть может, мне достанется и немного славы, когда я, подобно бедному Джонсону⁷⁵, не смогу ею насладиться, так как буду старой и не с кем мне будет ее разделить, так как буду одинока, да и нуждаться в ней не буду, так как стану совсем независимой от чужого мнения. Впрочем, никто не заставляет меня становиться брюзгливой святой или себялюбивой грешницей, да и, смею думать, старым девам живется совсем неплохо, когда они привыкают к своему положению, но... — И тут Джо вздохнула, словно такая перспектива все же не была заманчивой.

Она редко кажется заманчивой, и тридцатилетие кажется концом всего тому, кому двадцать пять. Но дело обстоит не так плохо, как можно подумать, и человек живет вполне счастливо, если способен найти прибежище в себе самом. В двадцать пять девушки начинают называть себя старыми девами, но втайне решают, что никогда ими не будут; в тридцать они ничего не говорят, но спокойно принимают этот факт и, если разумны, утешаются тем, что впереди у них еще двадцать полезных, счастливых лет, когда они могут научиться стареть красиво. Не смейтесь над старыми девами, милые девушки, ибо часто очень нежные и трагические романы скрыты в сердцах, что бьются так спокойно под строгими платьями, и самоотверженность, с которой они принесли в жертву молодость,

⁷⁵ Сэмюел Джонсон (1709 — 1784) — английский критик, лексикограф.

здоровье, стремления, мечты и саму любовь, делает их увядшие лица красивыми в глазах Бога. Даже к печальным, ворчливым сестрам нужно относиться с добротой, если не по какой иной причине, то хотя бы по той, что им не довелось узнать о самом сладком в жизни. И, глядя на них с сочувствием, не с презрением, цветущие девушки должны помнить, что они тоже могут упустить время цветения, что щеки не всегда останутся розовыми, что серебряные нити появятся в буйных каштановых кудрях и что со временем доброжелательность и уважение будут для них так же приятны, как любовь и восхищение сейчас.

Джентльмены, что значит — мальчики и юноши, будьте любезны со старыми девами, как бы бедны, некрасивы и чопорны они ни были, ибо единственный рыцарский дух, заслуживающий того, чтобы им обладать, — это тот, который с готовностью оказывает почтение старости, защищает слабого и служит женщинам, независимо от их положения в обществе, возраста или красоты. Лишь вспомните добрых тетюшек, которые не только поучают и пристают с пустяками, но нянчат и ласкают, слишком часто не получая благодарности; вспомните глупые истории, из которых они помогли вам выпутаться, деньги, которые они давали вам из своих скудных запасов, швы, которые терпеливые старые пальцы проложили для вас, ступеньки, по которым старые ноги с готовностью прошли, — и с благодарностью оказывайте милым старым дамам те маленькие знаки внимания, которые женщины любят получать всегда, пока живут. Быстроглазые девушки сразу заметят это, и вы понравитесь им от этого еще больше, а если смерть, эта почти единственная сила, способная разлучить мать и сына, осиротит вас, можете быть уверены, что найдете нежный прием и материнскую ласку у какой-нибудь тети Присциллы, которая сохранила самый теплый уголок в своем одиноком старом сердце для «лучшего в мире племянника».

Джо, должно быть, уснула (как, боюсь, и мой читатель во время этого маленького поучения), ибо вдруг перед ней встал призрак Лори — плотный, похожий на живого человека призрак, — склонившийся над ней с тем самым взглядом, который бывал у него, когда его переполняли чувства и он не хотел этого показать. Но, как героиня старинной английской баллады, «она поверить не могла, что был он перед ней», и лежала, глядя на него в ошеломленном молчании, пока он не наклонился и не поцеловал ее. Тогда она узнала его и вскочила, радостно крича:

— О мой Тедди! Мой Тедди!

— Дорогая Джо, значит, ты рада меня видеть?

— Рада! Мой благословенный мальчик, нет слов выразить мою радость. А где Эми? — Твоя мама взялась за нее у Мег. Мы зашли туда по пути, и моей жене не вырваться из их объятий.

— Твоей... кому? — воскликнула Джо, так как Лори произнес эти два слова с невыразимой гордостью и удовлетворением, выдавшими его.

— Ах, черт! Ну да, я сделал это. — И вид у него был такой виноватый, что Джо вспыхнула негодованием:

— Взял и женился!

— Да, простите, больше не буду. — И он опустил на колени, покаянно сложив руки и с выражением лица, полным озорства, веселья и торжества.

— И вы на самом деле женаты?

— И даже очень.

— Спаси и помилуй! Какую еще ужасную вещь ты сделаешь дальше? — И Джо упала на стул, задыхаясь.

— Характерное, но не совсем лестное поздравление, — ответил Лори, все еще в смиренной позе, но сияя удовлетворением.

— Чего же еще ты ожидаешь, если ошеломляешь человека, подкравшись как вор и выдавая секрет таким вот образом? Встань, смешной ты мальчик, и расскажи мне все.

— Ни слова, пока ты не позволишь мне сесть на мое прежнее место и пообещаешь не отгораживаться.

Джо засмеялась, как не смеялась уже давно, и, приглашающе похлопав по дивану, сказала сердечным тоном:

— Старый валик на чердаке, и теперь он нам не нужен; садись, Тедди, и признавайся.

— Как приятно слышать это твое «Тедди»! Никто не называет меня так, кроме тебя. — И Лори сел очень довольный.

— Как тебя зовет Эми?

— Милорд.

— Похоже на нее. Да, пожалуй, ты так и выглядишь. — И глаза Джо ясно сказали, что ее мальчик показался ей милее, чем когда-либо.

Валик исчез, но преграда тем не менее была — естественная, воздвигнутая временем, разлукой и переменой чувств. Оба ощущали ее и с минуту смотрели друг на друга так, словно эта невидимая преграда бросала на них легкую тень. Она, впрочем, исчезла, когда Лори сказал, тщетно пытаясь принять почтенный вид:

— Разве я не похож на женатого человека и главу семьи?

— Ни капли и никогда не будешь. Ты становишься лучше и красивее, но ты все тот же шалопай.

— Право, Джо, тебе следовало бы относиться ко мне с большим уважением, — начал Лори, невероятно наслаждавшийся происходящим.

— Как я могу, когда сама мысль о тебе, женатом и остепенившемся, так непреодолимо смешна, что я не могу оставаться серьезной! — отвечала Джо, улыбаясь во весь рот так заразительно, что оба снова засмеялись, а затем уселись поговорить, совсем как в старое доброе время.

— Нет смысла тебе, Джо, выходить на улицу в такой холод, чтобы встретить Эми: они все сейчас придут сюда. Я не мог ждать; я хотел преподнести тебе великий сюрприз и «снять первые сливки», как мы говорили, когда в шутку вздорили из-за молока.

— И ты, конечно, пришел и испортил весь сюрприз, начав не с того конца. Ну, начни сначала и расскажи мне, как все произошло. Мне до смерти хочется узнать.

— Я сделал это, чтобы доставить удовольствие Эми, — начал Лори с лукавой искрой в глазах, заставившей Джо воскликнуть:

— Вранье номер один! Эми сделала это, чтобы доставить удовольствие тебе. Продолжайте, сэр, и говорите правду, если можете.

— Ну и ну, она начинает придирается; не смешно ли слышать? — сказал Лори, обращаясь к огню в камине, и пламя покраснело и вспыхнуло, словно вполне соглашаясь с ним. — Это одно и то же, ведь теперь я и она — это одно. Мы собирались приехать домой с Кэрролами; они должны были вернуться около месяца назад, но неожиданно передумали и решили провести еще одну зиму в Париже. Но дедушка хотел вернуться домой; он отправился в это путешествие ради меня, так что я не мог отпустить его одного, и оставить Эми тоже не мог. А у миссис Кэррол все эти английские предрассудки насчет приличий, и компаньонки, и прочей чепухи, и она не позволила бы Эми ехать с нами. И тогда я разрешил все сложности, сказав: «Поженемся — и тогда сможем поступать как хотим».

— И конечно, ты это сделал; ты всегда настоишь на своем.

— Не всегда. — И что-то в голосе Лори заставило Джо сказать поспешно:

— Но как вам удалось добиться согласия тети?

— Это был тяжкий труд, но, между нами, мы убедили ее, ведь на нашей стороне была куча существенных причин. Времени, чтобы писать и просить позволения, не было, но вам всем нравилось это, и вы уже были согласны, так что оставалось только «брать время под уздцы», как выражается моя жена.

— Ну не горды ли мы и не нравится ли нам повторять эти два слова? — перебила его Джо, в свою очередь обращаясь к огню и с удовольствием замечая счастливый свет, который он, казалось, зажигал в глазах, что были так трагически мрачны, когда она видела их в последний раз.

— Что ж, пожалуй; она такая очаровательная маленькая женщина, что я не могу не

гордиться ею... Ну, а потом, тетя и дядя все же были там для соблюдения приличий. Мы были так поглощены друг другом, мы никуда не годились врозь — а это замечательное решение сделало все простым, и мы приняли его.

— Когда, где, как? — спрашивала Джо в горячке женского нетерпения и любопытства, так как не могла осознать все это по частям.

— Шесть недель назад, у американского консула в Париже, очень тихая свадьба, разумеется, ведь даже в нашем счастье мы не могли забыть о дорогой нашей Бесс.

Джо вложила руку в его ладонь, когда он сказал это, а он нежно провел рукой по маленькой красной подушке, которую хорошо помнил.

— Но почему вы не сообщили нам после свадьбы? — спросила Джо уже спокойнее, когда они просидели совершенно неподвижно с минуту.

— Мы хотели сделать вам сюрприз. Сначала мы думали, что поедem прямо домой, но милый старик, как только мы поженились, обнаружил, что будет готов к отъезду не раньше чем через месяц, и отправил нас проводить медовый месяц где нам угодно. Эми однажды назвала Вальрозу настоящим раем для новобрачных, и мы поехали туда — и были так счастливы, как люди бывают счастливы только раз в жизни. Клянусь честью! Это была любовь среди роз!

Лори на минуту словно забыл о Джо, и она была этому рада, ведь то, что он так свободно и естественно рассказывал ей об этом, уверило ее, что он совсем простил и забыл. Она попыталась забрать свою руку, но, угадав ее мысль, вызвавшую это почти невольное движение, Лори удержал ее руку и сказал с мужской серьезностью, которой она никогда не видела у него прежде:

— Джо, дорогая, я хочу сказать тебе кое-что, и больше мы никогда к этому не вернемся. Помнишь, в том письме, в котором я писал, как добра была ко мне Эми, я сказал, что никогда не перестану любить тебя? Но любовь изменилась, и я понял, что так лучше. Ты и Эми поменялись местами в моем сердце, вот и все. Я думаю, так было суждено и произошло бы само собой, если бы я подождал, как ты и пыталась меня заставить. Но я никогда не отличался терпением, и это была такая сердечная мука. Тогда я был мальчик, упрямый и порывистый, и потребовался тяжелый урок, чтобы показать мне мою ошибку. Ведь это действительно была ошибка, Джо, как ты и говорила, но я понял это только после того, как поставил себя в дурацкое положение. Честное слово, одно время я был в таком смятении, что не знал, кого люблю больше — тебя или Эми, и пытался любить обеих одинаково, но не мог, а когда я увидел ее в Швейцарии, все прояснилось, кажется, в один миг. Вы обе заняли в моем сердце те места, которые должны были занять, и я был уверен, что излечился от старой любви прежде, чем возникла новая, и что я могу честно поделить мое сердце между сестрой Джо и женой Эми и горячо любить обеих. Ты согласишься вернуться к старым добрым временам, когда мы впервые узнали друг друга?

— Я верю этому всей душой, но, Тедди, мы никогда не сможем опять быть мальчиком и девочкой; старые добрые времена не вернутся, и мы не должны ожидать этого. Теперь мы мужчина и женщина, время игр позади, у нас есть дела посерьезнее, и мы должны оставить шалости. Я уверена, что и ты это чувствуешь. Я вижу перемену в тебе, и ты найдешь ее во мне. Мне будет не хватать моего мальчика, но я буду так же сильно любить мужчину и восхищаться им даже больше, так как он становится тем, кем, я надеялась, он будет. Мы не можем больше быть друзьями игр, но мы будем братом и сестрой, чтобы любить друг друга и помогать друг другу всю жизнь, да, Лори?

Он не сказал ни слова, но взял протянутую ему руку и прижался к ней лицом, чувствуя, что из могилы мальчишеской страсти поднялась красивая, крепкая дружба, чтобы осчастливить их обоих. Вскоре Джо сказала весело, так как ей не хотелось, чтобы его возвращение было печальным:

— Не могу поверить, что вы, дети, в самом деле женаты и собираетесь вести свое хозяйство! Кажется, еще вчера я застегивала передник Эми и дергала тебя за волосы, когда ты меня дразнил. Боже, как летит время!

— Так как один из «детей» старше тебя, нечего изображать бабушку. Льщу себя надеждой, что я «джентльмен взрослый», как сказала Пеготти о Дэвиде Копперфилде⁷⁶, а когда ты увидишь Эми, то найдешь ее чересчур большим дитятей, — сказал Лори, усмехаясь ее материнскому виду.

— Может быть, ты и старше меня годами, Тедди, но я старше чувствами. С женщинами всегда так, а этот последний год был таким тяжелым, что я чувствую себя сорокалетней.

— Бедная Джо! Мы оставили тебя нести это бремя одну, а сами развлекались. Да, ты стала старше, вот морщинка, вот другая; когда ты не улыбаешься, глаза у тебя печальные, а когда я только что коснулся подушки, то почувствовал на ней слезу. Тебе пришлось многое перенести — и перенести одной. Каким я был себялюбивым чудовищем! — И Лори дернул себя за волосы, с полным раскаяния взглядом.

Но Джо лишь перевернула предательскую подушку и ответила, стараясь говорить бодро:

— Нет, я была не одна. Мне помогали папа и мама, здесь были милые малыши, и мысль, что у тебя и Эми все хорошо и что вы счастливы, тоже помогала мне легче переносить горе. Да, иногда мне одиноко, но, смею думать, это полезно для меня и...

— Больше ты никогда не будешь одинока, — вставил Лори, обняв ее, словно хотел защитить от бед. — Мы с Эми не сможем без тебя, так что ты должна прийти и научить «детей», как вести хозяйство, и участвовать во всем, как это было прежде, и позволить нам ласкать и баловать тебя, и все будут блаженно счастливы вместе.

— Если я не буду мешать, что ж, это было бы очень приятно. Я снова начинаю чувствовать себя совсем юной, потому что мне кажется, все мои заботы улетели, когда вы вернулись. Ты всегда был утешителем, Тедди! — И Джо положила голову ему на плечо, так же как много лет назад, когда Бесс была больна, а Лори велел ей опереться на него.

Он взглянул на Джо, спрашивая себя, помнит ли она то время, но Джо улыбалась про себя, словно и вправду все ее заботы исчезли с его приездом.

— Ты все та же Джо, что роняет слезы, а через минуту смеется. Вид у тебя сейчас очень озорной. В чем дело, бабушка?

— Я думала, как вы с Эми ладите.

— Как ангелы.

— Да, конечно, так было в первое время; но кто из вас правит?

— Я не прочь сказать тебе, что сейчас она, по крайней мере я позволяю ей думать так — ей это нравится. Постепенно мы меняемся ролями, ведь брак, говорят, наполовину уменьшает права каждого и удваивает обязанности.

— Вы продолжите, как начали, и Эми будет править тобой до конца ваших дней.

— Да, она делает это так незаметно, что я, пожалуй, не буду возражать. Она из тех женщин, которые знают, как править. Пожалуй, мне это даже нравится — она может вить веревки из человека так нежно и мило, как из мотка шелка, и ты при этом чувствуешь, что она все это время делает тебе одолжение.

— И вечно мне жить, глядя на этого мужа под башмаком жены, и наслаждаться этим! — воскликнула Джо, вздев руки.

Было приятно видеть, как Лори расправляет плечи и улыбается с мужским презрением, слыша такие предположения, и отвечает с величественным видом:

— Эми слишком хорошо воспитана для этого, а я не такой мужчина, чтобы это терпеть. Моя жена и я слишком уважаем себя и друг друга, чтобы тиранить один другого и ссориться. Джо понравились его слова, и она нашла, что это новое достоинство ему очень к лицу, но мальчик так быстро превращался в мужчину, что к ее удовольствию примешивалось сожаление.

— Я уверена в этом. Ты и Эми никогда не ссорились — не так, как мы с тобой. Она

⁷⁶ Пеготти — няня главного героя романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд».

солнце, а я ветер из сказки, и солнце правило человеком лучше, помнишь?

— Она тоже может сдуть человека с ног, а не только сиять ему, — засмеялся Лори. — Какой нагоняй я получил в Ницце! Даю тебе слово, это было куда хуже, чем любой из твоих нагоняев, — настоящая взбучка. Я расскажу тебе об этом когда-нибудь — *она* никогда не расскажет, ведь, сказав мне, что презирает меня и стыдится за меня, она потом отдала сердце презренному и вышла замуж за куда не годного.

— Что за низость! Если она будет обижать тебя, приходи ко мне; я за тебя заступлюсь.

— Похоже, что я в этом нуждаюсь, не так ли? — сказал Лори, вставая в театральную позу, которая неожиданно превратилась из внушительной в восторженную, когда послышался голос Эми:

— Где она? Где моя милая Джо?

Вошла толпой вся семья, и все снова обнимались и целовались, и после нескольких неудачных попыток три путешественника уселись, чтобы на них глядели и ими восхищались. Мистер Лоренс, как всегда бодрый и энергичный, тоже изменился послеграничной поездки, как и его юные спутники — его ворчливость почти совсем исчезла, а старомодная учтивость обрела блеск, сделавший ее более естественной, чем когда-либо. Было приятно видеть, как он улыбается «моим детям» — так называл он юную пару. Еще приятнее было видеть Эми, относившуюся к нему с дочерней почтительностью и любовью, которые совершенно покорили его старое сердце. И приятнее всего было наблюдать, как Лори вращается вокруг этих двоих, не устывая любоваться прекрасной картиной, которую они создавали.

Едва взглянув на Эми, Мег осознала, что ее собственное платье не имеет парижского шика, что юная миссис Лоренс совершенно затмила бы юную миссис Моффат и что «миледи» в целом весьма элегантная и изящная женщина. Джо подумала, глядя на молодых: «Как хорошо они выглядят вместе! Я была права, и Лори нашел прелестную, хорошо воспитанную девушку, которая создаст ему семейный очаг лучше, чем неуклюжая Джо, и будет его гордостью, а не причиной мучений». Миссис Марч и ее муж улыбались и кивали друг другу со счастливыми лицами. Они видели, что их младшая дочь преуспела не только в житейском смысле, но и обрета лучшее из богатств в любви, доверии, счастье.

Лицо Эми было полно ласкового оживления, свидетельствовавшего о безмятежности души, в ее голосе звучала какая-то новая нежность, а холодную чопорность сменило спокойное достоинство — и женственное, и покоряющее, — которое не было омрачено никаким мелким притворством. Сердечность ее манер была даже более очаровательна, чем новая красота или прежнее изящество, ибо характеризовала ее сразу и однозначно как настоящую леди, какой она прежде надеялась стать.

— Любовь сделала многое для нашей маленькой девочки, — сказала ее мать с нежностью.

— Всю жизнь у нее перед глазами был хороший пример, моя дорогая, — шепнул мистер Марч, с любовью глядя на постаревшее лицо и седую голову рядом с ним.

Дейзи не могла отвести глаз от «красивой тети» и следовала за ней, как комнатная собачка за сказочной владелицей замка, обладающей волшебными чарами. Деми немного выждал, чтобы обдумать новые родственные отношения, прежде чем подверг себя риску, приняв взятку, имевшую соблазнительную форму семейства деревянных медведей из Берна. Впрочем, фланговый удар привел к его безусловному подчинению — Лори знал, чем завоевать его.

— Молодой человек, когда я имел честь впервые встретиться с вами, вы ударили меня в лицо. Теперь я требую сатисфакции. — И с этими словами высокий дядюшка принялся подбрасывать своего маленького племянника и бороться с ним, уничтожив его философское достоинство так же, как и восхитив его мальчишескую душу.

— Ну не в шелках ли она с головы до ног? Ну не радость ли глядеть, как сидит она здесь в добром здравии, а все-то называют нашу маленькую Эми миссис Лоренс? — бормотала старая Ханна, которая не могла не поглядывать на них, пока накрывала на стол

самым беспорядочным образом. Боже мой, как они говорили! Сначала один, потом другой, затем вдруг все вместе, пытаясь рассказать за полчаса обо всем, что произошло за три года. Счастье, что чай был готов и обеспечил перерыв и подкрепление, а то они непременно охрипли бы и ослабели. Какая веселая процессия двинулась в столовую! Мистер Марч с гордостью вел «миссис Лоренс», миссис Марч с такой же гордостью опиралась на руку «моего сына». Старый джентльмен взял под руку Джо, шепнув: «Теперь ты должна заменить мне мою девочку», и взглянул на пустой угол у камина, на что Джо шепнула в ответ дрожащими губами: «Я постараюсь, сэр».

Близнецы скакали сзади, чувствуя, что до золотого века рукой подать, ведь все были заняты вновь прибывшими и предоставили малышам веселиться как им заблагорассудится, и можете быть уверены, что они воспользовались открывшимися возможностями самым наилучшим образом. Разве не пили они чай, не объедались имбирными пряниками *ad libitum*⁷⁷, не получили горячее печенье каждый и — как верх преступления — не засунули они замечательные фруктовые пирожные в свои маленькие кармашки, где они коварно прилипли и раскрошились, наглядно показав им то, что и человеческая натура, и изделия из теста одинаково непрочны? Обремененные сознанием преступления и опасаясь, что зоркие глаза тети Додо проникнут сквозь маскировку из батиста и шерсти, скрывавшую их добычу, маленькие грешники устроились возле дедушки, который сидел без очков. Эми, которую передавали друг другу как диковину, вернулась в гостиную под руку со старым мистером Лоренсом; остальные пары остались без изменений, и Джо в результате оказалась без спутника. Она не обратила на это внимания в ту минуту и задержалась в столовой, чтобы ответить на заинтересованные вопросы Ханны:

— А что, мисс Эми будет ездить теперь в карете и есть с тех красивых серебряных блюд, которые были сложены на хранение?

— Не удивлюсь, если она будет ездить на шестерке белых лошадей, есть на золоте и носить бриллианты и дорогие кружева каждый день. По мнению Тедди, ничто не может быть слишком хорошо для нее, — ответила Джо с бесконечным удовлетворением.

— Так оно и есть! А что на завтрак — мясо с подливкой или рыбные тефтельки? — спросила Ханна, ловко смешивая поэзию и прозу.

— Мне все равно. — И Джо закрыла дверь, чувствуя, что еда — неподходящая тема для такой минуты. Она немного постояла, глядя вверх на веселую процессию, исчезающую в дверях гостиной, и, когда маленькие ножки Деми в клетчатых штанишках одолели последнюю ступеньку, чувство одиночества внезапно овладело ею с такой силой, что она огляделась вокруг затуманенными глазами, словно ища, на что опереться, ведь даже Тедди покинул ее. Если бы она знала, что подарок ко дню рождения все ближе и ближе с каждой минутой, она не сказала бы себе: «Поплачу немного, когда пойду в постель, а сейчас не годится быть угрюмой». И она провела рукой по глазам — одной из ее мальчишеских привычек было никогда не знать, где ее носовой платок, — и едва успела вернуть на лицо улыбку, когда раздался стук в парадную дверь.

Она с гостеприимной торопливостью распахнула дверь и широко раскрыла глаза, словно второй призрак явился, чтобы поразить ее, — на пороге стоял высокий бородатый джентльмен, сияя улыбкой из темноты, словно полуночное солнце.

— О, мистер Баэр, я так рада вас видеть! — воскликнула Джо, хватая его за руку, словно боясь, что ночь может поглотить его прежде, чем она успеет ввести его в дом.

— А я — видеть мисс Марч... но у вас гости... — И профессор умолк, когда сверху донеслись звуки веселых голосов и топот танцующих ног.

— Нет, никаких гостей, все свои. Моя сестра и друзья только что вернулись из путешествия, и мы так рады. Входите, присоединяйтесь к нам.

Я думаю, что хотя мистер Баэр и был очень общительным человеком, он, скорее всего,

⁷⁷ *ad libitum* (лат.) — по желанию, как угодно.

любезно откланялся бы и зашел в другой день; но как мог он сделать это, когда Джо закрыла за ним дверь и отобрала шляпу? Возможно, на его решение остаться повлияло и ее лицо, ведь она забыла скрыть радость при виде его и выразила свои чувства с искренностью, оказавшейся непреодолимо притягательной для одинокого человека, — такой прием далеко превосходил его самые смелые ожидания.

— Если я не буду Monsieur de Troup⁷⁸, я охотно познакомлюсь со всеми вами. Вы были больны, мой друг?

Он задал этот вопрос неожиданно: когда Джо вешала его пальто, свет упал на ее лицо, и мистер Баэр заметил, как оно изменилось.

— Не больна, но устала и печальна. С тех пор как мы с вами виделись в последний раз, наша семья пережила большое горе.

— Ах, да, я знаю. Я был глубоко огорчен, когда услышал об этом. — Он с сочувствием пожал ей руку, и Джо показалось, что никакое утешение не может сравниться со взглядом этих добрых глаз и пожатием большой теплой руки.

— Папа, мама, это мой друг, профессор Баэр, — сказала она с такой безудержной радостью и гордостью в лице и голосе, что это было почти то же самое, как если бы она затрубила в трубу и распахнула дверь широким жестом.

Если у нового гостя были какие-то сомнения относительно того, как его встретят, они исчезли сразу же, так как прием ему был оказан самый сердечный. Все приветствовали его любезно, сначала ради Джо, но очень скоро он сам вызвал их расположение. Он не мог не понравиться, ибо обладал талисманом, открывавшим все сердца, и эти простые люди сразу почувствовали симпатию к нему, испытывая даже большее дружелюбие оттого, что он беден; ведь бедность делает богатыми тех, кто живет выше ее уровня, и является надежным пропуском к подлинно гостеприимным душам. Мистер Баэр сел и огляделся с видом путешественника, который постучал в незнакомую дверь, а когда она открылась, обнаружил, что попал в родной дом. Дети налетели на него, как пчелы на горшочек с медом, и, устроившись каждый на одном его колене, взяли в плен, обыскивая его карманы, трогая бороду и обследуя часы с юной дерзостью. Женщины одобрительно кивнули друг другу, мистер Марч, чувствуя, что нашел родственную душу, открыл гостю свои самые сокровенные духовные запасы, в то время как молчаливый Джон слушал и наслаждался беседой, не говоря ни слова, а мистер Лоренс нашел невозможным задремать.

Если бы Джо не была занята другим, поведение Лори позабавило бы ее, так как неясная боль, не от ревности, но от чего-то похожего на подозрение, заставила этого джентльмена сначала остаться в стороне и наблюдать за новым гостем с настороженностью, как если бы он был ее братом. Но это продолжалось недолго. Он невольно заинтересовался и, незаметно для себя, был втянут в беседу, так как мистер Баэр говорил очень хорошо в этой приятной дружеской обстановке и показал себя с самой лучшей стороны. Он редко обращался к Лори, но часто смотрел на него, и тень пробежала по его лицу, словно вид этого молодого человека в расцвете сил вызывал у него сожаления о собственной ушедшей юности. Потом его глаза устремлялись на Джо так печально, что она несомненно ответила бы на этот немой вопрос, если бы видела его; но Джо приходилось заботиться о собственных глазах, и, чувствуя, что им нельзя доверять, она благоразумно не отводила их от маленького носка, который вязала, как образцовая незамужняя тетушка. Но каждый из нескольких брошенных украдкой взглядов освежал ее, как глоток чистой воды после прогулки по пыльной дороге, так как эти взгляды искоса открыли ей несколько благоприятных знаков. Лицо мистера Баэра утратило прежнее рассеянное выражение и казалось оживленным и заинтересованным и даже молодым и красивым, как подумала она, забыв сравнить его с Лори, с которым обычно сравнивала всех мужчин, что было для них чрезвычайно невыгодно. Кроме того, мистер Баэр выглядел весьма воодушевленным, хотя погребальные обряды древних, о которых случайно

⁷⁸ Monsieur de Troup — господин лишний (франц.).

зашел разговор, не могли рассматриваться как волнующая тема. А когда Тедди был побежден в споре, Джо покраснела от торжества и подумала, взглянув на лицо увлеченного разговором отца: «Как бы он был рад, если бы рядом с ним всегда был такой человек, как мой профессор, чтобы беседовать с ним каждый день!» И, наконец, мистер Баэр был одет в новый черный костюм, в котором выглядел джентльменом больше чем когда-либо. Его густые волосы были подстрижены и приглажены щеткой, но не остались надолго в порядке, так как в минуты волнения он взъерошивал их рукой по своей забавной привычке; и Джо больше нравилось, когда они грозно торчали, чем когда лежали ровно, — она считала, что они придают его красивому лбу что-то от облика Юпитера. Бедная Джо, как она возвеличивала этого простого человека, пока сидела и усердно вязала, не позволив тем не менее ничему ускользнуть от ее внимания, даже тому факту, что у мистера Баэра были золотые запонки в его ослепительно белых манжетах.

«Милый старина! Он не мог бы нарядиться тщательнее, даже если б собрался ухаживать за девушкой», — сказала Джо себе, и тогда неожиданная мысль, вызванная этими словами, заставила ее так отчаянно покраснеть, что ей пришлось уронить клубок и наклониться за ним, чтобы спрятать лицо.

Однако маневр удался не так хорошо, как она ожидала, так как, уже стоя у погребального костра, который собирался поджечь, профессор, метафорически выражаясь, уронил свой факел и нырнул за маленьким голубым клубочком. Конечно же, они очень ловко стукнулись лбами, у обоих из глаз посыпались искры, и они выпрямились, красные и смеющиеся, без клубка, чтобы сесть на свои места, сожалея о том, что вскочили.

Никто не знал, когда закончится вечер, так как Ханна уже успела ловко удалить из комнаты сонных малышей, кивавших как два румяных мака, а мистер Лоренс отправился домой отдыхать. Остальные сидели у огня и увлеченно беседовали, совершенно забыв о течении времени, пока Мег, чей материнский ум был угнетен твердой уверенностью, что Дейзи вывалилась из кровати, а Деми поджег свою ночную рубашку, изучая устройство спичек, не встала, чтобы уйти.

— Мы должны спеть на ночь по нашему доброму старому обычаю, потому что мы опять все вместе, — сказала Джо, чувствуя, что, хорошо покричав, сможет дать безопасный и приятный выход переполняющему душу ликование.

Они не *все* были там. Но никто не счел эти слова необдуманными или неправильными: Бесс, казалось, по-прежнему была среди них, тихая, невидимая, но все такая же дорогая, ибо смерть не могла разрушить семейный союз, который любовь сделала нерасторжимым. Маленькое кресло было все в том же уголке; аккуратная рабочая корзинка с шитьем, которое она не закончила, когда игла стала «такой тяжелой», была на своей обычной полке; ее любимое пианино, на котором теперь редко играли, стояло на старом месте; и над ним было лицо Бесс, безмятежное и улыбающееся, как в Давние дни, оно смотрело на них, словно говоря: «Будьте счастливы. Я здесь».

— Сыграй что-нибудь, Эми. Пусть они послушают, как хорошо ты научилась играть, — сказал Лори с простительной гордостью за свою подающую надежды ученицу.

Но Эми шепнула с глазами, полными слез, покрутив вращающийся табурет у пианино:

— Не сегодня, дорогой. Я не хочу показывать свои умения в этот вечер.

Но она показала нечто лучшее, чем блеск и мастерство, когда пела песни Бесс с нежной мелодичностью в голосе, которой не может научить самый лучший учитель, и тронула сердца своих слушателей с большей силой, чем та, которую могло дать ей любое другое вдохновение. В комнате было очень тихо, когда звонкий голос вдруг прервался на последней строке любимого гимна Бесс. Было тяжело произнести: «И горя нет такого на земле, что небо исцелить бы не смогло», и Эми склонила голову на плечо стоявшего рядом с ней мужа, чувствуя, что среди всех поздравлений по случаю возвращения ей не хватает поцелуя Бесс.

— Ну, а кончим песней Миньоны. Мистер Баэр ее очень хорошо поет, — сказала Джо, прежде чем пауза стала томительной. И мистер Баэр прочистил горло с благодарным «Гм!» и, шагнув в угол, где сидела Джо, сказал:

— Вы споете со мной? У нас отлично получается вместе.

Приятная выдумка, между прочим, поскольку Джо имела не больше представления о музыке, чем сверчок. Но она согласилась бы, даже если бы он предложил пропеть целую оперу, и заливалась, не обращая внимания на ритм и мелодию. Но это не испортило песню, так как мистер Баэр пел как настоящий немец, с чувством и хорошо, и Джо вскоре стала лишь тихонько подпевать, чтобы ей было слышно мягкий голос, певший, казалось, для нее одной.

«Ты знаешь ли край, где цветет лимон?» — эта строка была любимой строкой профессора, потому что «край» означал для него Германию, но теперь он выделил с особой теплотой и музыкальностью другие слова:

Туда, ах, туда, я мог бы с тобой.
Любимая, вместе уйти,

После этого нежного приглашения сердце одной из слушательниц затрепетало восторгом, и ей очень захотелось сказать, что она знает тот край, и с радостью отправилась бы туда с певцом, когда ему будет угодно.

Песня имела большой успех, и певец отступил на свое место, увенчанный лаврами. Но несколько минут спустя он совершенно забыл о приличиях и устался на Эми, которая надевала шляпку, — она была представлена ему просто как «сестра», и никто не обращался к ней как к «миссис Лоренс», с тех пор как появился новый гость. Он забылся еще больше, когда Лори сказал самым любезным тоном, прощаясь:

— Мы с женой были очень рады познакомиться с вами, сэр. Не забудьте, мы всегда будем рады вам, если вы зайдете к нам как-нибудь по пути.

Тогда профессор поблагодарил его так горячо и так засиял от удовольствия, что Лори нашел его самым замечательно непосредственным человеком из всех, каких когда-либо встречал.

— Я тоже уйду, но я охотно пришел бы еще раз, если вы дадите мне позволение, мадам, так как я приехал по делам и пробуду в городе несколько дней.

Он обращался к миссис Марч, но смотрел на Джо, и в голосе матери прозвучало такое же искреннее согласие, какое сияло в глазах дочери, так как миссис Марч была далеко не так слепа в том, что касалось интересов ее детей, как предполагала миссис Моффат.

— Я полагаю, что он умный человек, — заметил мистер Марч со спокойным удовлетворением, остановившись на коврик у камина, когда ушел последний гость.

— Я уверена, что он добрый человек, — добавила миссис Марч с решительным одобрением в голосе, заводя каминные часы.

— Я знала, что он вам понравится, — вот и все, что сказала Джо, прежде чем уйти спать.

Она задумалась о том, какие дела привели мистера Баэра в их город, и, наконец, решила, что он был удостоен высоких почестей где-нибудь, но по скромности не упоминает об этом обстоятельстве. Если бы она видела его лицо, когда, оказавшись наконец в своей комнате, он смотрел на портрет суровой и непреклонной юной леди с изрядным количеством волос, мрачно вглядывающейся в будущее, это, возможно, пролило бы некоторый свет на причины его появления в городе, особенно когда он погасил лампу и в темноте поцеловал портрет.

Глава 21

Милорд и миледи

— Простите, наша мама, но не могли бы вы одолжить мне мою жену на полчаса? Пришел наш багаж, и я перевернул все парижские наряды Эми, но не нашел тех вещей, которые мне нужны, — сказал Лори, когда на следующий день вошел в гостиную семейства

Марч и обнаружил, что миссис Лоренс сидит на коленях у матери, словно снова стала «малышкой».

— Конечно. Иди, дорогая, я забыла, что у тебя есть другой родной дом, кроме этого. — И миссис Марч пожала белую ручку с обручальным кольцом на пальце, словно прося прощения за жадность материнской любви.

— Я не прибежал бы, если бы мог справиться сам; но я могу обойтись без моей маленькой женщины не больше чем...

— Флюгер без ветра, — предложила Джо, когда он сделал паузу в поисках подходящего сравнения. Она снова стала прежней бойкой Джо, с тех пор как Тедди вернулся домой.

— Вот именно, Эми заставляет меня указывать на запад и лишь время от времени поворачивает на юг, и не было ни одного порыва восточного ветра, с тех пор как я женат; не знаю ничего насчет северного, но, кажется, он тоже вполне здоровый и благотворный, а, миледи?

— Пока погода прекрасная; не знаю, сколько так продержится, но я не боюсь бурь, потому что учусь вести мой корабль. Пойдем домой, дорогой, я найду твой сапожный крючок. Я полагаю, что именно его ты разыскивал в моих вещах. Мужчины такие беспомощные, мама, — сказала Эми с видом почтенной дамы, чем привела в восторг своего мужа.

— Что вы собираетесь делать, когда устроитесь на месте? — спросила Джо, застегивая плащ Эми, как прежде застегивала ее переднички.

— У нас есть планы; пока мы не хотим много об этом говорить, потому что мы такие новые метлы⁷⁹, но бездельничать не собираемся. Я войду в курс дел дедушкиной компании и буду работать с таким рвением, чтобы он восхитился и понял, на что я способен. Мне нужно такое занятие; я устал бездельничать и собираюсь работать как мужчина.

— А Эми, что она намерена делать? — спросила миссис Марч, очень довольная решимостью Лори и энергией, с которой он говорил.

— Когда мы нанесем визиты вежливости и покажем всем нашу лучшую шляпку, мы поразим вас изяществом и гостеприимством нашего особняка, великолепием общества, которое мы соберем вокруг нас, и тем благотворным влиянием, какое будем оказывать на мир в целом. Вот так, не правда ли, *madam Recamier*?⁸⁰ — спросил Лори, добродушно поддразнивая Эми.

— Время покажет. Пойдем, насмешник, и не шокируй мою семью, обзывая меня в их присутствии, — ответила Эми, решившая, что сначала должен быть дом и хорошая жена, прежде чем создавать салон в качестве королевы общества.

— Как эти дети счастливы вместе! — заметил мистер Марч, когда юная пара ушла. Ему было трудно опять погрузиться в своего Аристотеля.

— Да, и я думаю, так будет и дальше, — добавила миссис Марч со спокойствием лоцмана, который благополучно при вел корабль в порт.

— Я знаю, что будет. Счастливая Эми! — И Джо вздохнула, а затем оживленно улыбнулась, увидев, как профессор Баэр открывает калитку нетерпеливым толчком.

В тот же вечер, когда его опасения относительно сапожного крючка рассеялись, Лори неожиданно сказал своей жене, которая порхала с места на место, расставляя и развешивая свои художественные сокровища:

— Миссис Лоренс!

— Милорд?

⁷⁹ Намек на поговорку «Новая метла чисто метет».

⁸⁰ Мадам Рекамье (наст. имя Джулия Бернар) (1777 — 1849) — хозяйка известного парижского литературного салона.

— Этот человек собирается жениться на нашей Джо!

— Надеюсь, а ты, дорогой?

— Что ж, любовь моя, я считаю его славным малым, в самом полном смысле этого выразительного словосочетания, но я хотел бы, чтобы он был немного помоложе и гораздо богаче.

— Ну, Лори, не будь слишком привередливым и чересчур практичным. Если они любят друг друга, совершенно неважно ни сколько им лет, ни насколько они бедны. Женщины *никогда* не выходят замуж из-за денег... — Эми спохватилась, когда эти слова вырвались у нее, и взглянула на мужа, который ответил с коварной серьезностью:

— Конечно нет, хотя можно услышать иногда, как очаровательные девушки говорят, что собираются это сделать. Если мне не изменяет память, ты некогда думала, что твой долг сделать хорошую партию; этим объясняется, возможно, почему ты вышла замуж за такого никчемного человека, как я.

— О, мой дорогой мальчик, не говори, не говори так! Я забыла, что ты богат, когда говорила «да». Я вышла бы за тебя, даже если б ты не имел ни гроша, и иногда мне хочется, чтобы ты был беден, чтобы я могла показать тебе, как сильно тебя люблю. — И Эми, которая была очень величественной на людях и очень нежной дома, представила убедительные подтверждения своих слов. — Ты ведь не думаешь, что я то корыстное существо, каким когда-то пыталась быть, правда? Ты разобьешь мне сердце, если не согласишься, что я с радостью согласилась бы грести с тобой всю жизнь в одной лодке, даже если бы ты был перевозчиком на том озере.

— Разве я идиот или скотина? Как мог бы я думать так, когда ты отказала более богатому, чем я, человеку ради меня, и теперь не позволяешь мне дать тебе и половину того, что я хотел бы дать, когда у меня есть на это право? Девушки поступают так каждый день, бедняжки, и их учат думать, что в этом их единственное спасение; но тебе давали лучшие уроки, и, хотя я боялся за тебя одно время, я не был разочарован, потому что дочь была верна тому, чему учила ее мать. Я так и сказал нашей маме вчера, и она была так довольна и благодарна, словно я дал ей чек на миллион, чтобы потратить на благотворительность. Но вы не слушаете моих нравоучительных рассуждений, миссис Лоренс. — И Лори умолк, потому что у Эми был отсутствующий взгляд, хотя ее глаза были устремлены на его лицо.

— Да, я слушаю и в то же время люблюсь ямочкой на твоём подбородке. Я не хочу сделать тебя самодовольным, но должна признаться, что я больше горжусь моим красивым мужем, чем всеми его деньгами. Не смейся, но твой нос — такое утешение для меня. — И Эми нежно провела по его прекрасной формы носу с удовлетворением художника.

Лори получил немало комплиментов за свою жизнь, но ни один не пришелся ему по вкусу больше, чем этот, что было ясно видно, хоть он и посмеялся над странным вкусом своей жены. Он еще смеялся, когда она сказала медленно:

— Могу я задать тебе вопрос, дорогой?

— Конечно.

— Тебе будет неприятно, если Джо выйдет замуж?

— О, вот в чем причина беспокойства. А я думал, что-то не так с моей ямочкой. Я не собака на сене, а счастливейший человек на свете и уверяю тебя, что смогу танцевать на свадьбе Джо с легким сердцем. Ты сомневаешься, дорогая?

Эми взглянула на него и осталась довольна; последние ревнивые страхи исчезли навсегда, и она поблагодарила его с выражением любви и доверия на лице.

— Хорошо бы сделать что-нибудь для этого замечательного профессора. Не могли бы мы изобрести какого-нибудь богатого родственника, который любезно умер бы в Германии и оставил ему кругленькую сумму в наследство? — сказал Лори, когда они начали прохаживаться туда и обратно по длинной гостиной рука об руку, как они любили делать в память о прогулках в саду замка.

— Джо выведет нас на чистую воду и все испортит; она им очень гордится и сказала вчера, что, по ее мнению, бедность — это прекрасно.

— О, добрая душа! Она не будет так думать, когда будет иметь ученого мужа и десяток маленьких профессорят, которых нужно кормить. Мы не станем вмешиваться пока, но выждем удобный случай и окажем им добрую услугу против их желания. Я отчасти обязан Джо моим образованием, а она считает, что люди честно должны платить свои долги, так что я сумею ее на этом перехитрить.

— Как это чудесно — иметь возможность помогать другим, правда? Это всегда было моей мечтой, и благодаря тебе мечта осуществилась.

— О, мы сделаем много добрых дел, не правда ли? Есть разновидность бедности, которая вызывает у меня особенное желание помочь. Явно нищие получают помощь, но бедным благородным людям приходится скверно, потому что они не попросят, а богатые не осмелятся предложить им воспользоваться благотворительностью. Но есть сотни способов помочь им, если только знать, как сделать это деликатно, чтобы не обидеть. Должен сказать, что я охотнее помогу бедному гордому джентльмену, чем сладкоречивому нищему; я полагаю, что это неправильно, но я поступаю так, хотя это и труднее.

— Потому что, чтобы поступить так, нужно быть джентльменом, — добавил второй член общества взаимного восхищения.

— Спасибо, боюсь, я не заслуживаю такого приятного комплимента. Но я хотел сказать, что в то время, когда я бездельничал за границей, я видел немало талантливых молодых людей, приносящих всякого рода жертвы и переносящих подлинные тяготы жизни, чтобы осуществить свои мечты. Замечательные люди, некоторые из них мужественно трудятся, без денег и друзей, но столько в них смелости, терпения и целеустремленности, что мне было стыдно за себя и очень хотелось оказать им добрую услугу. Это люди, помогать которым — благодарный труд: если у них есть таланты, то это честь — иметь возможность оказать им поддержку и не дать этим талантам погибнуть или поздно проявиться только из-за того, что у этих людей не было куска хлеба; если же талантов нет, то это удовольствие — утешить бедные души и не дать им впасть в отчаяние, когда они это поймут.

— Да, и есть другая разновидность бедняков, которые не могут просить и страдают молча. Мне кое-что известно об этом, так как я сама принадлежала к этой разновидности, пока ты не сделал меня принцессой, как король нищенку в сказке. Целеустремленным девушкам приходится нелегко, Лори, и часто им приходится смотреть, как уходит юность, здоровье и драгоценные возможности только из-за того, что не нашлось никого, чтобы немного помочь в нужную минуту. Люди были очень добры ко мне; и всякий раз, когда я вижу девушек, которые сами пробивают себе дорогу, как это делали мы, мне хочется протянуть руку и помочь так, как помогали мне.

— И ты поможешь им, как добрый ангел. Ты и есть ангел! — воскликнул Лори, решив в пылу филантропического рвения основать и обеспечить постоянным доходом учреждение для оказания помощи молодым женщинам с художественными склонностями. — Богатые люди не имеют права сесть и наслаждаться или копить деньги, чтобы потом кто-то бросал их на ветер. Гораздо разумнее мудро тратить их, пока ты жив, и радоваться, что делаешь счастливыми ближних, чем оставлять кому-то наследство. Мы будем сами жить хорошо и доставим себе дополнительное удовольствие, щедро делясь с другими. Ты согласна быть маленькой Доркас⁸¹, что ходит повсюду, раздавая дары из большой корзины и наполняя ее добрыми делами?

— Согласна, всей душой, если ты будешь мужественным Святым Мартином⁸², что

⁸¹ Доркас (Тавифа) — упоминаемая в Библии (Деяния Апостолов, гл. 9, стих 36) благочестивая женщина, помогавшая бедным.

⁸² Св. Мартин — епископ французского города Тура (около 371 н. э.). Легенда рассказывает, что еще до посвящения в сан, будучи римским солдатом, он однажды разорвал надвое свой плащ, чтобы отдать половину раздетому нищему.

скачет по свету на своем коне и останавливается, чтобы поделиться своим плащом с нищим.

— Договорились; и мы победим!

И они пожали друг другу руку и продолжали довольные ходить по гостинной, чувствуя, что в их красивом доме еще уютнее оттого, что они надеются сделать счастливыми другие дома, зная, что пойдут увереннее по своему усыпанному цветами пути, если сделают ровнее ухабистую дорогу для других, и, ощущая, что их сердца еще теснее связаны любовью, которая не забывает о тех, кто менее счастлив, чем они.

Глава 22

Дейзи и Деми

Я не могу считать, что исполнила свой долг в качестве скромного историка семейства Марч, если не посвящу хотя бы одну главу двум самым любимым и важным его членам. Дейзи и Деми вступили в тот возраст, когда человек начинает нести ответственность за свои поступки, так как в наш стремительный век дети трех или четырех лет предъявляют свои права и даже добиваются их осуществления, а это куда больше, чем порой удастся сделать многим из тех, кто гораздо старше их. Если были на свете близнецы, которым грозило быть окончательно испорченными всеобщим обожанием, это были младшие Бруки. Разумеется, это были самые замечательные дети из всех когда-либо живших на свете, и это станет очевидно, если я упомяну, что они ходили в восемь месяцев, бегло говорили в двенадцать, а в два года уже сидели за столом и вели себя с благопристойностью, очаровывавшей зрителей. В три года Дейзи потребовала «иглю» и, сделав всего четыре стежка, сшила мешочек; она также занялась ведением кукольного домашнего хозяйства в шкафу и управлялась с крошечной кухонной плитой с таким мастерством, что на глаза у Ханны наворачивались слезы гордости. Деми учил буквы со своим дедушкой, который изобрел новый способ обучения, при котором буквы изображались с помощью рук и ног, что обеспечивало тренировку одновременно и ума и тела. У мальчика рано проявился талант механика — к восторгу его отца и огорчению матери, так как он пытался воспроизвести каждую машину, которую видел. В детской все время был полнейший беспорядок; здесь находилась «швей-шина» — таинственная конструкция из шнуров, стульев, зажимок для белья и катушек, где колеса должны были «крутиться и крутиться», а также корзинка, повешенная на веревках на спинку стула, в которой он пытался поднять, как на грузоподъемнике, свою слишком доверчивую сестру, которая с беззаветной женской преданностью позволяла ставить себе шишки и синяки, пока ей не приходили на помощь, а юный изобретатель в таких случаях говорил раздраженно:

— Ну, мама, это мой лелеватор, а я пытаюсь ее поднять.

Хотя близнецы были совершенно несхожи по характеру, они замечательно ладили друг с другом и редко ссорились больше трех раз в день. Разумеется, Деми тиранил Дейзи и храбро защищал ее от любого другого агрессора, в то время как Дейзи добровольно сдалась в рабство и обожала брата как единственное совершенное существо в мире. Розовенькой, пухленькой, веселой была эта маленькая Дейзи, находившая путь к сердцу каждого. Одна из тех обаятельных крошек, которые, кажется, созданы для того, чтобы их целовать и ласкать, наряжаемые и обожаемые, словно маленькие богини, и выставляемые для всеобщего восхищения по всем праздничным случаям. Ее маленькие добродетели были столь чарующими, что она казалась бы ангелом, если бы некоторые мелкие шалости не позволяли ей оставаться восхитительно человеческим существом. В ее мире всегда была хорошая погода, и каждое утро она взбиралась в ночной рубашке на сиденье у окна, чтобы выглянуть и сказать, неважно, шел ли дождь или светило солнце: «Ах, хороший день, хороший день!» Каждый был для нее другом, и она дарила незнакомым ей людям поцелуй так доверчиво, что самый закоренелый холостяк смягчался, а те, кто любил детей, становились ее верными обожателями.

— Я люблю всех, — сказала она однажды, раскрывая объятия с ложкой в одной руке и

кружкой в другой, словно желая обнять и накормить весь мир.

По мере того как она подрастала, ее мать начала чувствовать, что «голубятню» благословит присутствие души столь же безмятежной и любящей, как та, что помогала сделать старый дом родным очагом, и молиться, чтобы ее не коснулось горе, подобное тому, которое недавно заставило их понять, как долго они принимали у себя ангела, сами о том не ведая. Дедушка часто называл ее «Бесс», а бабушка следила за ней с неутомимой преданностью, словно пытаясь загладить какую-то ошибку прошлого, которую не видел никто, кроме нее самой.

Деми, как настоящий янки, был любознательного склада, желал знать все и часто причинял немало беспокойства, так как не мог получить удовлетворительных ответов на свое вечное «почему?»; имел он также и философские склонности, к великому восторгу его дедушки, имевшего обыкновение вести с внуком сократовские беседы, во время которых не по летам мудрый ученик иногда ставил в тупик своего учителя, к нескрываемому удовольствию всех женщин в семье.

— Что заставляет мои ноги ходить, дедушка? — спрашивал юный философ, обозревая с задумчивым видом эти резвые части своего тела, когда отдыхал однажды вечером после веселой возни с укладыванием в постель.

— Твоя маленькая душа, Деми, — отвечал мудрец, с почтением поглаживая светловолосую голову.

— Что такое маленькая душа?

— Это то, что заставляет двигаться твое тело, как пружинка заставляет двигаться колесики в моих часах; помнишь, я показывал?

— Открой меня. Я хочу посмотреть, как оно крутится.

— Я не могу этого сделать, как ты не мог бы открыть часы. Бог заводит тебя, и ты ходишь, пока Он тебя не остановит.

— Правда? — И карие глаза Деми стали большими и блестящими, когда он постиг эту новую мысль. — И меня заводят, как часы?

— Да, но я не могу показать тебе как, потому что это происходит, когда мы не видим.

Деми пощупал свою спину, словно ожидая обнаружить сходство с крышкой часов, и затем серьезно заметил:

— Наверное, Бог делает это, когда я сплю.

Последовали подробные объяснения, которые он слушал так внимательно, что встревоженная бабушка сказала:

— Дорогой мой, ты думаешь, что это разумно — говорить о таких вещах с ребенком? Он только делает складки на лбу и учится задавать вопросы, на которые невозможно ответить.

— Если он достаточно большой, чтобы задать вопрос, он достаточно большой и для того, чтобы получить правдивый ответ. Я не вкладываю мысли ему в голову, я только помогаю проявиться тем, которые там есть. Эти дети умнее нас, и я не сомневаюсь, что мальчик понимает все до последнего слова из моих речей. Ну-ка, Деми, а скажи мне, где твоя душа?

Если бы мальчик ответил, как Алкивиад⁸³: «Клянусь богами, Сократ, я не могу сказать», его дедушка, вероятно, не удивился бы; но, когда, постояв немного на одной ноге, как задумчивый аист, он ответил спокойно и убежденно: «В животе», дедушка мог лишь присоединиться к бабушкиному смеху и закончить урок метафизики.

Здесь могла бы быть причина для материнского беспокойства, если бы Деми не давал убедительных подтверждений тому, что он не только многообещающий философ, но и обыкновенный мальчик. Очень часто, после очередной глубокомысленной дискуссии, заставлявшей Ханну пророчествовать со зловещими кивками: «Этот ребенок не жилец на

⁸³ Алкивиад (451 — 404 до н. э.) — греческий полководец и политический деятель.

этом свете», он вдруг поворачивался кругом и успокаивал все ее страхи одной из тех выходок, какими милые, озорные, непослушные маленькие негодники огорчают и восхищают родительские сердца.

Мег устанавливала для себя много нравственных правил и старалась соблюдать их, но когда и какая мать могла устоять против обезоруживающих хитростей, изобретательных уверток или спокойной дерзости мужчин и женщин в миниатюре, которые так рано проявляют себя законченными Ловкими Плутами?⁸⁴

— Хватит изюма, Деми, а то затошнит, — говорит мама молодому человеку, который предлагает свою помощь в кухне с непогрешимой регулярностью в дни, когда делают плампудинг.

— Я люблю, когда тошнит.

— А я не хочу, чтобы тебя тошнило. Беги, помоги Дейзи делать пирожки.

Он неохотно удаляется, но нанесенные обиды камнем лежат на сердце, и, как только представляется возможность получить возмещение ущерба, он ловко обходит маму в расчетливой сделке.

— Ну вот, вы хорошо себя вели, и я поиграю с вами во что хотите, — говорит Мег, ведя своих помощников наверх, когда пудинг благополучно булькает в кастрюльке.

— Честно, мам? — спрашивает Деми, располагая блестящей идеей в своей изрядно напудренной мукой голове.

— Да, честно; все, что скажете, — отвечает недалёковидная родительница, готовясь пропеть полдюжины раз подряд песенку о трех котятках или взять свое семейство «Купить булочку за пенни»⁸⁵. Но Деми загоняет ее в угол спокойным ответом:

— Тогда мы пойдем и съедим весь изюм.

Тетя Додо была главным товарищем игр и наперсницей обоих детей, и это трио переворачивало весь дом вверх дном. Тетю Эми они до сих пор знали только по имени, тетя Бесс скоро превратилась в приятное, но смутное воспоминание, но тетя Додо была живой реальностью, и они использовали ее целиком и полностью, что она рассматривала как комплимент и была глубоко благодарна. Но когда приехал мистер Баэр, Джо совсем забыла друзей по играм, и ужас и скорбь наполнили их маленькие души. Дейзи, торговавшая вразнос поцелуями, потеряла лучшего покупателя и обанкротилась; Деми с детской проницательностью скоро заметил, что Додо любит играть с «медведем» больше, чем с ним; но, хотя и обиженный, он скрыл свое душевное страдание, поскольку не решался оскорбить соперника, имевшего залежи шоколадного драже в кармане жилета и часы, которые можно было вынимать из футляра и трясти сколько угодно.

Некоторые могли бы расценить эти приятные привилегии как взятку, но Деми смотрел на это иначе и продолжал покровительствовать «медведю» с обдуманной любезностью, в то время как Дейзи пожаловала его своими маленькими нежными чувствами по третьему зову и стала рассматривать его плечо как свой трон, его руку как прибежище, его дары как сокровища непревзойденной ценности.

У джентльменов иногда бывают неожиданные приступы восхищения юными родственниками дам, которых они устаивают своим вниманием; но эта фальшивая чадолюбивость тяготит их самих и никого ни в малейшей степени не обманывает. Нежная любовь мистера Баэра была искренней и столь же действенной — ибо честность лучшая политика в любви, как и в суде; он был из тех людей, которые свободно чувствуют себя с детьми, и выглядел особенно хорошо, когда их маленькие личики составляли приятный контраст с его мужественным лицом. Его дела, какими бы они ни были, удерживали его в городе день за днем, но редкий вечер проходил без того, чтобы он не заглянул к Марчам, —

⁸⁴ Ловкий Плут — прозвище вора-карманника, персонажа романа Ч. Диккенса «Оливер Твист».

⁸⁵ Английская детская игра.

спрашивал он обычно мистера Марча, так что я полагаю, именно глава семьи привлекал его. И замечательный папа был в заблуждении, что так оно и есть, и наслаждался долгими дискуссиями с родственной душой, пока случайно оброненное его более наблюдательным внуком замечание не открыло ему глаза.

Однажды пришедший в гости мистер Баэр остановился на пороге кабинета, пораженный представившейся его глазам картиной. На полу лежал мистер Марч, задрав свои почтенные ноги, а рядом с ним, также распростертый на полу, был Деми, пытавшийся подражать дедушке своими короткими, в красных чулках, ножками; лежащие были столь увлечены, что не замечали зрителей, пока мистер Баэр не расхохотался своим звучным смехом, а Джо выкрикнула с возмущенным лицом:

— Папа, папа, профессор здесь!

Черные ноги опустились, поднялась седая голова, и наставник сказал с невозмутимым достоинством:

— Добрый вечер, мистер Баэр. Прошу вас, подождите минутку; мы как раз кончаем наш урок. Теперь, Деми, сделай букву и назови ее.

— Я знаю ее! — И после нескольких судорожных усилий красные ножки приняли форму пары циркулей и сообразительный ученик с торжеством закричал: — Это буква W, дедушка, буква W!

— — Прирожденный Уэллер!⁸⁶ — засмеялась Джо, когда ее родитель встал на ноги, а ее племянник попытался встать на голову, в качестве единственного способа выразить удовлетворение, что урок окончен.

— Что ты делал сегодня, biibchen?⁸⁷ — спросил мистер Баэр, поднимая гимнаста.

— Я ходил в гости к маленькой Мэри.

— И что ты там делал?

— Я поцеловал ее, — сказал Деми с безыскусной прямоотой.

— Фу! Ты рано начинаешь. И что сказала на это маленькая Мэри? — спросил мистер Баэр, продолжая исповедовать юного грешника, который стоял у него на колене, обследуя заветный карман его жилета.

— О, ей понравилось, и она поцеловала меня, и мне понравилось. Разве маленькие мальчики не любят маленьких девочек? — добавил Деми, набив рот и с любезным видом.

— Милый цыпленок! Как тебе это пришло в голову? — спросила Джо, выслушав эти невинные признания с не меньшим, чем профессор, удовольствием.

— Не в голову, а в рот, — ответил Деми, высовывая язык с шоколадной конфетой и полагая, что она намекает на сладости, а не на мысли.

— Ты должен был оставить немного для твоей маленькой подруги. — И мистер Баэр предложил несколько конфет Джо со взглядом, заставившим ее задуматься, не является ли шоколад тем самым нектаром, что пьют боги. Деми также заметил улыбку и спросил простодушно:

— Большие мальчики тоже любят больших девочек, фесор?

Как юный Вашингтон⁸⁸, мистер Баэр «не мог солгать» и поэтому дал несколько туманный ответ, сводившийся к тому, что, по его мнению, это иногда случается. При этом тон у него был настолько странный, что мистер Марч отложил одежную щетку, взглянул на

⁸⁶ Сэм Уэллер — см. сноску к с. 114.

⁸⁷ Мальчуган, малыш (нем.).

⁸⁸ Джордж Вашингтон (1732 — 1799) — один из руководителей борьбы за независимость английских колоний в Северной Америке, первый президент США. Согласно популярному преданию, будучи еще мальчиком, он случайно срубил деревце в саду своего отца, а затем честно признался в проступке, сказав, что «не может солгать».

смущенное лицо Джо и опустился в кресло с таким видом, словно «милый цыпленок» навел его на мысль одновременно сладкую и горькую, которая сама не пришла бы ему в голову.

Почему Додо, когда она поймала его в буфетной полчаса спустя, чуть не задушила в нежных объятиях вместо того, чтобы хорошенько встряхнуть за то, что он оказался там, где ему быть не положено, и почему она вслед за этим необычным поступком еще и неожиданно вручила ему большой кусок хлеба с вареньем, осталось одной из проблем, над которыми Деми ломал голову и которые был вынужден оставить неразрешенными навсегда.

Глава 23

Под зонтом

В то время как Лори и Эми совершали супружеские прогулки по мягким коврам, пока приводили в порядок свой дом и строили планы относительно счастливого будущего, мистер Баэр и Джо наслаждались прогулками другого сорта, по грязным дорогам и мокрым полям.

«Я всегда хожу на прогулку ближе к вечеру, и с какой стати я должна отказываться от этого только потому, что часто встречаю профессора по дороге?» — сказала себе Джо после двух или трех случайных встреч. Хотя к дому Мег вели две разные дорожки, какую бы Джо ни выбрала, она обязательно встречала его. Он всегда шел быстро и, похоже, никогда не видел ее, пока не подходил довольно близко, а тогда имел такой вид, словно без очков не мог узнать приближающуюся леди. А затем, если она шла к Мег, ему тоже нужно было отнести кое-что в подарок малышам; если она направлялась домой, то оказывалось, что он просто вышел прогуляться к реке и как раз собирался зайти к ним, если, разумеется, не надоел еще им своими частыми визитами.

В таких обстоятельствах что оставалось Джо, как не приветствовать его вежливо и пригласить зайти? Если она устала от его визитов, то скрывала свое утомление с безупречным мастерством и заботилась о том, чтобы к ужину был кофе, «так как Фридрих — я хочу сказать, мистер Баэр — не любит чай».

Ко второй неделе все отлично знали, что происходит, однако все старались делать вид, будто совершенно не замечают, как изменилось лицо Джо. Они никогда не спрашивали, почему она поет за работой, делает заново высокую прическу три раза в день и возвращается такая сияющая с вечерней прогулки; и никто, казалось, не имел ни малейшего подозрения, что профессор Баэр, в то время когда беседует с отцом, дает дочери уроки любви.

Джо не могла даже отдать свое сердце приличным образом, но сурово старалась погасить свои чувства, а не справившись с этой задачей, вела довольно беспокойную жизнь. Она боялась, что над ней будут смеяться из-за этой капитуляции после ее многочисленных и страстных деклараций независимости. Особенный страх вызывал у нее Лори; но благодаря новому руководителю он вел себя с похвальной пристойностью, никогда не называл мистера Баэра «славным малым» на публике, никогда не намекал, даже отдаленно, на перемены во внешности Джо и не выражал ни малейшего удивления по тому поводу, что видит шляпу профессора на столе в передней Марчей каждый день. Но он бурно радовался в узком кругу и с нетерпением ожидал того времени, когда сможет подарить Джо дощечку с изображением медведя и зазубренного жезла в качестве подходящего гербового щита.

В течение двух недель профессор приходил с постоянством влюбленного; затем он исчез на целых три дня и не подавал никаких признаков жизни — поведение, заставившее всех стать очень серьезными, а Джо сначала задумчивой, а потом — увы, к сожалению для романа — очень сердитой.

«Раздражен, полагаю, и уехал домой так же неожиданно, как и приехал. Мне, разумеется, совершенно безразлично, но, я думаю, ему следовало бы прийти и попрощаться с нами как джентльмену», — сказала она себе, бросив безнадежный взгляд на калитку, когда одевалась, чтобы выйти на свою обычную прогулку в один пасмурный день.

— Тебе лучше взять твой маленький зонтик, дорогая; похоже, будет дождь, — сказала ей мать, заметив, что на ней ее новая шляпка, но не намекая на это обстоятельство.

— Хорошо, мама. Тебе нужно что-нибудь в городе? Я хочу забежать в магазин и купить бумаги, — ответила Джо, завязывая бант под подбородком перед зеркалом — предлог, чтобы не смотреть на мать.

— Да, мне нужен кусок диагоналевой «силезии»⁸⁹, набор игл номер девять и два ярда узкой бледно-лиловой ленты. Ты надела осенние ботинки и что-нибудь теплое под плащ?

— Думаю, что да, — отвечала Джо рассеянно.

— Если случайно встретишь по дороге мистера Баэра, приведи его к чаю. Я очень хочу видеть этого милого человека, — добавила миссис Марч.

Джо слышала это, но в ответ только поцеловала мать и ушла торопливо, думая с теплотой и благодарностью, несмотря на свои сердечные страдания: «Как она добра ко мне! И что только делают те девушки, у которых нет матери, чтобы помочь им в трудное время?»

Галантерейных магазинов не было в той части города, где располагались бухгалтерские конторы, банки и оптовые склады и где по большей части собираются джентльмены; но Джо оказалась там прежде, чем выполнила хоть одно поручение, слоняясь без дела, словно кого-то ожидая, разглядывая с в высшей степени неженским интересом инструменты в одной витрине и образцы шерсти в другой, спотыкаясь о бочки, чуть не попадая под спускаемые тюки и бесцеремонно отталкиваемая занятыми мужчинами, которые смотрели так, будто хотели сказать: «Какого черта она здесь делает?» Капля дождя, упавшая на щеку, вернула ее мысли от обманутых надежд к испорченным лентам; так как капли продолжали падать и, будучи женщиной, так же как и влюбленной, она почувствовала, что, если слишком поздно спасти свое сердце, можно еще спасти шляпку. Теперь она вспомнила о маленьком зонтике, который забыла взять, когда спешила уйти, но сожаления были бесполезны, и ничего не оставалось, как одолжить зонтик или промокнуть. Она взглянула вверх на хмурое небо, вниз на красный бант, уже испещренный темными точками, вперед на слякотную улицу, назад — один долгий взгляд — на некий закопченный склад с вывеской «Хоффман, Шварц и К°» над дверью и сказала себе со строгой укоризной:

— Так мне и надо!

С какой стати я надела все свои лучшие вещи и отправилась бродить здесь в надежде встретить профессора? Джо, мне стыдно за тебя! Нет, ты не пойдешь туда, чтобы одолжить зонтик у друзей профессора или расспросить их, где сам профессор. Ты потащишься под дождем и выполнишь все поручения; и если ты простудишься насмерть или испортишь свою шляпку, то это не более чем то, чего ты заслуживаешь. Вот так!

С этими словами она так стремительно бросилась переходить улицу, что едва избежала верной гибели, увернувшись от проезжавшего фургона и бросившись в объятия величественного старого джентльмена, который сказал: «Прошу прощения, мэм» — со смертельно оскорбленным видом. Несколько обескураженная, Джо выпрямилась, прикрыла носовым платком драгоценные ленты и, оставив искушение позади, поспешила дальше, ощущая все большую сырость и слыша все больше звуков сталкивающихся зонтов над головой. То обстоятельство, что один из них, синий и довольно потрепанный, постоянно находится над ее незащищенной шляпкой, привлекло ее внимание, и, подняв глаза, она увидела, что вниз на нее смотрит мистер Баэр.

— Я, кажется, знаком с этой решительной леди, которая проходит так смело под самым носом у множества лошадей и так быстро через большую слякоть. Что вы делаете здесь, мой друг?

— Я делаю покупки.

Мистер Баэр улыбнулся, переводя взгляд с кожаной фабрики на контору по оптовой торговле шкурами и кожей, но лишь сказал вежливо:

— У вас нет зонтика. Могу я пойти с вами и донести ваши покупки?

⁸⁹ «Силезия» — глянцеви́тая хлопчатобума́жная подкладочная ткань, диагона́левая ткань — ткань с косыми рубчиками.

— Да, спасибо.

Щеки Джо были такими же красными, как ее лента, и она спрашивала себя, что он о ней думает. Но через минуту ей уже было все равно, и она обнаружила, что шагает под руку со своим профессором, чувствуя себя так, словно солнце брызнуло вдруг с непривычной яркостью, и сознавая лишь, что все снова встало на свои места, а по лужам шлепает совершенно счастливая женщина.

— Мы думали, что вы уехали, — сказала Джо поспешно, так как знала, что он смотрит на нее. Поля ее шляпки были не настолько велики, чтобы спрятать ее лицо, и она боялась, что он может счесть написанную на этом лице радость нескромной.

— Вы думали, что я могу уехать, не попрощавшись с теми, кто был так замечательно добр ко мне? — спросил он с таким упреком, что она, чувствуя себя так, будто оскорбила его своим предположением, ответила с жаром:

— Нет, я не думала; я знала, что у вас дела и вы заняты, но нам вас не хватало — папе и маме особенно.

— А вам?

— Я всегда рада видеть вас, сэр.

В стремлении заставить голос звучать совершенно спокойно Джо сделала свой тон довольно холодным, а ледяное односложное слово в конце предложения, казалось, остудило профессора, так как улыбка исчезла с его лица и он сказал серьезно:

— Я благодарю вас и зайду еще один раз перед отъездом.

— Значит, вы все-таки уезжаете?

— У меня больше нет дел здесь; все закончено.

— Успешно, надеюсь? — спросила Джо, так как в его коротких ответах звучала горечь разочарования.

— Думаю, да, так как у меня появилась возможность, которая позволит заработать на хлеб себе и оказать большую поддержку моим Junglings⁹⁰.

— Расскажите мне! Пожалуйста! Я хочу знать все о... о мальчиках, — сказала Джо горячо.

— Очень любезно с вашей стороны; я охотно расскажу вам. Мои друзья нашли мне место в университете, где я буду преподавать, как делал это в Германии, и зарабатывать достаточно, чтобы вывести в люди Франца и Эмиля. Я должен быть благодарен за это, не так ли?

— Конечно. Как это будет замечательно, что вы будете заниматься любимым делом, а мы сможем часто вас видеть, и ваших мальчиков! — воскликнула Джо, цепляясь за мальчиков, как за предлог для радости, которую не могла скрыть.

— Да, но боюсь, мы не сможем видеться часто: мне предлагают это место на Западе.

— Так далеко! — И Джо бросила свои юбки на произвол судьбы, словно теперь уже не имело значения, что будет с ее подолом и с ней самой.

Мистер Баэр умел читать на нескольких языках, но он еще не научился читать сердца женщин. Он льстил себя надеждой, что знает Джо довольно хорошо, и потому был весьма удивлен быстрыми и противоречивыми переменами в ее голосе, лице, манерах, которые она продемонстрировала ему в тот день, поскольку ее настроение за эти полчаса изменилось раз пять. Когда она встретила его, то, казалось, была удивлена, хотя было невозможно не заподозрить, что она пришла в город исключительно с этой целью. Когда он предложил ей взять его под руку, она сделала это со взглядом, который привел его в восторг; но, когда он спросил, скучала ли она о нем, она дала такой холодный, формальный ответ, что его охватило отчаяние. Узнав о его удаче, она чуть не захлопала в ладоши; неужели она обрадовалась за мальчиков? Затем, услышав, куда ему предстоит ехать, она сказала: «Так далеко!» — с таким отчаянием в голосе, что вознесла его на вершину надежды; но в

⁹⁰ Мальчики, юноши (нем.).

следующую минуту она свергла его оттуда, заметив с очень сосредоточенным видом:

— Мне сюда. Вы зайдете со мной? Это недолго.

Джо в известной мере гордилась своим умением делать покупки и особенно желала поразить своего спутника аккуратностью и быстротой в этом деле. Но по причине возбуждения, в котором она находилась, все пошло плохо: она опрокинула поднос с иглами, вспомнила, что «силезия» должна быть «диагоналевой», только после того, как ткань была отрезана, неправильно дала мелочь и покрыла себя позором, спросив бледно-лиловую ленту в отделе ситцев. Мистер Баэр стоял поблизости, наблюдая, как она краснеет и натывается на прилавки, и, пока он смотрел, его собственное смущение стало проходить, так как он начинал понимать, что в некоторых случаях поведение женщин, как сны, нужно толковать наоборот.

Когда они вышли, он сунул сверток под мышку с более веселым выражением и шлепал по лужам так, будто ему все это в целом, пожалуй, нравится.

— Не купить ли нам что-нибудь для малышей и не устроить ли прощальный пир, раз я иду в последний раз в ваш такой приятный дом? — спросил он, останавливаясь перед витриной, заполненной фруктами и цветами.

— Что же мы купим? — сказала Джо, не обращая внимания на вторую часть его фразы и с притворным восхищением принохаясь к разнообразным запахам, встретившим их, когда они вошли в магазин.

— Можно им апельсины и инжир? — спросил мистер Баэр с отеческим видом.

— Они едят их, когда им дают.

— Вы любите орехи?

— Как белка.

— Гамбургский виноград; это будет как если бы мы выпили за Vaterland⁹¹.

Джо неодобрительно взглянула на такую расточительность и спросила, почему бы ему не купить корзину фиников, бочонок изюма и мешок миндаля — и покончить с этим делом. Тогда мистер Баэр извлек из кармана собственный кошелек, и они завершили свое пребывание в магазине, купив несколько фунтов винограда, горшочек с розовыми маргаритками и изрядную, если рассматривать ее с точки зрения какого-нибудь демиджона, баночку меда. Затем, растянув свои карманы этими неудобной формы свертками и дав Джо нести цветы, он раскрыл старый зонт, и они продолжили свое путешествие.

— Мисс Марч, я хочу попросить вас о большом одолжении, — начал профессор, после того как они проследовали по мокрой дороге примерно с полквартала.

— Да, сэр. — И сердце Джо забилося так сильно, что она испугалась, как бы он не услышал.

— Я осмеливаюсь просить об этом, несмотря на дождь, потому что у меня остается мало времени до отъезда.

— Да, сэр. — И Джо так судорожно сжала горшочек с цветами, что чуть не раздавила его.

— Я хотел бы купить платье для Тины, но я слишком бестолков для этого. Не будете ли вы добры помочь мне советом?

— Да, сэр. — И Джо почувствовала себя такой спокойной и холодной, как если бы вступила в холодильный ящик.

— Может быть, еще и шаль для матери Тины, она такая бедная и больная, и с мужем у нее столько забот. Да, да, толстая, теплая шаль будет хорошим подарком маленькой маме и понравится ей.

— Я с удовольствием помогу вам, мистер Баэр... — «Я слишком спешу, а он становится все милее с каждой минутой», — добавила Джо про себя; затем, мысленно себя встряхнув, она приступила к делу с энергией, которую было приятно видеть.

⁹¹ Родина (нем.).

Мистер Баэр предоставил все ей, и она выбрала красивое платье для Тины, а затем попросила показать шали. Продавец, сам женатый человек, соизволил проявить интерес к этой паре, очевидно делавшей покупки для себя и своих детей.

— Ваша супруга, вероятно, предпочтет вот эту: превосходное качество, самый подходящий цвет, довольно скромная и элегантная, — сказал он, встряхнув и развернув серую шерстяную шаль и набрасывая ее на плечи Джо.

— Вас такая устраивает, мистер Баэр? — спросила она, поворачиваясь к нему спиной, радуясь возможности спрятать лицо.

— Отлично, мы ее возьмем, — ответил профессор, улыбаясь про себя, пока платил за шаль, в то время как Джо продолжала обследовать прилавки с видом завсегдатая распродаж.

— Теперь мы пойдем домой? — спросил он так, как будто ему было очень приятно произносить эти слова.

— Да, уже поздно, и я так устала. — Голос Джо звучал жалобнее, чем она могла предположить. Теперь казалось, что солнце исчезло так же неожиданно, как появилось, мир снова становился грязным и печальным, и в первый раз она заметила, что ноги у нее замерзли, голова раскалывается, а ее сердце холоднее первых и боль в нем тяжелее, чем в последней. Мистер Баэр уезжал, она была для него только другом, все это оказалось ошибкой, и чем скорее все кончится, тем лучше. С такими мыслями она так неосторожно замахала приближающемуся омнибусу, что маргаритки вылетели из горшочка и изрядно помялись.

— Это не наш омнибус, — сказал профессор, помахав вознице, чтобы ехал дальше, и останавливаясь, чтобы поднять пострадавшие цветочки.

— Прошу прощения; я не разглядела название. Ничего, я могу и пешком. Я привыкла топтать по грязи, — ответила Джо, с трудом моргая, так как она скорее умерла бы, чем открыто вытерла глаза.

Мистер Баэр заметил капли на ее щеках, хотя она отвернула голову; это зрелище, кажется, очень тронуло его, потому что, неожиданно наклонившись, он спросил тоном, который означал многое:

— Душа моя, почему вы плачете?

Не будь Джо столь неопытной в такого рода делах, она сказала бы, что не плачет, что у нее насморк, или придумала еще какую-нибудь женскую отговорку, приличествующую случаю; вместо этого сия недостойная особа ответила с неудержимым всхлипыванием:

— Потому что вы уезжаете.

— Ах, mein Gott, как это хорошо! — воскликнул мистер Баэр, пытаясь хлопнуть в ладоши, невзирая на зонтик в одной руке и свертки в другой. — Джо, у меня нет ничего, кроме большой любви, чтобы предложить вам; я приехал, чтобы узнать, нужна ли она вам, и я хотел убедиться, что я для вас больше, чем друг. Это так? Найдется в вашем сердце место для старого Фрица? — сказал он, все на одном дыхании.

— О да! — сказала Джо; и он был вполне удовлетворен, так как она обхватила обеими руками его руку и смотрела на него с выражением, которое ясно говорило о том, как счастлива будет она пройти по жизни рядом с ним, пусть даже у нее не будет лучшего убежища, чем этот старый зонт, лишь бы он нес его.

Это было несомненно сватовство в трудных условиях, поскольку даже если бы мистер Баэр хотел встать на колени, он не мог сделать этого по причине грязи; так же не мог он предложить Джо руку кроме как фигурально, так как обе были заняты; еще менее мог он позволить себе проявление нежных чувств прямо на улице, хотя был близок к этому; так что единственный способ, каким он мог выразить свой восторг, было смотреть на нее с выражением, которое делало его лицо до такой степени сияющим, что, казалось, маленькие радуги появились в каплях, блестевших в его бороде. Если бы он не любил Джо так сильно, не думаю, что он мог бы влюбиться в нее в этот момент, так как она выглядела далеко не привлекательно — юбки в плачевном состоянии, ботинки забрызганы по щиколотку, а шляпка окончательно испорчена. К счастью, мистер Баэр считал ее самой красивой

женщиной на свете, а она нашла его еще больше похожим на Юпитера в тот момент, хотя поля его шляпы совершенно повисли и с них ему на плечи стекали струйки воды (так как он старался держать зонтик над Джо), а каждый палец на его перчатках нуждался в починке.

Прохожие, вероятно, сочли их парой неопасных сумасшедших, так как они совершенно забыли, что хотели сесть в омнибус, и шли неторопливо, не замечая сгущающихся сумерек и тумана. И мало заботило их, что подумают другие, так как они переживали тот счастливый час, который редко приходит больше чем один раз в любой жизни, волшебный миг, который дает молодость старому, красоту невзрачному, богатство бедному, а человеческим сердцам — представление о рае. У профессора был такой вид, словно он завоевал королевство и мир больше ничего не может предложить ему по части блаженства, в то время как Джо шагала рядом с ним, чувствуя себя так, словно ее место всегда было здесь, и удивляясь, как могла она когда-либо выбирать любую иную судьбу. Конечно, именно она заговорила первой — внятно, я хочу сказать, так как эмоциональные восклицания, последовавшие за ее пылким «О да!» не были ни связными, ни заслуживающими того, чтобы их описывать.

— Фридрих, почему вы не...

— Ах, Боже мой, она называет меня по имени, как никто не называл с тех пор, как умерла Минна! — воскликнул профессор, останавливаясь в луже и глядя на нее благодарно и с восторгом.

— Я всегда называла вас так про себя; но я не буду, если вам не нравится.

— Не нравится? Это слаще для меня, чем я могу выразить. Говори мне так же «ты», и я буду думать, что ваш язык почти столь же красив, как и мой⁹².

— Но не звучит ли это «ты» немного сентиментально? — спросила Джо, втайне думая, что это прелестное слово.

— Сентиментально? Да. Слава Богу, мы, немцы, верим в сентиментальность и благодаря ей сохраняем нашу молодость. Ваше английское «вы» такое холодное, говори «ты», душа моя, это так много значит для меня, — просил мистер Бэзр, скорее как романтический студент, чем как серьезный профессор.

— Ну, тогда, почему ты не сказал мне все это раньше? — спросила Джо застенчиво.

— Сейчас я должен открыть тебе все мое сердце, и я с радостью сделаю это, потому что ты должна будешь заботиться о нем потом. Так вот, послушай, моя Джо, — ах, какое милое, забавное маленькое имя! Я хотел сказать кое-что в тот день, когда я сказал «до свидания» в Нью-Йорке, но я думал, что красивый друг помолвлен с тобой, и поэтому я не сказал. Ты сказала бы «да» тогда, если бы я заговорил?

— Не знаю. Боюсь, что нет, тогда у меня вообще не было сердца.

— Фу! Я не верю в это. Оно спало, пока прекрасный принц не пришел через лес и не разбудил его. Ах, конечно, «Die erste Liebe ist die beste»⁹³, но на это мне не следовало надеяться.

— Да, первая любовь — самая лучшая, так что будь доволен. У меня не было другой. Тедди был всего лишь мальчиком и скоро покончил со своим маленьким увлечением, — ответила Джо, горя желанием исправить ошибку профессора.

— Хорошо! Тогда я буду спокоен и счастлив и буду уверен, что ты отдала мне все. Я ждал так долго, я становлюсь себялюбив, как ты скоро заметишь, госпожа профессорша.

— Мне это нравится! — воскликнула Джо, в восторге от своего нового имени. — Теперь скажи, что же привело тебя сюда наконец тогда, когда я больше всего хотела тебя

⁹² В современном английском языке существует только одно местоимение второго лица «you» — «вы»; устаревшая форма «thou» — «ты» употребляется только в поэтической речи. В немецком языке, как и в русском, есть 2 формы местоимения 2-го лица единственного числа: более фамильярное «du» — «ты» и вежливое «Sie» — «вы».

⁹³ Первая любовь — самая лучшая (нем.).

увидеть?

— Вот это. — И мистер Баэр вынул из кармана жилета затертый газетный листок.

Джо развернула его и была очень смущена, так как там оказалось ее собственное стихотворение, которое она отправила в газету, платившую за стихи, чем и объяснялось, что она послала туда свое произведение для пробы.

— Как это могло привести тебя сюда? — спросила она с недоумением.

— Я нашел это случайно; я узнал, что оно твое, по именам в нем и инициалам вместо подписи, и в нем были строчки, которые, кажется, звали меня. Прочитай и найди их; я послежу, чтобы ты не зашла в лужу.

Джо повиновалась и принялась торопливо просматривать строфы, которым дала название

НА ЧЕРДАКЕ

Четыре ящичка резны., все в ряд,
Темныот времени и пыли,
Опять к себе мой приковали взгляд,
Они хранят четыре были.

Немало лет прошло уж с той поры,
Как здесь на стол их водрузили
И в них четыре маленьких сестры
Свои реликвии сложили.

И каждый день дождливый на чердак
Ватага радостная мчалась,
И то был для домашних, верный знак.
Что там веселье начиналось.

Какой был здесь фантазии полет!
И не было игры чудесней,
Чем угадать, о чем поет
Им летний дождик в тихой песне.

«Мег» выведено твердою рукой
На крышке гладкой и блестящей.
Как все под ней красиво и какой
Царит порядок настоящий!

Вот вехи жизни, что скромна, тиха:
Родителей, сестер подарки,
Наряд для бала, письма жениха
И башмачок ребенка яркий.

Игрушки свой не отслужили век.
Они унесены отсюда,
И в них уже играют дети Мег,
Хотя своих игрушек груда.

Мать, к детям засыпающим подсев,
Поет мотив, что нет прелестней,
И колыбельной повторит напев
Им летний дождик в тихой песне.

«Джо» — три кривые буквы второпях
Хозяйка вывела небрежно,
Царапины и пятна — просто страх! —
Вид крышки портят безнадежно.

Не чувствуешь заботливой руки —
В невероятном беспорядке
Игрушки, рукописи, дневники,
Газеты, школьные тетрадки.

Литературной юности грехи,
Во всех здесь жанрах есть созданья,
О грусти Джо расскажут лишь стихи:
В них о большой любви мечтанья.

«Достойна будь любви — придет любовь.»
Нет этих слов для слуха лестней,
Их повторит пусть нежно вновь и вновь
Ей летний дождик в тихой песне.

О Бесс! На твой автограф дорогой
Смотрю — и взор туманят слезы.
Не знали долго мы, что со святой
Делили наши детства грезы.

Ее уж нет — но помнят все о ней,
И принесли родные руки
Сюда реликвии последних дней
В тоске и горечи разлуки.

Шаль, колокольчик — звал нечасто он.
Чтоб лишней не задать работы,
А рядом словно детства сладкий сон —
Шитье, вязанье, куклы, ноты.

И гимнов тех слова, что пела Бесс —
Любви небесной светлый вестник, —
Пусть принесет как чудо из чудес
Нам летний дождик в тихой песне.

А вот и явью ставшая мечта —
Вдевает рыцарь ногу в стремя
И ярче звезд с пурпурного щита
Нам золотом сияет «Эми».

Уставшие от балов башмачки,
Перчатки, веера и ленты,
Колечки и иные пустячки,
В стихах и прозе комплименты.

Не состоялся новый Рафаэль —

Но здесь фантазии капризы:
Из гипса статуэтка, акварель,
Пером рисунки и эскизы.

И к Эми юный рыцарь прискакал —
Уж в жизни, — это интересней,
И свадебный пусть пропоет хорал
Ей летний дождик в тиной песне.

Все в ряд четыре ящичка резных —
Все сестры вырасти успели,
Печаль и радость научили их
Любви, труду, стремленью к цели.

Пусть друг от друга мы теперь вдали —
Любви бессмертной сила может
Тех даже, что от нас навек ушли,
Нам сделать ближе и дороже.

Когда же дням земным придет конец.
То эти были дорогие
Раскроет и увидит в них Отец
Дела и помыслы благие,

В сиянье солнца души воспарят,
В них радость вечная воскреснет,
И не нарушит струн счастливый лад
Своею дождик тихой песней.

— Это очень слабые стихи, но все это я чувствовала, когда писала их. В тот день мне было очень одиноко, и я хорошенько выплакалась на мешке с лоскутками. Я никогда не думала, что оно попадет туда, где будет разглашать секреты, — сказала Джо, разорвав листок, которым профессор так дорожил.

— Пусть пропадет, оно исполнило свой долг, и у меня будет другое, когда я прочитаю всю коричневую книжку, где она хранит свои маленькие секреты, — сказал мистер Баэр, с улыбкой глядя, как ветер уносит обрывки. — Да, — добавил он серьезно, — я прочитал это и подумал: у нее горе, она одинока, она хотела бы найти утешение в настоящей любви. Мое сердце полно любви, любви к ней. Не пойти ли мне, чтобы сказать: если это не слишком жалкая вещь, чтобы отдать ее за то, что я надеюсь получить, возьми ее во имя Бога?

— Итак, ты приехал, чтобы узнать, что она «не слишком жалкая», а та самая, единственная драгоценность, которая мне нужна, — прошептала Джо.

— Сначала я не имел смелости так думать, хотя ты была божественно добра, когда встретила меня. Но скоро я начал надеяться, и тогда я сказал: она будет моя, даже если это будет стоить мне жизни. И она будет моя! — воскликнул мистер Баэр, с вызовом вскинув голову, словно подступающая к ним стена тумана и была преградой, которую ему предстояло преодолеть или доблестно разрушить.

Джо подумала, что это великолепно, и решила быть достойной своего рыцаря, хоть он и не прискакал к ней на гордом скакуне и в пышном наряде.

— Почему ты так долго не заходил к нам? — спросила она через минуту. Было так приятно задавать такие доверительные вопросы и получать чудесные ответы, что она не могла молчать.

— Это было нелегко, но я не мог решиться увести тебя из такого счастливого дома,

пока у меня не будет надежды дать тебе другой — после долгого ожидания, возможно, и упорной работы. Как мог я просить тебя отказаться от столь многого ради бедного старого человека, как я, у которого нет богатства, а есть лишь немного учености?

— Я рада, что ты беден; я не вынесла бы богатого мужа, — сказала Джо решительно и добавила мягче: — Не бойся бедности. Я знакома с ней достаточно давно, чтобы не бояться ее и быть счастливой, работая для тех, кого я люблю; и не называй себя старым: сорок — это расцвет жизни. Я не смогла бы не полюбить тебя, даже если бы тебе было семьдесят!

Профессор был так тронут этим, что охотно достал бы платок, если бы мог добраться до него, но, так как он не мог, Джо вытерла ему глаза своим и сказала, смеясь и отбирая у него пару свертков:

— Может быть, я и решительная, но никто не скажет, что сейчас я не в своей стихии, так как особое предназначение женщины, как полагают, осушать слезы и нести ношу. Я собираюсь внести свою долю, Фридрих, и помочь заработать на дом. Примирись с этой мыслью, или я никуда не пойду, — добавила она решительно, так как он попытался отобрать у нее свой груз.

— Посмотрим. У тебя хватит терпения долго ждать, Джо? Я должен уехать и трудиться один. Сначала я должен помочь моим мальчикам, потому что, даже ради тебя, я не могу нарушить слово, которое дал Минне. Ты можешь простить мне это и быть счастлива, пока мы будем ждать и надеяться?

— Да, я знаю, что могу, потому что мы любим друг друга, и это помогает легко перенести все остальное. У меня тоже есть мой долг и моя работа. Я не могла бы веселиться, если бы пренебрегла ими даже ради тебя, так что нет ни спешки, ни нетерпения. Ты будешь выполнять то, что полагается тебе, на Западе, а я могу делать свою долю работы здесь, и оба будем счастливы, надеясь на лучшее и оставляя будущее на волю Бога.

— Ах! Ты даешь мне такую надежду и смелость, а я не могу ничего дать тебе взамен, кроме переполненного сердца и этих пустых рук! — воскликнул профессор, совершенно побежденный.

Джо так никогда и не научилась вести себя прилично, и, когда он сказал это, стоя рядом с ней на ступенях крыльца, она просто вложила обе руки в его ладони, шепнула нежно: «Теперь не пустые» — и, склонившись, поцеловала своего Фридриха под зонтом. Это было ужасно, но она сделала бы это, даже если бы мокрые воробьи, стайкой сидевшие на изгороди, были человеческими существами, так как она зашла и в самом деле очень далеко и не думала ни о чем, кроме своего собственного счастья. И хотя эта минута пришла к ним в очень прозаичной обстановке, она была главной в жизни каждого из них — та минута, когда, повернувшись от сумрака, дождя и одиночества к ожидавшему их домашнему свету, теплу и покою, с радостным: «Добро пожаловать домой!» — Джо ввела своего любимого в дом и закрыла дверь.

Глава 24

Время жатвы

Целый год Джо и ее профессор трудились и ждали, надеялись и любили, изредка встречались и писали такие пространные письма, что на обоих, как утверждал Лори, полностью ложилась ответственность за последнее подорожание бумаги. Второй год начался невесело, так как их перспективы не стали радостнее, а тетя Марч неожиданно умерла. Но когда утихла первая скорбь — потому что они любили старую даму, несмотря на ее острый язык, — обнаружилось, что есть и причина для радости, так как тетя завещала Джо свое имение Пламфильд и это открывало перед ней и профессором самые разные приятные возможности.

— Прекрасное старое имение, и оно принесет тебе изрядную сумму, так как ты, конечно, собираешься его продать, — сказал Лори, когда все они обсуждали этот вопрос несколько недель спустя.

— Нет, не собираюсь, — решительно ответила Джо, лаская жирного пуделя, которого взяла на свое попечение в знак уважения к памяти его хозяйки.

— Но ты же не намерена жить там?

— Да, намерена.

— Но, дорогая моя девочка, это огромный дом, и тебе понадобится куча денег, чтобы содержать его в порядке. Только для работы в парке и саду потребуются два или три человека, а сельское хозяйство, как я понимаю, это не по части Баэра.

— Он попробует им заняться, если я предложу.

— И ты собираешься жить на сельскохозяйственных продуктах Пламфильда? Это мог бы быть рай, но вы скоро поймете, что вас ждет отчаянно тяжелая работа.

— Урожай, который мы собираемся снимать, даст большой доход. — И Джо засмеялась.

— Что же это за прекрасный урожай, мэм?

— Мальчики. Я хочу открыть школу для маленьких мальчиков — хорошую, веселую, с домашней обстановкой, где я буду заботиться о них, а Фриц их учить.

— Такое могла придумать только Джо! Как это на нее похоже, а? — воскликнул Лори, обращаясь к остальным членам семьи, которые были так же удивлены, как и он.

— Мне нравится этот план, — сказала миссис Марч решительно.

— Мне тоже, — добавил ее муж, которого привлекла мысль о возможности попытаться применить сократовский метод для обучения современной молодежи.

— Это будет огромная работа для Джо, — сказала Мег, глядя по голове своего единственного, но поглощающего все ее внимание, сына.

— Джо справится, у нее все будет хорошо, замечательная идея. Расскажи нам обо всем! — воскликнул мистер Лоренс, давно горевший желанием помочь влюбленным, но знавший, что они откажутся от его помощи.

— Я знала, что вы поддержите меня, сэр. И Эми тоже — я вижу по ее глазам, хотя она благоразумно хочет сначала обдумать, а потом говорить. Так вот, дорогие мои, — продолжила Джо, — поймите, что это не одна из моих новых идей, а давно вынашиваемый план. Еще прежде, чем появился Фриц, я часто думала, как, когда я разбогатею и когда никто не будет нуждаться во мне здесь, я сниму большой дом и соберу несколько бедных, заброшенных маленьких мальчиков, у которых нет матери, и буду заботиться о них и постараюсь дать им хорошую жизнь, пока еще не поздно. Я видела много таких, которые идут к своей гибели лишь из-за того, что никто не помог им в нужную минуту. Мне так хочется что-нибудь сделать для них, я знаю их нужды и сострадаю им в их бедах, и я так хотела бы быть им матерью! Миссис Марч протянула Джо руку, и та взяла ее, улыбаясь и со слезами на глазах, и продолжила с тем энтузиазмом, которого они давно у нее не видели.

— Я рассказала однажды о моем плане Фрицу, и он ответил, что именно это было бы ему по душе, и согласился попробовать, когда мы разбогатеем. Дорогая душа, он делает это всю жизнь — помогает бедным мальчикам, хочу я сказать, но не богатеет; богатым он никогда не станет; деньги не задерживаются у него в кармане так долго, чтобы можно было начать копить. Но теперь благодаря моей доброй старой тете, которая любила меня гораздо больше, чем я заслуживала, я богата — по крайней мере, я чувствую себя богатой, — и мы сможем отлично устроиться в Пламфильде, если заведем процветающую школу. Это самое подходящее место для мальчиков: дом большой, мебель простая и прочная. В доме места хватит и на сотню человек, и окрестности чудесные. Мальчики могли бы помогать в парке и в саду: очень полезная для здоровья работа, не правда ли, сэр? Ну а Фриц сможет воспитывать и учить их, а папа поможет ему. Я могу кормить и нянчить, баловать и ругать их, а мама будет моей заместительницей. Мне всегда хотелось, чтобы вокруг меня было много мальчиков, и мне всегда их не хватало, а вот теперь я смогу иметь их целый дом и наслаждаться их обществом сколько душе угодно. Подумайте, какое наслаждение — Пламфильд мой, да еще и куча мальчиков, чтобы веселиться там со мной!

Джо взмахнула руками и восторженно ахнула, вся семья разразилась смехом, а мистер

Лоренс хохотал до того, что они испугались, как бы его не хватил удар.

— Не вижу ничего смешного, — сказала она серьезно, когда ее голос стало слышно. — Ничего не может быть естественнее и правильнее для моего профессора, чем открыть школу, а для меня — поселиться в моем собственном поместье.

— Она уже напускает на себя важность, — сказал Лори, рассматривавший выдвинутую идею как отличную шутку. — Но могу я поинтересоваться, на какие средства вы намерены содержать ваше заведение? Если все ученики — беспризорные оборвыши, боюсь, ваш урожай не будет доходным в житейском смысле, миссис Бэз.

— Не отравляй радость, Тедди. Конечно, у меня будут и богатые ученики тоже — возможно, мы начнем только с богатых, а потом, когда начало будет положено, я смогу взять одного-двух оборвышей, так, для приправы. Дети богатых людей зачастую нуждаются в заботе и ласке не меньше, чем бедные. Я видела несчастных детей, брошенных на попечение слуг или застенчивых, которых толкают вперед, заставляя быть на виду, что по-настоящему жестоко. Некоторые из них непослушные из-за неправильного воспитания или отсутствия внимания, другие лишились матери. К тому же даже лучшим из них приходится пройти через период отрочества, когда неуклюжий подросток больше всего нуждается в терпении и доброте со стороны его воспитателей. Окружающие смеются над ними, толкают их туда и сюда, пытаются убрать с глаз долой и ждут, что милые дети вдруг превратятся в прекрасных молодых мужчин. Мальчики редко жалуются — мужественные маленькие души, — но они страдают от этого. Я сама переживала нечто подобное и знаю, каково это. У меня вызывают особый интерес такие неуклюжие медвежата, и я всегда стараюсь дать им почувствовать, что их неловкие руки и ноги и путаница в головах не мешают мне видеть добрые, честные, полные самых лучших устремлений мальчишечьи сердца. Вдобавок у меня есть опыт: разве не воспитала я одного мальчика, ставшего честью и гордостью своей семьи?

— Я засвидетельствую, что ты старалась это сделать, — сказал Лори с благодарным взглядом.

— И я преуспела сверх моих ожиданий: вот ты — солидный, здравомыслящий деловой человек, который делает массу добрых дел и копит благодарности бедняков, а не доллары. Но ты не просто деловой человек: ты любишь все хорошее и красивое, сам наслаждаешься и позволяешь другим разделить удовольствия с тобой, как ты всегда поступал в прежние времена. Я горжусь тобой, Тедди, потому что ты становишься все лучше с каждым годом, и все это чувствуют, хоть ты и не дашь им сказать об этом. Да, и, когда у меня будут новые ученики, я просто укажу на тебя и скажу: «Вот образец для вас, мальчики мои!»

Бедный Лори не знал, куда глаза девать; что-то похожее на давнюю мальчишескую застенчивость охватило его, когда этот поток похвал заставил всех обернуться к нему с одобрительными взглядами и улыбками.

— Послушай, Джо, это, пожалуй, слишком, — начал он. — Ты сделала для меня столько, что я никогда не смогу отблагодарить тебя иначе, как стараясь в полную меру сил, чтобы не разочаровать тебя. Правда, потом ты, так сказать, отреклась от меня, Джо, но я не остался без поддержки, и если добился какого-то успеха, то ты можешь поблагодарить и этих двоих. — И он ласково положил одну руку на белую голову бабушки, другую — на золотистую голову Эми, так как все трое всегда держались вместе.

— Я считаю, что семья — это самое прекрасное на свете! — воскликнула Джо, которая в эту минуту была в необычно приподнятом настроении. — Я надеюсь, что, когда у меня будет своя, она окажется такой же счастливой, как те три, что я лучше всего знаю и больше всего люблю. Если бы только здесь были еще Джон и мой Фриц, это был бы настоящий маленький рай на земле, — добавила она уже спокойнее. И когда она ушла в свою комнату после этого радостного вечера семейных решений, планов и надежд, ее сердце было так переполнено счастьем, что она могла успокоить его, лишь опустившись на колени у пустой постели, которая всегда стояла рядом с ее собственной, и с нежностью задумавшись о Бесс.

Это был совершенно поразительный год, так как все шло замечательно и необычно быстро. Не успела Джо оглянуться, как уже была замужем и поселилась в Пламфильде.

Затем появились, как грибы выросли, шесть или семь мальчиков и процветали — бедные так же, как и богатые, — на удивление, так как мистер Лоренс то и дело находил какой-нибудь новый случай отчаянной нужды и умолял Баэров сжалиться над ребенком, за содержание которого он с радостью будет платить ту небольшую сумму, что потребуется. Таким образом, хитрый старый джентльмен обошел гордую Джо и сумел предоставить ей ту разновидность мальчиков, которыми она занималась с особым удовольствием.

Разумеется, сначала это была тяжелая работа, и Джо по неопытности совершала множество ошибок, но благоразумный профессор привел их корабль в более спокойную гавань, и даже самый буйный ученик был в конце концов обуздан. Как радовалась Джо своей «куче мальчиков» и как сокрушалась бы бедная дорогая тетя Марч, если бы присутствовала там и могла видеть, как священные пределы благопристойного, ухоженного Пламфильда кишат разными Томами, Диками и Гарри! Пожалуй, происшедшее можно было считать верхом справедливости, ведь при жизни старая дама была грозой для всех мальчиков на несколько миль вокруг, а теперь эти изгнанники вволю угощались прежде запретными сливами, нечестиво пинали ботинками гравий на ухоженных дорожках, не получая за это выговора, и играли в крикет на большом поле, где раньше паслась раздражительная корова со сломанным рогом, приглашавшая смельчаков прийти и быть сбитыми с ног. Школа становилась своего рода раем для мальчиков, и Лори предложил назвать ее «Баэр-гарден»⁹⁴, в честь руководителя и отражая нравы обитателей.

Это учебное заведение так и не стало модной школой, а профессор не нажил богатства, но оно стало тем, чем и хотела сделать его Джо, — счастливым родным домом для мальчиков, которые нуждаются в воспитании, заботе, доброте. Вскоре все комнаты в доме были заполнены учениками; каждый маленький участок в саду имел своего владельца, скотный двор и сарай превратились в настоящий зверинец, так как было разрешено держать домашних живо-тных; и три раза в день Джо улыбалась своему Фрицу, сидя во главе длинного стола, с обеих сторон которого тянулись ряды веселых юных лиц, поворачивавшихся к ней с признательными взглядами, доверительными речами и благодарностью в сердцах, полных любви к «маме Баэр». Теперь ей хватало мальчиков, и она никогда не уставала от них, хотя они отнюдь не были ангелами и некоторые из них доставляли много забот и тревог профессору и профессорше. Но ее вера в доброту, место для которой есть в сердце самого непослушного, дерзкого, больше всех досаждающего маленького беспризорника, давала ей терпение и умение, а со временем приносила успех, так как ни один смертный мальчик не мог устоять против «папы Баэра», сияющего доброжелательной улыбкой, точно солнце, и «мамы Баэр», прощающей любого до семижды семидесяти раз. Дружба мальчиков была очень дорога Джо — их замечательные порывы, надежды, планы, их забавные или трогательные секреты и признания, их покаянное шмыганье носом и шепот после проступков, и даже их неудачи, делали ее мальчиков только еще дороже для нее. Здесь были несообразительные и застенчивые, безвольные и необузданные, картавые и заики, один или два хромы и веселый маленький кварталерон, которого не брали ни в одну другую школу, но охотно приняли в «Баэр-гарден», хотя некоторые люди предсказывали, что это приведет к краху учебного заведения.

Да, Джо была очень счастлива там, несмотря на тяжелую работу, множество тревог и постоянный шум и гам. Она всей душой наслаждалась своей жизнью, а восхищение ее мальчиков приносило ей больше удовлетворения, чем любые похвалы остального мира, и теперь она не рассказывала сочиненных ею историй никому, кроме толпы ее восторженных сторонников и почитателей. Шли годы, и у нее появились два своих собственных мальчика, что дополнило ее счастье, — Роб, названный так в честь дедушки, и Тедди, беспечный малыш, который, казалось, унаследовал папин жизнерадостный характер и мамин

⁹⁴ По созвучию с «bear-garden» — медвежий садок, место травли медведей или, в переносном смысле, шумное сборище.

деятельный дух. Как они умудрились остаться в живых и вырасти в этом водовороте мальчиков, оставалось тайной для их бабушки и тетей, но они росли и цвели, как одуванчики весной, а их грубоватые няни любили их и верно им служили.

В Пламфильде отмечали великое множество праздников, и самым замечательным из них был ежегодный сбор яблок, когда Марчи, Лоренсы, Бруки и Баэры собирались в полном составе и посвящали весь день этому событию. Один из таких благодатных праздников состоялся на пятый год после свадьбы Джо — в теплый, солнечный октябрьский день, когда воздух был полон бодрящей свежести, которая поднимала настроение и заставляла кровь веселей бежать в жилах. Старый сад стоял в праздничном наряде: золотарник и астры окаймляли покрытые мхом стены; в сухой траве весело скакали кузнечики, а сверчки стрекотали, словно сказочные дудочки на пиру; белки тоже были заняты сбором своего маленького урожая; птицы щебетали свои прощальные песни в зарослях ольхи у дорожки, и каждое дерево было готово обрушить вниз град красных или желтых яблок, как только его потрясут. Все были там; все смеялись и пели, карабкались вверх и сваливались вниз, все утверждали, что не было еще такого замечательного дня и такой веселой компании, чтобы так радоваться; и все предавались простым удовольствиям этого дня так вольно и открыто, словно не было в мире таких вещей, как забота или горе.

Мистер Марч безмятежно разгуливал с мистером Лоренсом, цитируя Тассера, Коули и Колумеллу⁹⁵ и наслаждаясь «пьянящим соком яблок спелых». Профессор устремлялся, словно отважный немецкий рыцарь, с шестом вместо пики в проходы между рядами деревьев, возглавляя мальчиков, образовавших нечто вроде пожарной команды с лестницами и баграми и совершавших чудеса акробатики на земле и на деревьях. Лори всецело посвятил себя малышам: катал в большой корзине свою дочку, поднимал Дейзи наверх к птичьим гнездам и следил за безрассудно смелым Робом, чтобы тот не сломал себе шею. Миссис Марч и Мег сидели между горами яблок, как две Помоны⁹⁶, сортируя плоды, которые все прибывали и прибывали, в то время как Эми с прекрасным, по-матерински ласковым выражением лица делала наброски разных групп участников праздника и приглядывала за одним бледным пареньком, который сидел, положив рядом маленький костыль и восторженно глядя на нее.

Джо в тот день была целиком в своей стихии и носилась повсюду с подвернутым подолом, со шляпой, которая была где угодно, но только не на голове, и с малышом под мышкой, готовая к любым происшествиям, какие только могли произойти. Маленький Тедди был, казалось, неуязвим для любых опасностей, так как с ним никогда ничего не случалось, и Джо не испытывала ни малейшей тревоги, когда его втаскивал на дерево один мальчуган, или катал на спине другой, или кормил зелеными яблоками потакающий ему папа, пребывавший во власти немецкой иллюзии, что дети могут переварить что угодно, от квашеной капусты до пуговиц, гвоздей и их собственных маленьких ботинок. Она знала, что Тедди опять появится в положенное время, невредимый и румяный, грязный и безмятежный, и она всегда была рада получить его обратно, так как нежно любила своих малышей.

В четыре часа наступило затишье, и корзины оставались пустыми, пока сборщики яблок отдыхали и сравнивали прорехи и синяки. Затем Джо и Мег вместе с отрядом старших мальчиков накрыли ужин на траве, так как чаепитие на открытом воздухе всегда было вершиной радостей этого дня. Земля буквально текла молоком и медом в подобных случаях, так как от мальчиков не требовали сидеть за столом, а позволяли есть, как они хотят; свобода — та приправа, которая особенно дорога мальчишечьим душам. Они пользовались этой

⁹⁵ Тассер Томас (1524 — 1580) — английский писатель и поэт, автор произведений о деревенской жизни и сельском хозяйстве; Коули Эйбрахам (1618 — 1667) — английский поэт, писавший о природе и сельской жизни; Колумелла.

⁹⁶ Помона — в римской мифологии богиня плодов.

редкой привилегией в полной мере: одни пытались осуществить интересный эксперимент, стараясь выпить молоко стоя на голове, другие придали новое очарование чехарде, кусая свои пироги после очередного прыжка, поле засевалось вразброс печеньем, а яблочные пирожки рассаживались на деревьях, как новый вид птичек. Маленькие девочки устроили отдельное чаепитие, а Тед бродил от одного кушанья к другому как ему заблагорассудится.

Когда никто уже не мог съесть больше, профессор предложил первый обычный тост, который всегда провозглашали по таким праздникам: «За тетю Марч, благослови ее Господь!» Тост от всей души провозглашал добрый человек, никогда не забывавший, сколь многим он ей обязан, и пили в тишине мальчики, которых учили всегда хранить память о ней.

— Теперь — за бабушкино шестидесятилетие! Долгих лет и девятикратное «ура»!

«Ура» прокричали с энтузиазмом, чему вы, вероятно, охотно поверите, и раз начавшиеся восторженные крики было нелегко остановить. Были предложены тосты за здоровье каждого — от мистера Лоренса, считавшегося особым покровителем школы, до изумленной морской свинки, которая случайно забрела в непривычную для себя обстановку, разыскивая своего юного хозяина. Затем Деми, как старший внук, представил виновнице торжества разнообразные дары, столь многочисленные, что их доставили к месту празднеств на тачке. Очень забавными были некоторые из этих подарков, но то, что, на взгляд других, могло считаться недостатками, в глазах любящей бабушки было украшением, так как все эти вещи дети изготовили сами. Каждый шов, который сделали терпеливые пальчики Дейзи, подрубившей носовые платочки, был для миссис Марч дороже самой искусной вышивки; ящик для обуви, подарок Деми, был чудом механики, даже несмотря на то, что крышка не закрывалась; сделанная Робом скамеечка под ноги оказалась очень шаткой, но бабушка объявила, что ей нравится это успокаивающее покачивание; и ни одна страница в роскошной книге, которую подарила ей дочка Эми, не показалась бабушке такой красивой, как та, на которой неровными печатными буквами было выведено: «Дорогой бабушке от ее маленькой Бесс».

Во время этой церемонии мальчики таинственным образом исчезли; и, когда миссис Марч, попытавшаяся поблагодарить своих детей, не выдержала и расплакалась от радости, а Тедди принялся вытирать ей глаза своим передничком, профессор неожиданно запел. Затем сверху, один за другим, ему стали вторить голоса и от дерева к дереву полетела мелодия невидимого хора: вкладывая в пение всю душу, мальчики исполняли поздравительную песню — Джо написала слова, Лори положил их на музыку, а профессор великолепно отрепетировал со своими учениками. Это было нечто совершенно новое, и успех оказался грандиозным: миссис Марч никак не могла прийти в себя от приятной неожиданности и настаивала на том, чтобы пожать руку каждой птичке без перьев — от высоких Франца и Эмиля до маленького квартирона, самого сладкоголосого в хоре.

После этого мальчики исчезли, чтобы предаться заключительным забавам дня, оставив миссис Марч и ее дочерей под пиршественным деревом.

— Я думаю, что мне не следует никогда больше называть себя «неудачницей Джо», ведь мое самое большое желание так чудесно исполнилось, — сказала миссис Бэзр, вытаскивая маленький кулачок Тедди из кувшина с молоком, которое он с наслаждением вспенивал.

— И тем не менее твоя жизнь совсем не похожа на ту, какую ты рисовала себе много лет назад. Помнишь наши воздушные замки? — спросила Эми, с улыбкой наблюдая, как Лори и Джон играют в крикет с мальчиками.

— Дорогие мои! У меня сердце радуется, когда я вижу, что они забыли на один день о делах и резвятся здесь, — отозвалась Джо, которая теперь с материнским видом говорила обо всем человечестве. — Да, я помню, но такая жизнь, о какой я мечтала тогда, кажется мне теперь пустой, эгоистичной, одинокой и холодной. Я еще не оставила надежды написать хорошую книгу, но она подождет, и я уверена, что она будет еще лучше благодаря такому опыту и примерам, как эти. — И Джо указала сначала на резвящихся в отдалении мальчиков

и на своего отца, прогуливающегося под руку с профессором на солнышке и увлеченного одной из тех бесед, которые оба очень любили, а затем на свою мать, сидящую, как на троне, среди своих дочерей, с внуками на коленях и у ее ног, так, словно все находили помощь и счастье в ее добром лице, которое для них никогда не старело.

— Мои мечты осуществились в большей степени, чем у остальных. Конечно, я просила замечательных вещей, но в глубине души знала, что буду довольна, если у меня будет маленький домик, Джон и милые дети, как эти. У меня есть все это, слава Богу, и я счастливейшая женщина на свете. — И Мег положила руку на голову своего высокого мальчика с выражением нежного и искреннего удовлетворения.

— Мой настоящий замок очень отличается от того воздушного, который я строила, но я не хотела бы изменить его, хотя, как и Джо, я не оставила своих художественных исканий и не считаю, что должна ограничиться помощью другим в осуществлении их мечты о красоте. Я начала лепить фигуру ребенка, и Лори говорит, что это лучшая из всех моих работ. Я и сама так думаю и хочу позднее выполнить ее в мраморе, тогда, что бы ни случилось, я смогу сохранить хотя бы образ моего маленького ангела.

Когда Эми произносила эти слова, большая слеза скатилась по ее щеке и упала на золотистую головку ребенка, спавшего у нее на руках: ее единственная горячо любимая дочь была слабенькой и страх потерять ее омрачал счастье Эми. Это испытание во многом влияло на обоих родителей девочки — любовь и горе связывали их еще теснее. Натура Эми обретала большую мягкость, глубину, нежность; Лори становился серьезнее, сильнее, решительнее; и оба узнавали на опыте, что красота, молодость, богатство и сама любовь не могут отвлечь заботу и страдание, потерю и горе даже от самых счастливых, ибо

Без печальных и дождливых дней
Ни одна жизнь в мире не проходит.

— Она становится крепче и здоровее, я уверена, дорогая. Не падай духом, надейся и не грусти, — сказала миссис Марч, а добросердечная Дейзи, сидевшая у нее на коленях, наклонилась, чтобы прижаться своей румяной щекой к бледной щеке своей маленькой кузины.

— Я никогда не предамся отчаянию, пока у меня есть ты, мама, чтобы подбодрить меня, и Лори, чтобы взять на себя большую часть любого бремени, — ответила Эми с теплотой. — Он никогда не дает мне почувствовать его тревогу, но, напротив, всегда так мил и терпелив со мной, так преданно любит Бесс, всегда остается для меня такой опорой и утешением, что я люблю его все сильнее. Так что, несмотря на этот крест, который мне приходится нести, я могу сказать вслед за Мег: «Слава Богу, я счастливая женщина».

— Я могу и не говорить этого, так как каждый видит, что я счастливее, чем того заслуживаю, — добавила Джо, переводя взгляд со своего доброго мужа на полнощеких детишек, кувыркающихся на траве рядом с ней. — Фриц сидит и толстеет; я становлюсь худой, как щепка, и мне тридцать; мы никогда не разбогатеет, а Пламфильд может сгореть дотла в любую ночь, так как этот неисправимый Томми Бэнгз продолжает курить самодельные сигары под одеялом, хотя уже трижды сам себя поджигал. Но, несмотря на все эти неромантичные обстоятельства, мне не на что жаловаться и никогда еще не было так «замечательно здорово». Прошу прощения за эти последние слова, но, живя среди мальчиков, я не могу не употреблять время от времени их выражения.

— Да, Джо, я думаю, ты получишь хороший урожай, — начала миссис Марч, спугивая большого черного сверчка, смущавшего Тедди своим пристальным взглядом.

— Но далеко не такой хороший, как тот, что получила ты, мама. Вот он, и нам никогда не сумеешь достаточно отблагодарить тебя за все, что ты терпеливо посеяла и сжала! — воскликнула Джо со своей обычной горячностью, от которой так и не избавилась с годами.

— Надеюсь, что с каждым годом будет все больше зерна и все меньше плевел, — сказала Эми тихо.

— Огромный урожай, но я знаю, дорогая мама, в твоём сердце хватит места для него, — добавила Мег с нежностью в голосе.

Тронутая до глубины души, миссис Марч могла лишь раскрыть объятия, словно желая привлечь к себе всех детей и внуков, и сказала с материнской любовью, благодарностью и смирением:

— О, мои девочки, сколько бы вы ни жили, я никогда не смогу пожелать вам большего счастья, чем это!